

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2026. № 3 (37)

Научный рецензируемый журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций –
регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

**© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова», 2026**

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл.,
Россия, 455000).

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2026

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2026. № 3 (37)

Scientific peer-reviewed journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI № FS 77 – 85231 dated 25.04.2023.

**© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2026**

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St.,
Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2026

2026. 3 (37)

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, зав. кафедрой языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досися университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Владив-Гловер Слободанка – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Б. П. Ашрапов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова» (Республика Таджикистан, Худжанд);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, профессор кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Е. Г. Постникова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ЛФИС НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Рисунок на обложке выполнен **В. Э. Рудаковой**, студенткой направления 29.03.03 Технология полиграфического и упаковочного производства (профиль «Промышленный дизайн и протмедиа») Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

2026. 3 (37)

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regécz – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroeve – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Bahodurjon Pulotovovich Ashrapov – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of linguistics and comparative typology attached to the faculty of Foreign languages under the SEI «Khujand State

University named after academician B. Gafurov» (Tajikistan Republic, Khujand-city);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor of the Department of Foreign Languages in technical areas, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Yekaterina Postnikova – Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

The picture on the cover artwork by **V. E. Rudakova**, a student of the undergraduate program 29.03.03 Printing and Packaging Technology (profile Industrial Design and Promtmedia) at Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Ошейко С. П.</i>	МОТИВ БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ	
Ф. К. СОЛОГУБА:	К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	
(НА МАТЕРИАЛЕ	РАССКАЗА	«СМЕРТЬ
ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ»)		13

РАЗДЕЛ II. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

<i>Попова Е. С.</i>	DANSE MACABRE В РУССКОЙ	
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ	ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ	
ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНОГО		
ТРАНСФЕРА		21

РАЗДЕЛ III. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

<i>Быстров Д. М.</i>	ОРМУРИ: ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОГО	
ОПИСАНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ		31

<i>Гадаборшева А. С., Ажигова А. М.</i>	НЕУЗУАЛЬНЫЕ	
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ		82

<i>Гадаборшева А. С., Ажигова А. М.</i>	СПОСОБЫ	
ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ		
РУССКОМ ЯЗЫКЕ		88

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

<i>Алексеева О. И., Рудакова С. В.</i>	ТЕЛЕСНОСТЬ	
VS ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА		
МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПРОЗЕ		
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ М. БАТЫРЕВА И С. КОВИ)		95

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

Гурченко А. П. РЕКЛАМНЫЙ ПЛАКАТ:
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ
И ВОСПРИЯТИЯ 112

Корниенко Е. В. ТОТАЛЬНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО
КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ФИНАНСОВОЙ
АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА
Г. МАГНИТОГОРСКА) 125

РАЗДЕЛ VI. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Иванова П. Э., Рудакова С. В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
LIFESTYLE: КОГДА ВОСПИТАНИЕ ВКУСА К ЧТЕНИЮ
СТАНОВИТСЯ ОСНОВОЙ ЛИЧНОГО БРЕНДА 144

АВТОРАМ 157

CONTENTS

PART I. POETICS OF LITERATURE

<i>Osheiko S. P.</i> F. K. SOLOGUB'S PROSE: THE MOTIVE OF MADNESS (BASED ON THE STORY "DEATH BY ADVERTISEMENT")	13
---	----

PART II. COMPARATIVISTICS TODAY: TASKS – IDEAS – SCHOOLS

<i>Popova E. S.</i> DANSE MACABRE IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN LITERATURE: THE EXPERIENCE OF TYPOLOGICAL COMPARISON AND CULTURAL TRANSFER	21
--	----

PART III. LINGUISTIC POETICS. RHETORIC

<i>Bystrov D. M.</i> ORMURI: THE PROBLEM OF LEXICAL DESCRIPTION AND NEW DATA	31
--	----

<i>Gadaborsheva A. S., Azhigova T. M.</i> UNUSUAL METHODS OF ADJECTIVE FORMATION	82
--	----

<i>Gadaborsheva A. S., Azhigova T. M.</i> METHODS OF ADJECTIVE FORMATION IN MODERN RUSSIAN	88
--	----

PART IV. CULTURAL LINGUISTICS AND COUNTRY-SPECIFIC STUDIES

<i>Alekseeva O. I., Rudakova S. V.</i> EMBODIMENT VS TECHNOLOGICALITY: NATIONAL SPECIFICITY OF METAPHORICAL MODELLING IN BUSINESS PROSE: A STUDY OF BOOKS BY M. BATYREV AND S. COVEY	95
--	----

PART V. PHILOLOGY AND INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

Gurchenok A. P. ADVERTISING POSTER: FEATURES
OF THE PROCESSES OF INFLUENCE AND PERCEPTION 112

Kornienko E. V. TOTAL MENTORING AS A FACTOR
IN THE SOCIOCULTURAL AND FINANCIAL ADAPTATION
OF FOREIGN STUDENTS IN A MULTICONFESSIONAL
UNIVERSITY SPACE (A CASE STUDY OF MAGNITOGORSK
UNIVERSITY) 125

PART VI. THE METHODOLOGY OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

Ivanova P. E., Rudakova S. V. TEACHING LIFESTYLE:
WHEN CULTIVATING A TASTE FOR READING BECOMES
THE FOUNDATION OF A PERSONAL 144

TO AUTHORS 157

РАЗДЕЛ I. ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-31
ББК 83.011.6

Ошейко С. П¹.

ORCID:0009-0009-7107-3059

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,*

*630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
bealch@yandex.ru*

МОТИВ БЕЗУМИЯ В ПРОЗЕ Ф. К. СОЛОГУБА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «СМЕРТЬ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ»)

В статье рассматривается мотив безумия в творчестве Ф. К. Сологуба на материале рассказа «Смерть по объявлению». Анализ психологического портрета и динамики эмоциональных состояний главного героя, выявление логики развития сюжета, взаимодействия героя и мира, а также особенностей использования различных точек зрения позволил выявить следующие контексты функционирования мотива безумия. Мотив безумия выступает ключевым смыслопорождающим инструментом: на микроуровне безумие обуславливает изменчивый спектр эмоциональных состояний героя, делая его сверхчувствительным и склонным к резким перепадам настроения, тогда как на макроуровне этот мотив раскрывает невозможность для героя, погруженного в мир чувств, провести границу между реальным и фикциональным. На наш взгляд, амбивалентная функция мотива безумия раскрывает его ключевую роль как в формировании философско-эстетической системы Ф. К. Сологуба, так и в репрезентации особенностей его художественного метода в рамках антропологической проблематики рубежа столетий.

¹ Ошейко Сергей Петрович, магистр гуманитарного института, филологический факультет; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск, Россия.

Ключевые слова: Ф. К. Сологуб, безумие, мотив, разрушение личности, реальное и фикциональное

Кон. XIX–нач. XX вв. – эпоха интенсивного развития психиатрии. Врачи, обеспокоенные резким увеличением числа душевных расстройств, активно изучают причины развития психических расстройств, разрабатывают новые систематизации и определяют уязвимые группы населения. Научные концепции, объясняющие этиологию душевных заболеваний, поставили перед врачами конца XIX – начала XX века множество сложных вопросов. Одним из таких *questio insolubilis* стало выявление универсальной симптоматики.

Наиболее выразительную симптоматику часто демонстрировали представители маргинальных социальных групп, что послужило основанием для формирования мнения об их повышенной уязвимости к душевным заболеваниям. Интересно, что в группе риска наряду с преступниками, лицами, имеющими тяжелые наследственные заболевания, инородцами, проститутками и развратниками, также попадали художники и литераторы [2, 152–171]: деятели искусства стимулировали интерес со стороны психиатров как экстраординарным поведением, так и содержанием своих произведений. Спектр тем, интересующих писателей рубежа веков, охватывал нарушения восприятия, патологии воли, нервные заболевания, эротические девиации, что само по себе не могло остаться без внимания психиатров [7, 649–650].

Пристальное внимание писателей конца XIX – начала XX века к феномену безумия подчеркивало необратимый распад человека «*Fin de siècle*», знаменуя утрату ценностных ориентиров и эскалацию конфликта между личностью и обществом.

Указанная тенденция находит яркое художественное воплощение в творчестве Ги де Мопассана. Для многих произведений французского классика («Орля», «Маленькая рок», «Сумасшедший», «Признание», «Он?», «Одиночество», «Кто знает?», «Ночь», «Гостиница», «Дело о разводе» и др.) характерно использование душевной болезни в качестве центрального сюжетообразующего элемента. Этот прием выполняет двойную функцию: он манифестирует безудержное стремление к чувственным удовольствиям и в то же время демонстрирует ужас героев перед тем, что находится за гранью чувственного восприятия и не может быть интерпретировано в рамках сложившийся культурной парадигмы [8].

В творчестве А. Стриндберга безумие предстает следствием максимального напряжения воли («Фрекен Жюли», «Преступление и преступление», «Пепелище») или же акцентирует неспособность героя противостоять психологическому давлению («Художники», «Дитя», «Поединок», «На круги своя»), тем самым отражая обострение конфликта между индивидом и окружающей средой, эксплицируя витализм, лежащий в основе человеческих отношений и демонстрируя спектр различных психопатологий, связанных с нарушением воли.

Герои А. Шницлера зачастую балансируют на грани помешательства. Австрийский писатель использует безумие в качестве инструмента, демонстрирующего темные желания человека и в то же время подчеркивающего косный характер культуры, которая, с одной стороны, предоставляет социально приемлемые механизмы удовлетворения желаний, а с другой – неизбежно усугубляет конфликт между фантазией и реальностью, тем самым интенсифицируя разрушение личности [1, 65–97], что наиболее ярко отражено в следующих произведениях: «Цветы», «Карусель» «Лейтенант Густль», «Убийца», «Судьба барона фон Лейзенборг», «Мертвые молчат», «Фрау Берта Гарлан и ее сын», «Барышня Элиза».

В Российской империи главными адептами «большого искусства» рубежа веков выступили старшие символисты. Именно они, по замечанию О. Ханзена-Леве, разработали нечто вроде системы репрезентации безумия, постулировав различие между «творческим безумием» и бытовым сумасшествием [6, 349–353]. В лирике старших символистов (З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта и Д. С. Мережковского) присутствуют вариации на тему безумия, однако именно Ф. К. Сологуб достиг в её осмыслении наибольшей глубины. В этом контексте особое значение приобретает черновой набросок, аккумулирующий ключевую проблематику и творческое кредо Ф. К. Сологуба: «Поразительная способность воспроизведения болезненных состояний души, истерических ощущений, умение передавать сны, кошмары, химеры и т. д. Колоссальные и удивительные результаты. Моя область – между грезой и действительностью. Я – настоящий поэт бреда» [4, 592]. Емкая автохарактеристика не только раскрывает эксплицитные причины неизменного интереса Ф. К. Сологуба к феномену безумия, но и выявляет глубинные связи между его теоретическими построениями и особенностями художественного метода, непосредственно объясняя выбор сюжетов.

Действительно, безумие является частотным сюжетогенным мотивом не только в лирике и романах, но и в малой прозе

Ф. К. Сологуба. Многогранный художественный анализ безумия представлен в рассказах «Тени», «Красота», «Дама в узах (легенда белой ночи)», «Прачка с длинною косой», «Голодный блеск», «Конный стражник», но нас в первую очередь будут интересовать особенности изображения и семантическое содержание безумия в рассказе «Смерть по объявлению».

Завязка рассказа непосредственно связана с мотивом безумия: находясь под властью сплина, Резанов сочиняет письмо, адресованное Смерти: «Резанов чувствовал себя таким слабым, усталым, увядающим. К вечному успокоению все чаще клонились мысли. Казалось, что слаще нет отдыха, как на дощатом ложе, в сосновой домовине. И захотелось вдруг развлечения не по установленной программе» [5, 366]. Отметим, что неясные мотивировки, повышенная чувствительность, эмоциональные колебания будут сопровождать героя до самого конца, являясь важной частью психологического портрета и маркируя постепенное разрушение личности. Вместе с тем образ гроба, связанный с отдыхом и покоем, демонстрирует ещё один вектор безумия: создание навязчивых образов и неразличение реальных и фикциональных пространств. Тело героя также свидетельствует о начавшейся болезни. «Дрожала рука. Стучало острие карандаша. Усмехнулся. Подумал: «Старею» [5, 367].

Резанов отправляет письмо и предаётся мечтам по возвращении домой. Женские образы, создаваемые героем, точно почерпнуты из бульварных романов и в то же время реальны, так как стимулируют чувственность. Процесс фантазирования ускоряет разрушение границ между реальным и фикциональным: «...думал, какая она придет. Тощая, уродливая, с побуревшим от бедности и страданий лицом, с желтыми зубами, с жидкими рыжеватыми космами...Или молоденькая, застенчивая, тихая, с тонкими пальцами швеи...Или пьяною придет проституткою, накрашенная, разбитная... Или провинциальная вульгарная дама в невероятном костюме...» [5, 368].

Эпизод, связанный с получением письма, маркирует усиливающееся безумие Резанова и отражает утрату ощущения реальности. В сознании героя продавец открыток метонимически уподобляется своему товару, а работники и посетители почтамта оказываются живыми марионетками. Всеобъемлющая пошлость обуславливает разрушение границ между индивидом, предметом и знаком, тем самым репрезентуя оскудение духовного мира человека и подмену ценностей. «Вертящаяся витрина показала ему все виды приторной пошлости на открытках... Смазливая девица со скучающим лицом обидчиво дернула плечами. ... кудерьки на лбу,

фарфоровый цвет лица, синие зрачки. ...рыжий господин с котелком в руке и беспокойными глазами смотрел на письма ... Господин, по всем признакам, ждал письма «чувствительного и фривольного», и волновался, и был некрасив и жалок» [5, 368–369].

Рыжий господин фактически оказывается комическим двойником главного героя. Заметим, что Резанов также представляет смерть в рамках готовых парадигм, обнаруживая зависимость своего духовного мира от шаблонов современной культуры, однако не выставляет это напоказ в отличие от незнакомого господина. Неизвестно, чем закончилось любовное свидание мужчины с котелком, но ожидания героя не суждено было сбыться. Автор лишает смерть каких-либо индивидуализирующих черт, тем самым подчеркивая её инобытийную природу: «...тонкая, бледная, очень тихая и спокойная. ... Глаза серые, спокойные. Ничего не выдавали. Только внимательные. В лице, совсем некрасивом, выражение ясности и покорности. ... казалось, что холодом повеяло от нее. И так тихи, так недвижны были складки ее белого платья» [5, 370–371]. Общение со Смертью маркирует необратимый характер болезни героя, что проявляется в нестабильности эмоционального состояния и в обострении конфликта между чувством, волей и действием: «Тоска томила его. Он сказал резким голосом, побеждая тоску и страх ...И крикнул с дикою злобою...Такие безнадежные и беспощадные упали слова. Дрогнул. Поник... И была тоска, и усталость, и равнодушие» [5, 373]. Ф. К. Сологуб выстраивает спектр негативных эмоций Резанова (от гнева до равнодушия), приковывая внимание читателя к проблеме утраты воли. Максимальное нервное истощение приводит героя к утрате воли, что становится ключевым маркером его прогрессирующего безумия.

Далее отметим важную деталь: по мере развития сюжета Ф. К. Сологуб усугубляет безумие Резанова, актуализируя тему преследования. Этот прием типичен для автора «Смерти по объявлению»: в его творчестве преследование часто функционирует как гипермотив, который эксплицирует разрушение связей между героем и окружающим миром, сопровождая постепенную деградацию героя [3]. Этот принцип находит отражение в судьбе Резанова: едва расставшись со Смертью, герой испытывает непреодолимое желание вновь увидеть её: «Сам замкнул дверь на ключ ... Потом остановился в полутемной передней. Смотрел на дверь тоскующими глазами. Чувствовал, – точно видел сквозь опрозрачившуюся вдруг дверь, – как она стоит за дверью, тихая, с кроткою улыбкою...» [5, 375].

Лихорадка становится для Резанова точкой невозврата, за которой следует окончательный распад личности. Этот процесс выражается в ослаблении границ между точкой зрения автора и героя, а также в неразличении внутренней и внешней речи. «Томила тоска. Мысли были неясны и спутаны. Голова кружилась. По телу пробегал озноб и жар» [5, 375]. Герой начинает жалеть Смерть и убеждает себя в том, что ему нечего бояться и что негативный ареол смерти вызван прежде всего людскими страхами: «Весь сотрясался в приступах жестокой и сладкой лихорадки. Какие странные приходят в голову мысли! Она – умная и добросовестная. Взяла деньги, и хочет их заработать, и хорошо играет подсказанную ей роль. Отчего же она такая холодная? Да оттого, что – она бедная, голодная, усталая, больная. Устала от работы. Так много ей работы» [5, 376]. На следующую ночь, окончательно перестав различать реальность и фантазию, Резанов, не проявляя эмоций, выпускает смерть, и они совершают парное самоубийство на ложе любви.

Подведем некоторые итоги. В рассказе Ф. К. Сологуба «Смерть по объявлению» мотив безумия выступает катализатором извечного конфликта чувственного и волевого начал в душе Резанова. Указанный антагонизм влечет за собой утрату способности различать реальность и фантазию, что в конечном счете и становится причиной гибели героя. Трагическая развязка оказывается закономерным итогом развития душевной болезни. Безумие Резанова не только характеризует его личную драму, но и раскрывает значимую роль феномена безумия в философско-эстетической концепции Ф. К. Сологуба, подчеркивая тесную связь его творчества с антропологической проблематикой рубежа веков.

Список источников

1. Жеребин А. И. Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2011. 533 с. (Австрийская библиотека).
2. Сироткина И. Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с. (Серия «Научная библиотека»).
3. Сконечная О. Ю. Русский параноидальный роман : Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 251 с. (Научная библиотека, Научное приложение).
4. Сологуб Ф. К. Стихотворения. / сост., подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние,

1979. 679 с. (Библиотека поэта : Оsn. M. Горьким. Большая серия: 2-е изд.).

5. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2 Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказки / сост. примеч. Т. Ф. Прокопова, вступ. ст. С. Л. Соложенкиной. Москва: НПЦ «Интелвак», 2001. 624 с.

6. Ханзен-Леве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Броммер, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. Санкт-Петербург: «Академический проект», 1999. 512 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 20).

7. Rukalski Z. Maupassant and Chekhov: Differences // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13. No. 4 (Winter, 1971). Pp. 374–402. URL: <https://www.jstor.org/stable/40866374> (дата обращения: 10.06.2026).

8. Smith J. M. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature // Studies in Philology, Vol. 50. No. 4 (Oct., 1953). Pp. 640–651. URL: www.jstor.org/stable/4173078 (дата обращения: 10.06.2026).

REFERENCES

1. Zherebin A. I. Vertikal'naya liniya: venskij modern v smyslovom prostranstve russkoj kul'tury. Sankt-Peterburg: Izd-vo im. N. I. Novikova, 2011. 533, p. (Avstrijskaya biblioteka). (In Russ.).

2. Sirotkina I. E. Klassiki i psixiatry. Psixiatriya v rossijskoj kul'ture konca XIX–nachala HH ve-ka. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 272 p. (Seriya «Nauchnaya biblioteka»). (In Russ.).

3. Skonechnaya O. Yu. Russkij paranoiidal'nyj roman: Fedor Sologub, Andrej Belyj, Vladimir Nabokov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 251, p. (Nauchnaya biblioteka, Nauchnoe prilozhenie). (In Russ.).

4. Sologub F. K. Stihotvoreniya. / sost., podgot. teksta i primech. M. I. Dikman. Leningrad: Sov. pisa-tel'. Leningr. otd-nie, 1979. 6n79 s. (Biblioteka poeta: Osn. M. Gor'kim. Bol'shaya seriya: 2-e izd.). (In Russ.).

5. Sologub F. K. Sbranie sochinenij: V 6 t. T. 2 Melkij bes. Roman. Rasskazy. Skazki / cost. primech. T. F. Prokopova, vstup. st. S. L. Solozhenkinoy. M.: NPC «Intelvak», 2001. 624 p. (In Russ.).

6. Hanzen-Lyove O. Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm / per. s nem. S. Bromer, A. C. Masевича i A. E. Barzaha. SPb.: «Akademicheskij proekt», 1999. 512 s. (Seriya «So-vremennaya zapadnaya rusistika», t. 20). (In Russ.).

7. Rukalski Z. Maupassant and Chekhov: Differences // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13. No. 4 (Winter,

1971). Pp. 374–402. URL: <https://www.jstor.org/stable/40866374> (дата обращения: 10.06.2026). (In Russ.).

8. Smith J. M. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature // *Studies in Philology*, Vol. 50. No. 4 (Oct., 1953). Pp. 640–651. URL: www.jstor.org/stable/4173078 (дата обращения: 10.06.2026). (In Russ.).

**F. K. SOLOGUB'S PROSE: THE MOTIVE OF MADNESS
(BASED ON THE STORY "DEATH BY ADVERTISEMENT")**

Sergei P. Osheiko

Master, Novosibirsk National Research State University
(Novosibirsk, Russia)

Abstract

This article examines the motif of madness in F. K. Sologub's works, using the story "Death by Advertise" as an example. An analysis of the protagonist's psychological profile and emotional dynamics, an examination of the logic of plot development, the interaction between the protagonist and the world, and the specific use of different points of view revealed the following contexts for the functioning of the motif of madness. The motif of madness serves as a key meaning-generating tool: at the micro level, madness determines the protagonist's variable spectrum of emotional states, making him hypersensitive and prone to sudden mood swings, while at the macro level, this motif reveals the inability of the protagonist, immersed in the world of feelings, to distinguish between the real and the fictional. In our opinion, the ambivalent function of the motif of madness reveals its key role both in the formation of F. K. Sologub's philosophical and aesthetic system and in representing the characteristics of his artistic method within the framework of anthropological problems at the turn of the century.

Keywords: F. K. Sologub, madness, motive, destruction of personality, real and fictional

Для цитирования: Ошейко С. П. // Мотив безумия в прозе Ф. К. Сологуба: к постановке вопроса (на материале рассказа «Смерть по объявлению») // *Libri Magistri*. 2026. №3. С. 13–20.

Поступила в редакцию 19.06.2026

РАЗДЕЛ II. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

УДК 821.161.1
ББК 83.3

Е. С. Попова¹

*МБОУ «Маловидненская СОШ им. Селимова М. В.»
298400, Россия, г. Бахчисарай, ул. Шатшала, д. 5
elnega@yandex.ru*

DANSE MACABRE В РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Статья посвящена компаративному анализу сюжета *Danse Macabre* («Пляска Смерти») в русской и западноевропейской литературных традициях. На материале средневековых французских и немецких источников, а также произведений Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова прослеживается эволюция макабрического сюжета от религиозно-дидактической аллегории к романтической метафоре и философской концепции. Вводится типология культурного трансфера, выделяются три этапа рецепции: перевод (калькирование), адаптация (переосмысление в национальном ключе) и трансформация (создание оригинальной философской концепции). Показано, что Лермонтов не только завершает эту эволюцию, но и совершает качественный скачок, перенося «пляску смерти» из внешнего мира во внутренний, превращая её в метафору духовного кризиса и создавая концепт «живых мертвецов». В отличие от предшественников, у которых смерть остается внешней силой (природной, мистической или карнавальной), у Лермонтова она становится внутренним состоянием, мерой подлинности существования. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века и в спецкурсах по творчеству М. Ю. Лермонтова. Новизна работы

¹ Попова Елена С., учитель, МБОУ «Маловидненская СОШ им. Селимова М. В.», г. Бахчисарай, Россия.

заключается в системном анализе трансформации макабрического сюжета в русской литературе и введении типологии культурного трансфера применительно к русской рецепции *Danse Macabre*.

Ключевые слова: Лермонтов, *Danse Macabre*, культурный трансфер, типология, компаративистика, «живые мертвецы», романтизм, Державин, Жуковский, Пушкин

Введение

Сюжет *Danse Macabre* («Пляска Смерти») принадлежит к числу наиболее устойчивых и значимых явлений европейской культуры. Возникнув в эпоху Позднего Средневековья – во второй половине XIV века, он получил многообразное воплощение в литературе, изобразительном искусстве, музыке и театральных представлениях. Как отмечает исследователь Софи Остервейк, «*The Dance of Death (or Danse Macabre)* is an allegorical confrontation of the living with death. It is both a literary and a visual theme that aims to remind readers and viewers of their own mortality by presenting a range of social representatives who are summoned to die» [9]. В европейском романтизме XIX века интерес к макабрической традиции переживает новое рождение, и русская литература, активно усваивавшая западноевропейские влияния, органично вписывается в этот процесс.

Однако характер этого усвоения не был единообразным. От древнерусского перевода западноевропейского диалога о Жизни и Смерти до лермонтовского концепта «живых мертвецов» культурный трансфер проходит сложный путь, который включает этапы от простого заимствования до глубокой философской трансформации. Цель настоящей статьи – выявить типологию этого процесса, показав, как общеевропейский сюжет переосмысливается в русской культурной среде и приобретает новое, национальное звучание.

1. Типология культурного трансфера: от перевода к трансформации

Для анализа рецепции сюжета *Danse Macabre* в русской литературе необходимо ввести типологию культурного трансфера, выделяющую три основных этапа:

1. Перевод (калькирование). Первый этап представляет собой прямой перенос западноевропейского текста в русскую культурную среду. Это переводной характер произведений, где сохраняется структура, образный строй и дидактическая функция оригинала. Примером служит древнерусское «Прение живота

со смертью» (конец XV века), представляющее собой перевод западноевропейского диалога о Жизни и Смерти.

2. Адаптация (переосмысление в национальном ключе). Второй этап характеризуется творческой переработкой западного образца, его адаптацией к национальной культурной традиции. Сохраняя структурные элементы сюжета, автор наполняет их новым содержанием, связанным с особенностями национального мировоззрения. Примерами могут служить баллады В. А. Жуковского, которые, будучи переводами западноевропейских баллад, приобретают ярко выраженное русское звучание, и «Пир во время чумы» А. С. Пушкина, создающий на основе западного источника оригинальное произведение, отражающее русское карнавальное противостояние смерти.

3. Трансформация (создание оригинальной философской концепции). Третий этап представляет собой качественный скачок: автор не просто переводит или адаптирует западный сюжет, но создает на его основе оригинальную философскую концепцию, которая выходит далеко за рамки исходного образца. Именно такую трансформацию мы видим в творчестве М. Ю. Лермонтова, который переносит «пляску смерти» из внешнего мира во внутренний, превращая её в метафору духовного кризиса и создавая концепт «живых мертвецов».

2. Западноевропейский канон *Danse Macabre*

Прежде чем рассматривать русскую рецепцию, необходимо кратко охарактеризовать западноевропейский канон. Как отмечает Софи Остервейк, «The Dance of Death (or Danse Macabre) is an allegorical confrontation of the living with death. It is both a literary and a visual theme that aims to remind readers and viewers of their own mortality by presenting a range of social representatives who are summoned to die» [9].

Центральная идея *Danse Macabre* заключается в аллегорическом изображении того, как Смерть призывает к себе представителей всех сословий – «независимо от того, высокого или низкого происхождения, молодого или старого, богатого или бедного» [10]. В литературных воплощениях доминирует диалогическая форма: Смерть обращается к каждому из призываемых ею персонажей, а те отвечают ей, выражая ужас, отчаяние или покорность. Социальный состав участников варьируется, но обычно включает представителей всех сословий – от папы римского и императора до крестьянина и нищего.

В развитии макабрического сюжета выделяются две основные ветви: «религиозная» (средневековая, дидактическая) и «светская» (романтическая, экзистенциальная). Вторая ветвь связана

с возникновением концепта «живых мертвецов» – людей, мертвых духовно, но продолжающих физическое существование. Именно эту ветвь и развивает Лермонтов.

3. Первый этап рецепции: перевод (калькирование)

Первым произведением макабрического характера, вошедшим в русскую книжность, было «Двоесловие живота и смерти», позднее получившее название «Прение живота со смертью». Памятник представляет собой перевод западноевропейского диалога о Жизни и Смерти, восходящий к концу XV века и связанный с кругом архиепископа Геннадия Новгородского [5, 4].

Характерной особенностью памятника является диалогическая форма:

«Рече же живот: «Госпоже моя смерть, покажи на мне милость свою, отпусти мя ко отцу моему духовному, да покаюся ему, елико согреших». Рече же ему смерть: «Никако же, человеце, не отпущу ты ни на один час. Тем вы прельщаетесь...» [5, 5].

В тексте, однако, отсутствует ключевой элемент сюжета *Danse Macabre* – хоровод или процессия представителей разных сословий. Поэтому памятник следует рассматривать как ранний макабрический мотив, но не как полноценный сюжет *Totentanz*. Это первый этап рецепции – прямой перевод, калькирование западного образца, его адаптация к православно-учительной среде.

4. Второй этап рецепции: адаптация

В XVIII–XIX веках русские авторы последовательно осваивают макабрические мотивы, переходя от простого заимствования к творческой переработке.

Г. Р. Державин в оде «На смерть князя Мещерского» (1779) создает зримый, осязаемый образ всеуравнивающей смерти:

Глагол времен! металла звон!

Твой страшный глас меня смущает;

Зовет меня, зовет твой стон,

Зовет – и к гробу приближает [2, 57].

Державин последовательно проводит идею всеуравнивающей силы смерти: «Без жалости всё смерть разит: / И звезды ею сокрушаются, / И солнца ею потушаются, / И всем мирам она грозит» [2, 58]. Исследователи прямо отмечают, что Державин использует в этой оде мотив, родственному европейскому *Totentanz* [3, 20]. Однако Державин, при всей новаторской силе своего образа, остается в рамках

просветительского мировоззрения: его смерть — это внешний закон природы, а не внутреннее состояние.

В. А. Жуковский вводит макабрическую эстетику как самостоятельную художественную систему. В балладе «Людмила» (1808) финальная сцена смерти и появления мертвецов создает выразительную картину соприкосновения живого и мертвого [4, I]. В «Лесном царе» (1818) смерть приходит как результат столкновения с иррациональным миром [4, II]. В «Светлане» (1813) мотив мертвого жениха получает более мягкое, сновидческое разрешение [4, II]. Однако у Жуковского смерть остается внешней силой, вызывающей страх, а не внутренним состоянием субъекта.

А. С. Пушкин в «Пире во время чумы» (1830) приближается к структурной модели *Danse Macabre* заметно ближе, чем его предшественники. В трагедии возникает коллективное действие, противопоставленное эпидемической смерти:

Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы [7, 5].

Особенно важно, что в пьесе имеется диалогическое напряжение: позиция Председателя вступает в конфликт с голосом Священника, то есть смерть становится не только фоном, но и предметом мировоззренческого спора. Однако, как и у его предшественников, у Пушкина смерть остается внешней силой. Герои противопоставляют себя смерти, но не становятся «живыми мертвецами».

5. Третий этап рецепции: трансформация (Лермонтов)

Лермонтов не просто наследует предшествующую традицию, но переводит её в иной философский план. В стихотворении «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830–1831) он обращается к мотиву спора тела и души, но в отличие от «Прения живота со смертью», у него отсутствует религиозное разрешение:

И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Всё кончилось. Равно нам чуждо стало [6, т. 1, 120].

Душа и тело расстаются «с досадою» и «печалью», и их расставание не ведет к покаянию или спасению. Смерть здесь — не переход к вечной жизни, а окончательное уничтожение.

В драме «Маскарад» (1835–1836) социальная жизнь изображена как пространство обезличивания:

Под маской все чины равны.

У маски ни души, ни званья нет, – есть тело» [6, IV, 45].

Эта формула является лермонтовским переосмыслением макабрической идеи: человек в обществе существует как внешняя оболочка, как тело без внутреннего содержания. Здесь хоровод *Danse Macabre* превращается в светский маскарад, а смерть – в состояние духовной пустоты. Концепт «живых мертвецов» получает развитие и в других произведениях Лермонтова: в поэме «Демон» (1829–1839) и в романе «Герой нашего времени» (1840), где Печорин характеризует себя как человека, который «живёт не сердцем, а головой» [6, IV, 156].

6. Сравнительный анализ: типология культурного трансфера

Для наглядности сопоставим все рассмотренные этапы рецепции в таблице.

Этап рецепции	Автор	Произведение	Характер трансформации	Образ Смерти	Функция Смерти
Перевод (калькирование)	Древнерусский текст	«Прение жидова со смертию»	Прямой перевод западного образца	Персонифицированная Смерть-аллегория	Религиозно-дидактическая (призыв к покаянию)
Адаптация	Г. Р. Державин	«На смерть князя Мещерского»	Переосмысление в духе просветительской поэтики	Зримый, осязаемый образ	Констатация неизбежности конца
Адаптация	В. А. Жуковский	«Людмила», «Лесной царь»	Адаптация к эстетике романтического ужаса	Мистическая, иррациональная сила	Создание атмосферы ужаса

Адаптация	А. С. Пушкин	«Пир во время чумы»	Карнавальное переосмысление	Чума как атмосфера, фон	Вызов смерти через карнавал
Трансформация	М. Ю. Лермонтов	«Маскарад», «Смерть», «Демон»	Создание оригинальной философской концепции	«Живые мертвецы» – духовная смерть при физической жизни	Мера подлинности существования

Заключение

Проведенный компаративный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, рецепция сюжета Danse Macabre в русской литературе представляет собой сложный и многоступенчатый процесс культурного трансфера, который включает три основных этапа: перевод (калькирование), адаптация (переосмысление в национальном ключе) и трансформация (создание оригинальной философской концепции).

Во-вторых, на этапе перевода («Прение живота со смертью») западноевропейский образец переносится в русскую культурную среду практически без изменений, сохраняя свою религиозно-дидактическую функцию.

В-третьих, на этапе адаптации (Державин, Жуковский, Пушкин) русские авторы творчески перерабатывают западные образцы, наполняя их новым содержанием, связанным с особенностями национального мировоззрения. Однако все они сохраняют смерть как внешнюю силу.

В-четвертых, на этапе трансформации (Лермонтов) происходит качественный скачок: макабрический сюжет переосмысливается в оригинальную философскую концепцию, в которой смерть перестает быть внешним событием и становится внутренним состоянием, мерой подлинности существования. Концепт «живых мертвецов» знаменует собой переход от внешней аллегории к внутренней метафоре, от религиозно-дидактического сюжета к экзистенциальной проблематике.

Таким образом, Лермонтов не только завершает эволюцию макабрического сюжета в русской литературе, но и выводит его на принципиально новый философский уровень, предвосхищая экзистенциалистскую проблематику XX века.

Список источников

- 1.Державин Г. Р. На смерть князя Мещерского // Державин Г. Р. Сочинения : в 7 т. Санкт-Петербург, 1864. Т. 1. С. 57–59.
- 2.Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Москва: Языки славянской культуры, 1999. Т. 1–2.
- 3.Леонавичус А. В. Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 4. С. 17–28.
- 4.Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва: Воскресенье, 1999–2000. Т. 1, 4, 6.
- 5.Прение живота со смертью // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Москва: Художественная литература, 1984. С. 4–18.
- 6.Пушкин А. С. Пир во время чумы // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937–1949. Т. 7.
- 7.Традиция Danse Macabre и произведения М. Ю. Лермонтова // DIZZW. 2025. Март. С. 29–34.
URL: <https://zenodo.org/records/15124642> (дата обращения: 09.07.2026).
- 8.Encyclopaedia Britannica. Dance of Death.
URL: <https://www.britannica.com/art/dance-of-death-art-motif> (дата обращения: 09.07.2026).
- 9.Oosterwijk S. Dance of Death // Oxford Bibliographies. Oxford University Press, 2012.
URL: <https://academic.oup.com/reference/62384/reference-article-abstract/555058629?redirectedFrom=fulltext#555058629> (дата обращения: 09.07.2026).

REFERENCES

- 1.Derzhavin G. R. Na smert' knyazy Meshcherskogo [On the Death of Prince Meshchersky] // Derzhavin G. R. Sochineniya [Works]: in 7 vols. – Saint Petersburg, 1864. Vol. 1. Pp. 57–59. (In Russ.)
- 2.Zhukovsky V. A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]: in 20 vols. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1999. Vols. 1–2. (In Russ.)
- 3.Leonavichus A. V. Bal kak plyaska smerti u A. Bloka i russkikh romantikov [The Ball as a Dance of Death in A. Blok and the Russian Romantics] // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies»]. 2015. № 4. Pp. 17–28. (In Russ.)

4.Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: in 10 vols. Moscow: Voskresen'e, 1999–2000. Vols. 1, 4, 6. (In Russ.)

5.Prenie zhivota so smert'yu [The Debate between Life and Death] // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka [Monuments of Old Russian Literature. The End of the 15th – First Half of the 16th Century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 4–18. (In Russ.)

6.Pushkin A. S. Pir vo vremya chumy [A Feast during the Plague] // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: in 16 vols. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949. Vol. 7. (In Russ.)

7.Traditsiya Danse Macabre i proizvedeniya M. Yu. Lermontova [The Danse Macabre Tradition and the Works of M. Yu. Lermontov] // DIZZW. 2025. March. Pp. 29–34. URL: <https://zenodo.org/records/15124642> (accessed 09.07.2026). (In Russ.)

8.Encyclopaedia Britannica. Dance of Death. URL: <https://www.britannica.com/art/dance-of-death-art-motif> (accessed 09.07.2026). (In Eng.).

9.Oosterwijk S. Dance of Death // Oxford Bibliographies. – Oxford University Press, 2012.

URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195396584/obo-9780195396584-0020.xml> (accessed 09.07.2026). (In Eng.).

DANSE MACABRE IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN LITERATURE: THE EXPERIENCE OF TYPOLOGICAL COMPARISON AND CULTURAL TRANSFER

Elena S. Popova

Teacher, Malovydnenskaya Secondary School named after M. V. Selimov
(Bakhchisaray, Russia)

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of the Danse Macabre plot in Russian and Western European literary traditions. Based on medieval French and German sources, as well as works by G. R. Derzhavin, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov, the evolution of the macabre plot from a religious-didactic allegory to a Romantic metaphor and philosophical concept is traced. A typology of cultural transfer is introduced, three stages of reception are identified: translation (calquing), adaptation (reinterpretation in a national key) and transformation (creation of an original philosophical concept). It is shown that Lermontov not only completes this evolution, but also makes a qualitative leap, transferring

the «dance of death» from the external world to the internal one, turning it into a metaphor for spiritual crisis and creating the concept of the «living dead». Unlike his predecessors, for whom death remains an external force (natural, mystical or carnivalesque), for Lermontov it becomes an internal state, a measure of the authenticity of existence. The results of the study can be used in university courses on the history of Russian literature of the 19th century and in special courses on the work of M. Yu. Lermontov. The novelty of the work lies in a systematic analysis of the transformation of the macabre plot in Russian literature and the introduction of a typology of cultural transfer in relation to the Russian reception of Danse Macabre.

Keywords: Lermontov, Danse Macabre, cultural transfer, typology, comparative studies, «living dead», Romanticism, Derzhavin, Zhukovsky, Pushkin

Для цитирования: Попова Е. С. Danse Macabre в русской и западноевропейской литературе: опыт типологического сопоставления и культурного трансфера // Libri Magistri. 2026. № 3. С. 21–30.

Поступила в редакцию 10.07.2026

РАЗДЕЛ III. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

УДК 811.221.41

ББК 81.63

Д. М. Быстров¹

ORCID: 0000-0002-9678-5804

независимый исследователь

Рязань, Россия

dmitry.alonecoder@gmail.com

ОРМУРИ: ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

В данной работе описаны проблемы лексического описания языка ормури (в плане ограниченности материала, в плане несоответствий и двусмысленности в источниках, в плане неучтенной структуры языкового сообщества – клановая структура) и приведены списки Сводеша-207 для ормури (отдельно два диалекта, с учетом новых данных по канигурамскому диалекту, собранных автором в 2025 году) и парачи. Для канигурамского диалекта ормури даны авестийские этимологии с указанием различий с праиранскими, празападноиранскими и правосточноиранскими формами.

Ключевые слова: ормури, парачи, список Сводеша, этимология, авестийский

Введение

Язык ормури – иранский язык, используемый в городе Kānīgūgam в Пакистане (Южный Вазиристан) и в городе Barak-ī Barak в Афганистане (провинция Логар). В настоящее время находится под угрозой исчезновения (есть вероятность, что в Афганистане он уже не используется). По некоторым фонетическим (*w > ʷ, *b > b, *s(t)r > š, *ʒr > šr, *dw- > b-, *nt/*nd > n, потеря интервокальных *-t-, *-š- [31, 9]) и лексическим особенностям (tr- ‘to drink’, gar ‘stone’, nāk ‘wife’ и др. [31, 10]) язык ормури близок к языку парачи (провинция Каписа, Афганистан), также вымирающему.

¹Быстров Дмитрий Михайлович, независимый исследователь, г. Рязань, Россия.

Наиболее полные описания языка ормури составляли исследователи языка парачи – Г. Моргенштерне [31] ([32] содержит дополнительный лексический материал из канигурамского диалекта) и В. А. Ефимов [5] (работы С. М. Kieffer'a нам недоступны). Подходы этих исследователей различались в том, что Г. Моргенштерне рассматривал ормури и парачи как центральноиранские языки со значительным восточноиранским материалом в лексике [31, 12-13, 317-318], а В. А. Ефимов – как западноиранские [5, 7-8]. Позже А. А. Трофимов на основе 110-словника и системы ударений продемонстрировал, что восточноиранских черт в обоих языках больше [38] [10]. Само существование такого вопроса свидетельствует о том, что ормури и парачи могут играть очень важную роль в классификации иранских языков и реконструкции промежуточных состояний. Поэтому они должны быть насколько можно полно описаны, пока ещё не вымерли или не перешли на формальное изучение по словарю, потеряв большинство незафиксированной лексики.

В настоящий момент пропагандой языка ормури в Пакистане занимается местный активист Rozi Khan Burki (при поддержке Forum for Language Initiatives). В частности, он издал первый авторский сборник на ормури [18], ормури-урду-английский словарь [19] и ряд других книг, а также организовал обучение письменности ормури (его собственная система на основе афганского алфавита) в школе города Канигурам.

Наша работа с языком ормури проводилась в связи с написанием монографии по истории иранской базовой лексики, которая в свою очередь требуется для проекта праиндоевропейского словаря нового типа ([20] [21], до этого была опубликована аналогичная монография по балтославянским языкам [3]). Мы вели переписку с Tarif Burki (20 лет, родился и на момент интервью проживает в Исламабаде, воспитывался на ферме ормуриговорящими родственниками, далее ТВ¹) в феврале-июле 2025 года и с Rozi Khan Burki (около 50 лет, родился в Канигураме, проживает в Пешаваре, далее RKB) в мае 2025 года. Переписка велась на английском языке через сайт YouTube² и электронную почту. Орфография ТВ и RKB существенно различается, а также отличается от орфографий Моргенштерне и Ефимова.

¹Примеры произношения ТВ: <https://www.youtube.com/watch?v=pX-6tFya37c>

²Начало переписки с ТВ:
https://www.youtube.com/watch?v=YgrWJVAvKp4&lc=UgxoqZnhAN5Pq3drq2l4AaABAq.AEQqDZwdDGwAEu_NK7wutX

В отличие от «парачи», «ормури» не является самоназванием. Самоназванием является *Brə 'kī* (ТВ, [19], для логарского диалекта [19] также приводит [*bərəkī barək*] и [*bərəkī raġān*]). Ранее это название было известно как *Baraki*, *Bereki*, *Burrukee* [31, 307]. Исконное название языка – *Bargistā* или *Bargastā* [25] (сейчас не используется, не отмечено в [19]). Вероятно, из-за путаницы эндонимов с экзонимами существует разнობой в ударении. Моргенштерне фиксирует у носителей *Ōrmu 'ī* [31, 387] как название ормури (так же произносит ТВ как название языка; [19] не ставит ударение, приводит [*Ormuġi Alif Bey*] и [*workshop, tə wərməḡō*]), но *Pa 'rāčī* как название языка [31, 280]. Но при этом Ефимов ставит ударение «парачи» [6, 3] (записано как *parāčī* и для названия народности, и для названия языка [6, 226]), но избегает ставить ударение в слове «ормури» (он также использует единственное число «ормур» для этнонима, записано от информанта Халилулла Ормур как *ormór*, *ormər*, *ōrmər* [7, 188]).

Сколько диалектов у языка ормури?

Некоторые особенности, которые относили к различию канигурамского и логарского диалектов, встречаются в речи ТВ для одних и тех же слов: /ā/ против /ā̃/ в слове *zāl* ‘old’, /ts/ против /č/ в *tsami/chami* ‘eyes’ (ср. также Кан. *čo* ‘go!’ в данных Ефимова), /dz/ против /j/ в *dzarka/jarka* ‘woman, female’, *painjh/penj* ‘five’ (по звукозаписи звук промежуточный), /x"/ против /x/ в *xwai/xoi* ‘own, self’. При этом ТВ отрицает какое-либо логарское происхождение.

Информанты расходятся даже в произношении названия города: *kani'guram* у ТВ (пишет через rr) и [*kani grām*] в [19]: «Kani is name of this place and gram in Persian means village» (имеется в виду санскритское (не персидское) *grāma*- m. ‘village’). При этом логарский диалект фиксирует *kānigrām* [7, 188].

Внутри логарского диалекта по данным Leech и Raverty также непоследовательно отражение /š/: как /š/ и как /ṣ/ [5, 306].

Если опираться на четкое разделение Логар vs. Канигурам, эти факты невозможно объяснить. Поэтому к этому вопросу следует подходить более широко.

1. Единственными серьезными фонетическими отличиями логарского диалекта являются сохранение /š/ (при Кан. /s/) < *s(t)r, *sy, *čy (/š/ < *xš сохраняется и в канигурамском) и сохранение /ō/ при Кан. /yō/ (также известна запись /yu/) или /yē/ (в окончании глагола).

2. Логар является вторичной базой по отношению к Канигураму. Это подтверждают и логарский учитель Халилулла Ормур [7, 188], и ТВ. Приводим текст ТВ о Канигураме как первичной базе (есть звукозапись) в его же переводе (табл. 1):

Таблица 1

Ormuri (Kaniguram)	Перевод
Ghaik bu sa sa ka	It is said so that
Aa braki khali kanigurram nar nak buk hin	The burkis were not only in kanigurram.
Pa lasta mukhki afai	Before this they were
Tol ta waziristan ilaqah nar buk hin	Present in all areas of waziristan
Bie sa shiok ka barani di nak suk hin	Then happened so that there were no rains (for long periods of time)
Khusk saali er de zak ga aa khalaq dal wal ilaqee ki tishtiyaik	Drought came and people (burkis) migrated to diffrent areas.
Aa khoi ilaqan wotq kok al jalandar ki chaik kok al peshawar ki chaik kok al logar ki chaik kok al goda ki chaik kok al goda ki chaik	Left their area and some went to jalandar (present day city in india. Burkis from there later on migrated to lahore during partition and dont speak ormuri but rather urdu and punjabi) some went to peshawar some went to logar people went to diffrent places.
Ka ai al di ka aa chaik chawak hin ai maldarai khalaq biok ka ta chain naila day wast biok chawak bu hainchak hin	These who migrated were wealthy people who had the ability to migrate and could migrate.
Ga ka aa chain di hanzuk hin afai saa khalaq biok ka cha darak an day nak biok ta safar . Ta pai bie ghondak maldarai nak buk hin	And the one who were left were such people that who did not have any source for traveling. They were not wealthy like the others.
Afai tam suk hin shor ga ta pa ird gird ilaqee nar	They stayed in kanigurram (also called shor) and surrounding areas.
Ta pa paicha ka aa chain khalaq di hanzyuk biok afai er sa jak ki tol suk hin	Afterwards the people who wre left here gathered into a single place
Ka san al bu chain jak ki kanigurram ghoshin	The place that is now called kanigurram .
Pa nar abad suk hin ga o jak takreeban zar chan lasta abad ha	They settled here and this is settled since a thousand year.

Ka aa chain braki dal wal ilaqee ki chawak hin ... ta peshawar wala pa pashto aa zban ka aa chain ha .. pa fa shuri suk hin	Those burkis who migrated to surrounding areas... the ones in peshawar .. pashto language... they adopted that language
Ga aa chain al jalandar ki chawak hin afai aa khoi zban wataq ya bu pa punjapiye zaghak hin ya bu pa bi zban zaghak hin	And those who went to jalandar either started to speak on punjabi language or other language.
Ga ka aa chain di shor nar hanzuk hin khali afai aa khoi warmaro mehfuз satak	And those who were left in kanigurram only those retained their ormuri .

3. Современное взаимодействие между Логаром и Канигурамом известно. В частности, у Ефимова был описан водитель грузовика Б. М., который говорил на логарском диалекте с некоторыми канигурамскими формами [5, 306]). ТВ со своей стороны сообщил, что люди из Логара переезжали в Канигурам с 1970-х годов.

4. Канигурам не является и никогда в известной истории не являлся единым. Несмотря на незначительное население (менее 14000 человек, далеко не все из которых владеют языком ормури), он делится на западную и восточную части, и в каждой из частей проживает значительное количество кланов ормури. Наиболее хорошо описан восток города с 8 кланами ([19]: «[dzester šor nar hānšt tālyæ yin] There are eight sub-tribes of Burkis in Eastern Kaniguram»).

Кланы ормури по [19]:

– Bekai: в том числе Sargoṭai [sər'go'təy] (=TB Sargoṭai, [19]: also called Gunneegh or Gunujji, восток города. Туда входят [alam xel], [sed xel], [səffā xel]) + отдельно [usman khel]

– Alamay [aləməy] (=TB Alamai, участвовали в сражении клана Bekai против Malak Dinis при деревне Tannuk)

– Jarani [dzə'rə'nly] (осталась одна семья после сражения с Bekai в начале XIX в., восток города? (соседи Sargoṭai))

– [wurmugly] (восток города)

– [mānə'wel] (восток города)

– Mikhail [mixail] (=TB Mikhail, бедняки, восток города)

– [mirza beg] (нет сведений)

– [xərlətsəy] (нет сведений)

– Ramandsar/Rhammand-Sar (нет сведений, упоминаются в контексте XVI века: “In response to Bayazid's repeated plea of rectifying their behaviour and on the instigation of his arch rival Sheikh Aoria, six out of seven sub-tribes namely Jarani, Sargoṭai, Ramandsar, Lamatani,

Khikanai and Kharmindzani got together to oust Bayazid from the town forever. However, Sheikh Farid, the chief of Bekai sub-tribe took Bayazid's side by opposing his ouster)

– Lamatani/Lamatanhi [ləmətāni] (переселенцы с востока города на запад города, туда входят Durrani, Namrachi)

– Khikanai [xikənəy] (=TB Khikanai, запад города. Туда входят Pashak, Borai, Angoor, Wali Khels. Большинство перешли на пашто)

– Kharmindzani (=TB Kharminzāni, запад города, соседи Sargoṭai)

– Zargar [zərgar], [zərgar], [zərgər] (=TB Zergár/Zargár, кузнецы, певцы, запад города. Туда входят [thəlli walli], [Ibrahim khel, zərgar], [hassən khel, zərgar], [mir dad khel, zərgər])

– Pir [pir] (=TB Pir/Peer, иного происхождения, запад и восток города. [19]: They call themselves Sadaat and claim their origin as Gilanis, Jilanis and Bukharis etc. TB: they speakOrmuri but say that they are Arab / descendants of prophet Muhammad)

– Dawood-Khel (у RKB только в стихах) = Daud(khel) (TB)

– Dum (TB) в [19] только как «[dum] Drum beater, a professional drum beater».

TB: «Mostly are named by the profession of their ancestors or just by their ancestors for e.g. zargar name is due being involved in trade of gold dum are named because their ancestors used to beat drums or other musical activities etc etc. All of them live side by side within kanigurram but in separate areas (now mixed to some extent). However their ormrui is slightly change from one another as i mentioned previously as some use words in different context or maybe some use words we no longer use since i haven't lived in my hometown».

Каких-либо особенных логарских кланов не известно.

TB и RKB относятся к клану Sargoṭai. Нет никаких сведений о том, к каким кланам относились информанты Моргенштерне, Ефимова, Холберга [26] и других исследователей. Можно только предположить, что Dīn Muhammad у Моргенштерне, которого информанты Ефимова считали ненастоящим ормуrom [5, 311], относился к клану Pir (в соответствии с описанием этого клана). На это указывают и слова Dīn Muhammad: “According to him the Ormur tribe are Sayyids” [31, 311]. Ещё более натянутая догадка – Ghulam Muhammad Khan Popalzai of Charsadda (автор первого учебника ормури, недавно переизданного [35], и информант Гирсона) относился к клану Durrani (потому что клан Popalzai неизвестен; слово Popalzai могло быть использовано вместо Durrānī под влиянием

названий соответствующих пуштунских правящих кланов: пуштунские Popalzai входят в Durrānī).

Таким образом, особенности речи подавляющего большинства ормурических кланов неизвестны. А учитывая, что язык ормури в основном используется только для внутрисемейного общения, могло накопиться большое количество расхождений. В частности, ТВ (дядя которого был школьным другом RKB) имеет значительные расхождения в базовой лексике по сравнению с RKB (по [18]):

– some: TB dushki ‘few; some’, RKB [tsūn] ‘how much, how many; several’: [košīštə wə tsūn wārə dōk, xə nelə di ekvritə sūk] ‘He/she did try several times but failed every time’ (tsə ‘some’ по [19] означает ‘какой-то’, например, ‘there was some bird’), у ТВ зафиксировано choon ‘how much’

– short: TB toot [tuut] (=‘low’), zori (=‘small’), RKB lā~d ‘short’

– louse: TB spuy/spoi, RKB lōpər

– root: TB wulyai, RKB pon

– skin: TB charmun, RKB wzin

– to swell: TB It swells : oo bu dadaiaik sa. It swelled : oo dad shiok, RKB ɲʊlɐ ‘swell’

– lake: TB jheel < Pashto dzihil, RKB tsilyær ‘lake’

– fog: TB loogai (=‘steam’), RKB duŋ

– smooth: TB narum (=‘soft’), RKB šwəy/həwwār

– breast: TB cheek, RKB gəgəl

– to squeeze: TB I can't squeeze any more clothes : " biye ghunji li bu nak teenga hen chim ". I squeezed the juice from the lemon : " nimbu lasta em er a ras na wulak ", RKB prū~j 'squeeze'

– to stab: TB The cow tries to stab/prick/pierce me : " aa gyoī er bu aa kali ku mun nar wisawak ". He stabbed the deer in the neck with a knife : " afal ta hirn makandai ki aa kali wisawak ". The arrow pierced his back : " aa teer al tafa e biyan waghoo", [19] rindaw 'stab', rindæk 'to stab with a dagger'

– guts: TB qolmi (< Pashto), RKB byaan

– to fight: TB I fight the laziness : " az ye bu ta susti muqabilah kaim ". He fought the bear : " afa yee ta yeeza muqabila dak ", RKB šaxxə/wānə 'fight'

– to wipe: TB I wipe the table : " az bu aa maiz sapa kaim ". He wiped the table : " afa aa maiz sapa dok ", RKB wreaw 'wipe'

– to flow: TB The river flows : " a daryab rawan hah ". The river flowed : " a daryab rawan biok ", RKB bəyaw 'flow'

– wind: TB hava, RKB baad

– ice: TB yakh (=‘freeze’), RKB kəɾaŋɟ

Д. М. Быстров

– true/correct: TB arakha ‘true’, RKB səhī ‘correct’, ‘Right; being in accordance with what is just, good, or proper’

– at: TB pa ‘at, towards’, RKB zər ‘at’

– with: TB Oil will not mix with water: " a tail su wak gad nak gadwad sa ". We played together : " Makh pa gada shtami dak hin ", RKB girəḏ ‘with’

– and: TB ga, RKB o ([19] [gə^h] Aux V Cnj ‘Too/also/and; likewise, besides, in addition’).

Такой уровень расхождений чрезвычайно велик для одного диалекта, поэтому возникли предположения о синонимии, которые можно было подтвердить или опровергнуть только дополнительными распросами. ТВ прокомментировал по поводу этого списка расхождений (RKB не стал его комментировать): “Most of the words rozi khan mentioned are used along side with the one i mentioned except a few which are:

Root

Swell

Lake

Squeeze

Stab (i didnt knew the ormuri word for it s i just used related words to it so RKB is correct)

Guts (byaan used by RKB is wrong .. byaan means "back")

And (the word for and is 'ga' here RKB might have translated it wrong)

Child (bachai word is used for it)

Louse (the correct word is spui not loper... loper means wanderer/goon

These are the words that are to some extent differently used btw me and him its most propably because i grew outside of my village so i might be using pashto or urdu loan words here.”

При этом ТВ не отмечает какой-либо разницы в своем произношении по сравнению с RKB, и наоборот.

Лексические проблемы

В лексическом описании языка ормури существуют следующие проблемы:

1. Носители логарского диалекта недоступны для контакта. Есть только отрывочные сведения у Моргенсьерне и Ефимова, в сумме составляющие около 2000 слов.

2. Носители канигурамского диалекта доступны для контакта, но они относятся к одному клану и проживают вне Канигурама.

Зафиксированный словарь канигурамского диалекта от RKB включает всего около 6 тысяч слов, включая словоформы (множественное число некоторых существительных, формы некоторых глаголов). При этом он не содержит сведения Моргенстьерне и Ефимова о канигурамском диалекте (порядка 1000 слов).

3. Между современными носителями канигурамского диалекта (RKB и ТВ) существуют значительные расхождения. Поэтому при заполнении списков Сводеша нельзя слепо брать одну из зафиксированных форм, а нужно в каждом случае проводить специальное исследование.

4. Моргенстьерне и Ефимов в основном выписывали слова из текстов. При этом не всегда можно точно восстановить значение. Только словарь [19] дает достаточно точные определения.

5. Даже по словарю [19] невозможно узнать основное немаркированное слово на каждое понятие. Поэтому приходится консультироваться с носителями по конкретным словам и понятиям.

6. Для понятий, слово для которых информант не может сразу вспомнить, он часто ставит слово из другого языка. В частности, ТВ в вышеприведенном тексте (табл. 1) позже сделал поправку “ird gird is a loan word from urdu meaning surrounding areas while ormuri words is mukhi chutki / dal wal”. Таким образом, для некоторых слов как канигурамского, так и логарского диалектов известны только заимствованные варианты (из вазири пашто, персидского и неопределённых языков с церебральными согласными).

7. Словарь RKB часто не отражает ударения, хотя акцентология ормури нетривиальна и отражает древнеиранское состояние [7, 180; 10]. С другой стороны, RKB записал более 7000 фраз без перевода в виде аудио¹.

8. Во многих случаях определить точную гласную фонему и её долготу по существующим фиксациям затруднительно. В частности, Ефимов и ТВ не различают долготу /i/ в канигурамском диалекте (Моргенстьерне и RKB различают), в фиксациях выпадают отдельные гласные и согласные, имеются колебания o/u, z/dz/j, встречаются коварные опечатки вроде *ĉi* вместо *ṣi* [26, 129], 'root' вместо 'roof' [18, 61] (что видно по [19]).

9. Многие глагольные формы не документированы. Для большинства глаголов известен инфинитив (или прошедшее время), но не личные формы и императив. Существуют также расхождения по мужским и женским формам прошедшего времени

¹Примеры произношения RKB: <https://commonvoice.mozilla.org/oru/listen>

(в логарском диалекте и в речи ТВ это различие почти не используется).

– *byuk* (m.)/*buk* (f.) ‘was’ – ТВ использует *buk*;

– *dok* (m.)/*dāk* (f.) ‘did’ – ТВ использует *dok* и *dak* (оба в мужском роде);

– *syuk* (m.)/*suk* (f.) ‘became’ – ТВ использует *suk*.

10. Перфект у ТВ не вполне соответствует описанному у Ефимова использованию в каждом случае форм глагола ‘to be’ [Ефимов 220-221], хотя по отдельности эти формы живы: «Mostly " hin " is used with plurals for e.g afai tarmun aa bati ghlai dak hin: they stole my boots

– While HA is used with singular e.g.: 'afai tarmun aa bot ghlai dok ha'

– and 'makh pa gada shtami dak YEN would be wrong it would be ' makh pa gada shtami dak hin' where 'shtami ':[playing' is considered as plural and 'shtam' is its singular.

We are: makh yen

You are: tios hai

They are: afai hin».

11. Информанты не смогли дать информации по префиксам и суффиксам. Вероятно, словообразование в ормури уже мертво, но оно, безусловно, существовало. Кроме глагольных *-ak* (прошедшее время) и *-aw* (девербатив), можно отметить:

– *āwī* ‘-ness’: Kan. *xwāžāwī* ‘sweetness’ ~ *xwāš* (Log. *xwāš*) ‘sweet’ (Av. *xvarəzišta*- ‘sweetest’) [31];

– *ak* ‘diminutive’: Log. *pazák* ‘nose’ [31] < Pashto *paza*;

– *an?*: RKB [bən'yæk], f. [bə'nək] ‘to drop down, to descent, to toss, to throw down’, [bænən] ‘to throw off, to drop down, to fling’ [19];

ra- ‘towards me/us’: Log. Kan. *zok*, Kan. *razok* ‘came’ (RKB: [rzök, zök'ir] V (REY at the start of the word Rzok represents the IR of the 2nd word above indicating contacted pronominal prefix of direction "towards me/us" replacing IR suffix) ‘(towards me/us) he came’, [rzāk] V Fm ‘(towards me/us) she came’, [rzəy] V Imp ‘(towards me/us) thou come’, [rzāy] V Pl ‘(towards me/us) you come’, [rzon] V 3rd Sg. Pl ‘(towards me/us) let him/them come’ [19]);

wa-?: Kan. *dzak* ‘killed (shot)’ [26], Kan. *wazn-* / *wáz-yok* (RKB [wλzn] ‘kill’ [19]).

Таким образом, ни один из диалектов ормури не описан полноценно – ни для общения, ни для компаративистики. Малое количество незаимствованных слов не позволяет проводить

достаточно точные глоттохронологические исследования. Соответствующая математика для двух и более диалектов с лакунами не разработана. Мы не можем в общем случае подменять данные одного диалекта данными другого или данными реконструированного для них прadiaлекта.

Список Сводеша

Приводим список Сводеша-207 для ормури. Табл. 2 содержит главные зафиксированные формы для логарского и канигурамского диалектов (если главная заимствована, то и главную незаимствованную), а также «идеальную» исконную канигурамскую форму (в том числе с восстановленными *č*, *ǰ* вместо нерегулярных *č*/ts, *ǰ*/dz). При отсутствии исконной (незаимствованной) формы помечаем это жирным курсивом.

Основой канигурамского списка является вариация на тему списка Сводеша-207, приведенная RKB в первой книге [18, 57-72]. В некоторых случаях значения слов списка Сводеша там определены неверно, эти случаи корректируются по словарю RKB [19] и исправлениям ТВ. Фонетика может уточняться по более старым источникам (E с номером страницы обозначает [23], Texts – [34], H – [26], Le, Rav – Leech, Raverty по [31], M – [31], M2 – [32], RKB 1999 – [18], RKB – [19]). «Идеальная» канигурамская форма приводится в транскрипции Моргенштерне.

Для сравнения приводим также список Сводеша-207 для парачи, ранее не публиковавшийся (составлен по [31; 6]). К сожалению, имеющиеся данные не позволяют заполнить его полностью.

Для «идеальной» канигурамской формы мы также даем иранскую праформу в соответствии с лексическими данными авестийского языка. В случае, когда авестийское слово имеет значение, не соответствующее значению строки, особо это указываем, в остальных случаях нет. Также особо указываем расхождения с праиранской, западноиранской и восточноиранской лексикой. Эти предварительные реконструкции построены нами на базе всех доступных иранских языков, предварительно собранных в 8 групп по фонетическим и географическим критериям: ЮЗ, СЗ, осетинская, авесто-согдо-хорезмийская, ормури-парачи, бактро-мунджи-пуштунская, сако-вахо-ишкашимская, северопамирская. Рабочие материалы размещены и обновляются по ссылке [2].

Пуштунские слова отслеживались по опроснику Холберга [26], а также по словарю Рэверти (основной информант из Кандагара) [36] и словарю Лоримера (диалект вазири) [29].

Дардские слова (калаша) отслеживались по онлайн-словарю Forum for Language Initiatives: [https://www.fli-online.org/documents/languages/kalasha/kalasha_lexicon_Ge/lexicon/main.htm].

Нуристанские слова (камвири, катавари) отслеживались по онлайн-словарям Richard F. Strand: [<http://nuristan.info/>].

Авестийские слова отслеживались по словарям Kanga [27; 28] и Бартоломе [16].

Для сравнения приводятся согдийские слова по словарям [24; 37], ягнобские слова по словарям [1; 33], хорезмийские слова по [17; 11].

Для иллюстрации также используются этимологии из хотаносакского словаря Бейли [15] и этимологических словарей [14; 9; 22; 12].

Таблица 2

	Parachi	Ormuri Log.	Ormuri Kan.	Ormuri Kan. (ideal)	Proto-form for Ormuri Kan. (ideal)	Plr./Wlr./Elr./Av. difference
	žū M 19 ān M 234	az M, E	az M, E, az H, az RKB, az TB	az	*azm (Av. azəm)	common
ou (sg)	tō M	tu M, E	tu M, E, tu H, to RKB, tu TB	tu	*tuwam (Av. tūm)	common
e	ō? M 231, wā M 303 [durūy M < Pers.]	afo E 210, -wa (postvocalic) M	proximate (h)ō m., (h)a m.f., remote afo m., afa m.f. E 165, (h)afo m., (h)afa m.f. E 156, afa / awo H, fə ^h , afə ^h m., a'fā f. RKB, afa TB	hō, hafō	*hāu- ('he' Av.) [+ *awa- ('that' Av.)]	common (Plr. *hāu-, *i-)
e	mā'we' M	mā' E	māx M, E, max H, māx 'we (not including you)' RKB, makh TB	māx	*ahmāh ('us' Av.) + *wayam ('we' Av.) ~ согл. m'xw	common (Plr. *ahmāh)
ou (pl)	wā M, wākhan, -ō(u) M2	/tos M 348, E 18 < Pashto/	/tyos M, E, tyosa H, tyōs RKB, tyos TB < Pashto tāsu, (Wazīri) tus, tose/	tyōs(a)	< Pashto tāsu	!= Plr. *yūzm]*x šmā-
hey	ē 'they' M 67, hē 'these' M 66 -an M	ayī 'these' M 350	proximate ay (aya 'they' H, ay 'these', obl. ay 'these, they' RKB), remote afay E 165, afay RKB, afai TB	ay, afāy	*awa- ('that' Av.) +] *ayta- (Av. aēta, aēta 'they')	common (Plr. *ay)
his	ē M, (h)ē E	a E	o M, E, H, RKB, TB yī 'this very' RKB	ō	*awa- ('that' Av.)	!= Plr. *aym]*im a-
	ō M, hu, ho	(h)afō M	hafō M, (h)afo m., (h)afa	hafō	*hāu- ('he')	common

hat	M, (h)ō E	386, aḡō M 321, afo E 210	m.f. E 156, ḷwō, ḷḡō H		Av.) + *awa-	(Plr. *awa- кроме осет.)
ere	<u>ēk, ekestāk,</u> <u>enhāk M, ēk,</u> <u>eksāk E</u> <u>da</u> <u>M, dā(l) E 'at'</u>	īnda M, inā E	i-d(a) M, da E 159, dā ^h RKB, da TB	da	*idā (Av. idā, iōa)	common (Elr. также *imaθrā)
here	<u>okēī, okistak,</u> <u>unhak M2,</u> <u>ok, oksāk E</u>	yuwal Le, wal M	(i)wal M, wə ^h , wḷ RKB, (i)wal TB	iwal	*awaθra (Av. avaθra)	common
ho	ka M 263 khān M 36	kok Le, kōk M	kuk M, kok H, RKB, TB	<u>kōk</u>	*ka- + *awa- (‘that’ Av.) + *ka-	common (Plr. ka-)
hat	če M	tsa Le, M	tsa M, tsḷ H, cha TB, tsə ^h RKB	<u>ča</u>	*čid + *ha- (‘this’ Av.), cp. согл. cw, ягн. čo (*čid + *awa- ‘that’)	common (Plr. *čid)
here	kū, kūi M	gudā Le, gudā M	gudā M, gudō H, gu(d)dā RKB, goda TB	<u>gudā</u>	*kudā (Av. kudā), cp. согл. kōwtý, ‘kw(-)ty, xop. ‘kwž	common (Plr. *kū кроме осет.)
hen	kabí M	ka, kàn Le, kōn M	kān, gān M, kan H, kaan RKB, kan TB	<u>kān</u>	*kad (Av. kadā, kat) + *na? (cp. Av. yā.čiča = yā.čina ‘whatever’)	common (Plr. kadā)
ow	<i>[zanēḡg M < Pashto (Waziri) tsangra]</i>	[sarrang Le, tsarang M] čun [14, II, 201-202]	[tsḷxxḷ RKB, chakhal TB < Pers. chixel ‘how’] tsā RKB tsūn RKB	<u>ča, čun</u>	*čiu (Av. čū) [+ *na?], cp. согл. c’n(w), xop. ‘cwn	common
ot	na M	nak M, E	nak M, nḷkk RKB, nak TB	<u>nak</u>	*na (Av. na) + *kā (‘how’ Av.)	common (Plr. na)
ll (bce)	hu, ho M, hoss/huss M [kull M < Pers.]	hera ‘all, every’ Le, ayēra M, ayera E [kull M < Pers.]	(h)ar ‘all, every’ M, arrə, ḷrrə, alwa ‘rə ‘all’ RKB, ara/aára ‘every, all’ TB [aṭol H, a ṭol (‘all, everyone’) RKB, toll TB < Pashto]	<u>hara</u>	*harwa- (Av. haurwa- ‘whole, all’)	Av. != Plr. *hama- (a mə ^h ‘every’ RKB), wīsfā-
any	<i>[yalabá M, E < Pers.] [dāl M2] [bahí E < Skr.]</i>	<i>[zut M, zot E < Pers.]</i>	<i>[zut M, zuṭ^h H, zott RKB, zut TB < Pers.]</i>	<i>zut</i>	< Pers. zyāt < Arab. ziyād	!= Plr. *paru-

ome (неск олько)	čâ 'some; how many?' M	tsùn Le, tsūn(d) M 'some, how much, how many?'	tsōn M, choon 'how much' TB, tsūn 'how much, how many; several' RKB !=tsə ^(h) 'some (there was some bird)' RKB, cha 'something' TB [dushki 'some, several, few' TB] a jinnə 'some, a few' RKB	čun	*čwant ('how much, how many' Av.)	common
ew	[ʔxčsā E < <i>Punjabi</i> <i>ghaṭṭa?</i>]	kem 'мало, редко' [14, IV, 194] [diši 'a little? (of water)' M < Skr.]	[duški H, doškī ('some, less, least, insufficient, a bit, lack of) RKB, duž (('slight') RKB, dushki TB < Skr. doṣa- 'deficiency') kəem 'less' RKB, kaim 'insufficient' TB != tsūn ('several') RKB	kem	*kamna- (Av. kamna-)	common
ther	žâ M2, žhām, hōžâ E < Av. yūta- 'separated' M	bē, bēga M	bī M, byæ RKB, bi TB	byē	*dwitya- (Av. bitya- 'second') ~ содл. ḍḍty- 'other'	!= Plr. *anya-
ne	žu < Av. aēwa- M	šē M 317, še E	sō M 317, sa E, sa H, sə ^h RKB, sa TB	sa, sō	*sya- (Av. ša- 'this') [+ *awa-]	!= Plr. *aywa-
wo	nap. di ~ do	dō M, do E	dyō M, dio H, dyo RKB, dio TB	dyō	*dwa- (Av. dwa-) через *diwa- ~ хор. 'ḍ'w	common
hree	ši M	šo M, E	š'ē M, ři E, ři (опечатка) H, ři RKB, xhree TB	š'ē	*ḡraya- (Av. ḡrāyō)	common
our	čōr M	tsār E	tsār M, E, tsar H, tsar RKB, chaar, tshar TB	čār	*caḡwar (Av. čaḡwarə)	common
ive	pōnč M	pēnts M, pendz E	pēnj M, pendz E, H, pə~dž RKB, penj, painjh TB	pēnj	*panča (Av. paṇča)	common
ig	[ʔyulū M < <i>Pers.</i> < <i>Arab.</i>] [ghaṇḍ M2, E] [ferīman M2 < <i>Ind.</i>]	sturra Le, (u)stur M, stor E	st(a)r M, sturr RKB muzzəy 'obese' RKB [səməndyæ ('very big') RKB, samandai TB < Pashto samandar 'sea' < Skr.] [opm. ʔat H, ʔot RKB, ghoot TB < Pashto ʔat] [yulæč RKB] ɣweztsi, ɣwēzd M2 < 'fat'	stūr	*stūra- 'thick' (('vast, powerful' Av.?!))	!= Plr. *maza- кроме осет.
	bīštō M, bišt	drāy E	drāy M, draay RKB	drāy	*drya- (Av.	common

¹Слово stūra- приводят Бартоломе [16, 1606] и Цаболов без ссылки на текст Авесты. В словарях Канга его нет.

ong	E < <u>*br̥zataka-</u>				darya-)	(Elr. также *br̥za-)
ide	[ʔ]	[<i>ārat</i> M < <i>Pashto</i>]	pan M, pl̥n RKB, plun TB [ārat, hāš'at M < Pashto]	plan	<u>*pr̥θana</u> (Av. <u>fraθaṇha-</u> , <u>paθana-</u>)	Av. != Plr. *pr̥θu-
hick	(e)stōrō M	stor E 251 ēixāt 'fat (adj.)' M	[γuməy RKB, ghroomai TB < Kalasha d'hum 'thick', garum 'rich or strong (of food): cream, nuts, eggs, mutton, butter, cheese'] st(a)r M, sturr 'big' RKB tsxat 'fat (adj.)' M [!= gλ̥ RKB (Waziri gan̄ 'thick, close, dense')]	stūr	*stūra- ('vast, powerful' Av.?)	common
evay	girān M2 [b'e(y)ān E < Ind.?)	[<i>wazmīn</i> <i>Le</i> , <i>wazmīnd</i> M < <i>Pers.</i>]	grān M, graan RKB, gran TB ~ согд. γr'n, пшт. draná f., язг. γərən, ср.- перс. gl' n', сев.-курд. giran или < Pers.	grān	*grāna- (Av. gar- 'to be heavy', uzgərəçna 'heavy')	common (кроме осет.) (Elr. тж. *garuka-)
mall	[ēīnō M2 < Dard.?) γēso 'too little' M	zarī M	zarī M, zārī H, zərī RKB [karikotka(i) H, kakotkəy (Adj 'little babe, a little soul'), kur'kun'ɖay ('a small cucumber') RKB, zarikotkai TB < Pashto kamkóláy, kamkótay 'малюсенький') wōḡ RKB	zarī	*zarya- (Av. zairya f aman 'of thin measure') ~ пар. rīza rīza 'in small pieces' M? (или к Av. rən̄jya 'light (not heavy)')	Av. != Plr. *kasu- кроме осет., *manuka- (осет.)
hort	kōt M, kōtāh E пар. γánōkō ~ хот. vanda-, бал. gwand M	[<i>lan̄d</i> < <i>Pashto</i>]	[<i>lan̄d^h</i> H, <i>la~d</i> , <i>lan̄d</i> RKB < <i>Pashto</i>] <i>zorī</i> TB < 'small' [<i>tūt</i> 'low, short' TB] <i>mə'zān</i> 'a very small piece of bread broken from the min part' RKB	<i>lan̄d</i>	< <i>Pashto</i> (<i>Waziri</i>) <i>lan̄d</i>	!=Plr. *m̄zu-, *kutaka- кроме осет.
arrow	[ēīnō M < Skr. cūr̥ṇa-] tangī 'narrow street' M2 [luṇḍu M2 < Pashto]	tang M narái 'narrow' M < 'thin'	t̥aṇ M2, taṇṇ RKB narái ('mountain pass') M, nō'ray, nō'yæ RKB, narai TB < 'thin'	tang	*tanuka- (Av. tan- 'to extend, to stretch') или < Pers. tang	common (Plr. *tanuka- кроме осет., *anzu-)
hin	[mahín M < Pers.] <u>nāzok</u> E	narai Le	narye E 136, nəray RKB, narai TB ~ Pashto (Waziri) narai čāṅgrōškə RKB kil' kyæ RKB	<u>naráy</u>	<u>*anazdya-ka-</u> (Av. <u>anazdya-</u> 'thin') ~ хор. <u>n'ryk</u>	Elr.? != Plr. *tanuka-
oman	[<i>zaif</i> M2 < <i>Pers.</i> < <i>Arab.</i>]	zarká M	zark(a) M, dzarká E, dzə(r)kə ^h , pl. dzəelī RKB,	zarká и jarká	*zan- 'to bear (child)' (Av.	Av.? != Plr. *jani-

			jarka/dzarka TB ~ ягн. zar(d)čá 'роженица до истечения 40-дневного периода', м.б. ~ nāk M, nak ^h H, naak RKB 'wife' (ср. выпадение в dzə(r)kə ^h)		zâ-) и jani- (Av. jēni f.) + Av. nāirikā- f.	!*gnā- f. кроме осет.
an (adult male)	mēr M jura 'male child' M	[saḍaiki Rav < Pashto]	[sarai M, sarai, sarhay TB < Pashto] kun 'jūrəy 'small kids' RKB, zāggwəṛ 'son' RKB (*zanḡa- + *wīra-?)	saṛay	< Pashto (Waziri) sarai m.	!= Plr. wīra- m., *m(a)rta- m.
uman (person)	mēr M [māneš=māneš, māniš M < Ind.]	[nafar M] [xālaq 'people' M < Pers.]	[insān RKB, insan TB < Pers.] [xalq M, khalaq TB 'people' < Pers.] [bān 'dā' RKB, bani adam TB]	insān	< Pers. insān < Arab.	!= Plr. *m(a)rta- m. (кроме осет.)
hild	zây M, zây E [awlād, walad E < Arab.] [yuṛōk M2, yorōk E < Pashto]	[awlād E < Arab.] marzā 'brother' E ('mother' + *zanḡa-)	[kulān ('son') M, kulak RKB, kulak ('boy') TB < Kalasha ku'ak, Kamviri ku'a 'child', Skr. kula- 'family'] [wōrkai M, worḡai(i) H < Pashto] windzōk 'son of a co-wife' (*ha-paṇi-zanḡaka-), marzā 'brother' E, zāggwəṛ 'son' RKB (+ *wīra-) [bachai TB < Pers.?)	*zā	*zanḡa- m. (Av. zāḡa- m.)	common (Plr. *zanḡa- m., Elr. также *puḡra- m. < 'son')
ife	jīnč M < 'woman' nāyō 'невеста'	nāk Le, nāk M	nāk M, nak ^h H, naak RKB ~ Skr. navyā- 'newly married woman' (Av., согд. неизв.) wan 'co-wife' (ha-paṇi-) M 326, windzōk 'son of a co-wife' [14, VI, 252] < *ha-paṇi-zanḡaka- < Av. -paṇi- 'wife (in compounds)'	nāk	*nawya-kā- f. 'невеста', ср. ягн. nīkōh 'женильба' или < Av. nāirikā- f. (см. 'woman')	!= Plr. *paṇi- f. кроме осет.
usband	xâ(ī), xā M mēr M	māli E	māli M, mali H, maali, māli RKB	māli	*mrtya- m. (Av. mašya- 'human being')	!= Plr. *fsuyant- m.? (кроме осет.)
other	mâ(čī), māmā M2 aī M2	māw Rav, māwā M	māw(a) M, mawə H, maawə RKB, maawa TB	māwa	*mātar- f. (Av. mātar- f.)	common
ather	[bāw M < Pashai S bāw	[dadai Rav <	pye E 212, pie H, pyæ RKB, piye TB ~ ?tā	pye	*pitar- m. (Av. pitar-,	common

	M] [dādā M] petē 'paternal uncle' M 47	Pashai S dādā M] pe E 212	'uncle (father's brother') M		patar-, ptā m. 'father')	
nimal	čōrpā 'cattle' M	[ʔ]	[dʒinnawər RKB, zinawar TB < Pers. jānvar] carwōk ('sheep and goats') M, čārpāy, tsārway E 48 [hewān E < Pers.]	čārpāy	*čaθwar-pati- (Av. čaθwarə. paitistāna- 'quadruped')	common
ish	māsō M, m'āsō E	māyī M	māyī M, mayī RKB, mayee, mayī TB (y M, RKB, TB, Ormuri TV нет ни одного названия вида рыб!)	māyī	*masya- m. (Av. mačya-)	common (EIr. также *kapa-)
ird	murčē 'sparrow (воробей) (*mrğa-č-), muryāwī 'duck' M	morgā 'sparrow, little bird' E	mirgə ^h 'sparrow' RKB (muryān 'bird'), mirgā 'bird', pl. mirji TB, "murghān – Pashto word" TB (Pashto ملګۍ) kajīr 'name of a bird' M2, jījūrə 'stomach of chicken or any of the bird' RKB < Av. vaya-, vi- m. 'bird'	mirgā	*mīṛya- m. (Av. mərəya- m.)	common
og	espō M, (e)spay 1925 Report 20	(ə)spuk M, spok E	spuk M, spak E, spēkk RKB, spak TB 'dog', speeyei 'bitch' TB	spak	*sfan-ka- m. (Av. çpan-, çwan- m. 'dog', spaka- 'dog-like')	common
ouse	espō M 19, ispō M	spōi M, spuy E	spōi M, spūy ('lice') RKB, spuy, spoi TB wraje 'small, red louse' M2, wrajyæ 'a sticking insect found in the skin of dirty animals' RKB != lopər RKB, loper 'wanderer/ goon' TB	spūy	*sfis-ya-? n. (Av. çpis- n.)	common
nake	[haždār M < Pers.] kerm murā-i put 'spine' M (='snake'+back') , cf. Pashai S murupušt M	mār M, mār	[maṅgor H, maṅgor RKB, maṅgor TB < Pashto] ta asman bala 'dragon' TB mīyoy 'frog' RKB	māngo r	< Pashto (Waziri) maṅgər m.	!= Plr. *marya- m. (кроме осет.)
orm	kerm M kawārōk 'worm', kawāra 'mouse' E < 'dig'	kirm M, kerm E < Pers. (нет палатали зации)	wəṛrək RKB < *upa- + Av. pazdu- m. 'worm' + *-ka-? [kir 'ray 'a crawling or flying insect' RKB < ? (нет палатализации)]	čumjaj	*kirma-ča- m. + Pl. (Av. kəṛəma-) или < Pashto	common

			čomjaŋ RKB ~ Pashto (Waziri) chenjai m.			
ree	bhīn M, b'īn E < *brzn(y)a- M ŋan 'oak' M 11 < *wanā-	[darakht Rav, d(a)raxt M, draxt E < Pers.]	[wūna E, wonnə RKB, vuna, wūna TB < Pashto в.м. исконого *γ(w)an < *wanā-f. ~ cozd. wn-, xop. wnyk f.] [draxt E]	wūna	< Pashto (Waziri) wuna в.м. исконого *γ(w)an	common (Plr. *wanā-f.)
orest	[dhār M < Pashai < Skr. M] [jāŋgal M]	[jaŋgal M 344 < Pers.]	[dzəŋgal RKB, zangal TB < Pers.]	jaŋgal	< Pers. jaŋgal < Skr. jaŋgala 'wild'	!= Plr. *warša-m. ¹ кроме осет.
tick	(dez)bhōnt < *brzn(y)a- M [(dōsti)kōr < Pashai M]	gōn M	[ləwɹ RKB, lawar TB < Pashto (Waziri) lawar 'heavy stick'] gōn 'wooden log' RKB [dinjəy 'big stick' RKB, dainda 'stick', tindiyai 'staff' < Skr. daṇḍá- 'stick'] dɹɹə 'a wooden plank' RKB < Av. dāuru- 'wood'	gōn	*grawa-na- (Av. grawa-m.)	Av. != Plr. *dāru- m. (кроме осет.)
ruit	[mēwa M] [phōr < Pashai L phāl M]	[mēwā 'grape' M]	[mēwā M, mewə ^h RKB, meivah TB < Pers.] [matat 'apricot' E, 'fruit' TB < Pashto (Waziri) maṭak m. 'walnut']	mēwa	< cp.-nepc. mēwag 'fruit'	!= Plr. *bṛθa- n.
eed	tuxm M2 [phōr < Pashai L phāl M] biz E	tōxəm ~ tōxom [38, 285]	tōxxum RKB	tōxum	*tauxman- n. (Av. taoxman- n.)	common (WIr. также *dāna-m.)
eaf	pōn	balk (*parnaka -?), [barg] M < Pers.	[paṭ, paṭ RKB, pat TB < Pashai paṭā 'leaf' Trofimov] poxɹ(i) H < Pastro (Waziri) pakha f.	paṭ	< Balochi paṭ:ā, Punjabi patā, в.м. исконого *par/ < *parna- n. (cozd. prn'k 'leaf', xop. pnc 'leaves', Av. parəna- m. 'feather', n. 'wing', Skr. parṇá- n. 'feather, wing, leaf')	common (WIr. также *warga-m.)

¹Пап. Γōrbánd 'the valley of Ghorband' M < Av. varəša- m. 'forest' + 'to tie' (см.).

oot	<u>γīx</u> , [bīx] <u>M</u> (БҮҮРӨӨ Pers.) <u>kōrdi M</u> <u>rišā M</u>	[bēx <i>M</i> < <i>Pers.</i>]	[walye <i>H</i> , wolyæ (‘roots’) <i>RKB</i> , wulyai <i>TB</i> < <i>Pashto</i>] != <i>ḡakāṛ</i> (‘foundation, base, basis, root’ <i>RKB</i> != <i>pon</i> (<i>pōn</i> ‘roof’ <i>RKB</i>))	wulye	< <i>Pashto</i> (<i>Waziri</i>) wulyé <i>f.</i>	!= Plr. *raiša- m. (кроме осет.)
ark (of a tree)	pūst -e bhīni- ke (‘skin’ + ‘tree’) <i>M</i>	pāni ‘bark (or leaf?) of a tree’ <i>M</i> < <i>Pashto</i> pāna ‘leaf’?	pəsti ‘peelings, skins, barks, coverings’ <i>RKB</i> , pōst ‘skin, crust, shell, peeling, covering’ (<i>Av.</i> неизвестно ‘bark’) pəṭ <i>RKB</i> , ta vuna pat <i>TB</i> < ‘back’?	pōst	*pawasta- m. (<i>Av.</i> pāčta- m. ‘skin’) ~ ягн. pust ‘kopa’, хор. pck m. ‘eggshell’ ¹	common (<i>WIr.</i> также *twak- f.)
lower	[<i>gul M</i> , <i>gol E</i> < <i>Pers.</i>] [<i>tārānī</i> , <i>tārānī</i> ‘dog rose’ < <i>Pashai L</i> <i>tātānī</i> , <i>Pers.</i> <i>tarān M</i>]	[<i>gul M</i> < <i>Pers.</i>]	[<i>gwal H</i> , <i>goll RKB</i> , <i>gul</i> <i>TB</i> < <i>Pashto</i> < <i>Pers.</i> <i>gul</i>]	<i>gwal</i> , <i>gul</i>	< <i>Pashto</i> (<i>Waziri</i>) <i>gwal</i> <i>m.</i> <i>в.м.</i> <i>исконного</i> *γ(w)al (<i>Av.</i> <i>varəḏā</i> ‘flower-tree’)	common (Plr. *sparya- *w(a)rḏa-)
rass	γiš [9, 403] [sauzá, sabzá <i>M</i> < <i>Pers.</i>] [gihāī, gīā <i>M</i> < <i>Pers.</i>]	ghwash <i>Le</i> , γwāšī <i>M</i>	γwāšī <i>M</i> , γwāci <i>RKB</i> , ghwāshi <i>TB</i>	γwāšī	*wāstra- n. + Pl. (<i>Av.</i> vāčtra- n.)	common
ope	<u>bāš M</u>	bēš <i>M</i> < *bastrī- < *band- ‘to tie’?	[piṛṇay <i>RKB</i> < <i>Pashto</i>] γāṛə ‘chain, band, ribbon, string, collar’ <i>RKB</i> [ganda ‘rope for shalwar’ <i>TB</i> < <i>Pashto</i> (<i>Waziri</i>) <i>ganda f.</i>]	γāra	*warṭra- m. (? <i>Av.</i> vərəṭra- ‘dress for war’)	common
kin	pūst, pūšt <i>M</i>	pōst <i>M</i>	pōst <i>RKB</i> wzīn <i>RKB</i> < ? tsarmun / čarmṇa <i>H</i> , charmun <i>TB</i> (<i>Av.</i> čarēmā- f. ‘skin (of an animal)’)	pōst	*pawasta- m. (<i>Av.</i> pāčta- m. ‘skin (of a man)’)	common (Plr. *čarmā- f., *pawasta- m.)
eat	[<i>ṗūš</i> < <i>Pers.</i> ?]	gāka <i>Le</i> , gāka <i>M</i>	gāka <i>M</i> , gākə <i>RKB</i> , gakah <i>TB</i>	<u>gāka</u>	*gau-ka- (<i>Av.</i> gao- f. ‘meat’ e.g. <i>gām</i> , <i>gōis</i>)	<i>Av.</i> != Plr. *gaušti- f.
lood	hin <i>M</i>	[šun <i>M</i> < <i>Skr.</i>] īn <i>M</i> < <i>Av.</i> vōhuni- <i>m.</i>	[<i>sun M</i> , <i>son(n) RKB</i> , <i>sun TB</i> < <i>Skr.</i>] kə ‘kaṛ ‘bloody’ <i>RKB</i> < ‘to cut’?	<i>sun</i>	< <i>Skr.</i> śōṇa- n. ‘blood’ <i>в.м.</i> <i>исконного</i> *hīn	common (Plr. *wahuni- m.)

¹Согд. pwsty, pwst(‘)k n.m. ‘book, letter, document’ тоже скорее от ‘bark’, чем от ‘skin’, так как письмо на коре первичнее.

one	<i>/haɖɖ M2 < Pashto haɖ/</i>	<i>/stoɣān M < cp.-перс. astuxān/</i>	<i>/haɖ^h H, ɣaɖ RKB, yad(h) TB < Pashto/</i>	<i>hyad</i>	<i>< Pashto (Waziri) haɖ m. 'large bone'</i>	!= Plr. *asti- f.
at (noun)	<i>ɣazd 'fat' M, 'нутряное сало, жир' E < *wazdā- M [čá:rbú M 19 < Pers.]</i>	<i>[ghota Le, ɣut M < Pashto ɣat 'big'] ruɳ Rav, rún M 'clarified butter' < Av. raouɳna- M</i>	<i>[ɣwēzd M2, ɣwæzd RKB < Pashto wazɣɬ, (Waziri) wozda f.] rún 'clarified butter' M, run 'butter' RKB atirrə 'inner sheet of fats in a human or animal body' RKB kən'rikk 'a piece of animal fat the oil of which is separated by heating and melting' RKB</i>	<i>ɣwēzd</i>	<i>< Pashto (Waziri) wozda f.</i>	!= Plr. *čarpa-, *piwah-n., *rauɣna-m. кроме осет.
gg	<i>ēx (*āyaka-?)</i>	<i>wolk Le, wulk M2, wolk E [supál < Pers. supál 'the white of an egg' M]</i>	<i>hanwalk M, ōlk M2, ālk, pl. enči E, wonk^h H, wo~lk/ho~lk, wō~lk, wōnlk RKB, vonk TB</i>	<i>ōnk, ōlk, ālk</i>	<i>*āya-ka- n. (Av. vīš aēm 'яйцо птицы' (Yašt 13.2))</i>	common
orn	<i>šī M (pl.?) [šāx 'branch, horn' M < Pers.]</i>	<i>shākh Le, šāx M 'branch, horn' (šāx 'branch' + *šāk 'horn'?)</i>	<i>[sukár E, sōkkar RKB, sukarh TB < Pashto (Waziri) shkar m.], *š'ak < *srwa-kā-, конфликт с řək 'flea' RKB, сохранилось в zənřək RKB при Log. zānú 'knee'</i>	<i>*š'ak</i>	<i>*srwa-kā- (Av. řrwā- f.)</i>	common
ail	<i>dum, [dumb < cp.-перс. dumb] M 36 dayónd</i>	<i>dumb M, dom E</i>	<i>[lakaɳɖim(?) M2, likie H, likyæ RKB, likyai TB < Pashto (Waziri) lakai f.] lakaɳɖim(?) M2, "it is possible that "dumb" was the word for tail in ormuri previously" TB</i>	<i>*ɖum</i>	<i>*duma- m. (Av. *duma-m.)</i>	common
eather	<i>pōn, pōn M [bāl=bāl M < Pers.] [parr M < Pers.]</i>	<i>parr M</i>	<i>pəlay RKB, parai TB [puxai(?) M2 < Pashto]</i>	<i>paráy</i>	<i>*parna- m. + Pl. (Av. pəřəna- m.)</i>	common
air	<i>ginō < Av. gaona- m. [tār/l 'a single hair' < Pers. M] ɣōš 'cut hair' M</i>	<i>dirī Le Rav, drī M</i>	<i>dra, pl. drī M, drə^h, pl. drī RKB (dir- dilak 'to reap') [choornye, churnhyei, řsuriyé 'hair' TB, ɣořgūtəy tsuɳyæ 'curly or coiled hair', ču řokə 'a mass of</i>	<i>dra</i>	<i>*drawa-? (Av. dar- 'to tear', dərənənti 'they tear') ~ ягн. diraw, daraw, хот. dro, drrau</i>	Elr.? != Plr. *warsa-, *gauna- (WIr. также *mauda-)

			tangled hair curls' RKB < Pashto (Waziri) sarnhyei]			
ead	sōr M, E kal < Av. kamərəða- M	sar E	sar H, sar RKB, sar TB	sar	*sara- m. (Av. çara-, çāra-m.)	common
ar	gōš, gūš M	goi Le, gōi M	gōy M, goy RKB, goi ('ear, ears')	gōy	*gauša- m. (Av. gaoša-m.)	common
ye	<u>nap. dīda 'eye'</u> M < Av. <u>dōiθra n. </u> <u>čēmšé 'one-eyed' M2 </u> <u>tečh M, čecč,</u> <u>tečh/theč E</u>	tsimī Le, čīm M, tsími ('eye, eyes') E	tsōm, pl. camī M, tsom, pl. tsámi E, tsom, pl. tsəmmi RKB, tsom, pl. tsami, chami TB	čōm	*čašman- n. (Av. čašman-n.)	common
ose	<u>nēšt M, nēšt E</u> < *nāstī- M	nenī Rav, nīnī M, ninnī E [pazák < Pashto poza'h f. (Raverty)]	nīnī M, ninni RKB, nini TB	<u>ninnī</u>	*nāh- (Av. nāh- m.) + *wain-i- (Av. vaōnā- f.) 'nose' [38, 290]	common
outh	<i>[šōṇd M2, šōṇd E < Dard. ?]</i>	<i>[pōz M < Pers.] </i> <i>[dān M < Pers.]</i>	<i>[pyūz M, pyōz M2, pyoz RKB, p(i)yož TB]</i>	<i>pyōz</i>	< Pashto poza'h f. 'nose' (Raverty) < Pers. pōz 'snout'	!= Plr. *zafara * zafan- (не WIr.), *āh- n.?
ooth	danān E	<i>[gīshy Le, gishey Rav, gīši sg./pl. M]</i>	<i>[gas, pl. gási E, gəs RKB, gas, pl. gashi TB < Pashto]</i>	<i>gas</i>	< Pashto ghāsh m. 'tooth' (Raverty)	!= Plr. *dantān-m.
ongue (organ)	<u>bān E</u>	zubān M	zbān M, E, zbaan RKB	<u>zbān</u>	*hizwa-na-? (Av. hizu- n., hizwā f., hizwanh- n.) или < Pers. zabān	common
inger nail	<u>nō(r)k M </u> <u>[mēx M < Pers.]</u>	nēxči sg./pl. E	naxk E, naxkē H, naxk, nəxk RKB (Av. неизвестно 'fingernail', только çruuā f. 'horn; nail (of a finger or toe)', т.е. 'роговая часть')	<u>naxk</u>	*nāhu-ka- m. ~ хор. n'xk 'Kralle (коготь)'	common (Plr. *nāhu-m.)
oot	pā E	pāy E	pā-ri with Ind. suff. M, paarī RKB, pari (short a), pl. parē TB	<u>pārī</u>	*pāda- m. (Av. pađa m., pāda m.) под влиянием пендж. pair	common

					'foot'	
eg	leŋg M2	<i>[nas ta pāt 'calf of the leg' < Pashto M]</i>	laŋgai H, læŋgaj RKB, pl. langatai TB	langáy	*langa- m. + Pl. (Av. zānga- m.) ~ ягн. līng 'нога', но zangū 'стремя', согд. zŋkrδ'y 'human'	common ¹
nee	zānú E	zānū' M	zān-řak E, zənřək RKB (řak < 'horn?') ge~di RKB < ?	zān	*zanwa- m. (Av. zanwa- [znu- m.])	common
and	dōst M	dest E	dist, pl. dīsti E, dist RKB, dist, pl. disti TB bizer 'arm/hand' H	dīst	*dasta- m. (Av. zaṣta m.) ~ согд. ḍast-, ягн. dast, хор. ḍast ²	common
ing	<i>[bāl=bāl M < Pers.] parī 'fairy' M</i>	<i>[bāl M < Pers.]</i>	[wəzraɣ, pl. wəzrəy RKB, wazrai TB < Pashto (Waziri) wazar] parāi 'wing' M2, pəraɣ 'plumage', pe rəy 'demons' RKB	paráy	*parna- n. + Pl. (Av. pəraṇa- n.)	common
elly	aštāw/f M, aštāw E ~ Skr. stabh- M [xīt M2 < Pashto xeta] mašk 'inflated skin' < Av. maršwī- f.	[nās Rav, nas ('stomach') E 218 < Pashto (Waziri) nas m. 'belly']	[dīm M2, dīm ('stomach') E 127, deem RKB, deem TB < Dard.] [nās M, nas ('belly, stomach') TB < Pashto] jījūrə 'stomach of chicken or any of the birds' RKB (Av. vi- 'bird' + udara-) [škamba 'stomach' < Pers. M 405]	dīm	< <i>Kalasha d'him 'upper body (from waist to neck)'</i>	!= Plr. *udara- n.
uts	rūdā 'entrails' M, r(h)uṣa 'кишка' E	<i>[rōda 'entrails' < Pers. M (орм. ожудае тся *rowa, *roya?)]</i>	yīš'i 'innards, guts' M2, yīnři 'intestine' RKB < ānṛá-ya- != byaan RKB 'guts'??? (byān 'back, back-bone, spinal, posterior, rear') kōlmi ḡaṇḍ 'knotting or entangling of intestine'	yīš'i	*anṛa- (Av. antara- 'interior')	!= Plr. *rwata- n.

¹Skr. laṅga- 'lame', laguḍa- 'staff (посох)', др.-прус. lagno 'trousers', др.-норв. leggr m. 'leg, bone, shaft' (< *lagja-) и др., но также Skr. jāṅghā- f. 'unterer Teil des Beines, Unterschenkel, Bein (shank, голень)' (Mayrhofer, M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. B. I. Heidelberg: Carl Winter, 1992. P. 564). Видимо, разные слова, но авестийская и согдийская орфографии не предусматривают /l/.

²NB парф. dst 'hand', т.е. Av. z- вторично (поэтизм или гипермизм?), и Skr. hāsta- 'hand' можно трактовать как *dhest-o- в соответствии с камвири d'ūšt 'hand', лат. festūca 'копёр', греч. θής, θητός 'наемный рабочий'.

			RKB, qolmi 'guts' TB < Pashto] lirā < Pashto M2 wār 'guts' M2			
eck	<u>mando' M.</u> <u>mandá E</u> < <u>Av.</u> <u>manaogri-</u> <u>m. 'neck'</u>	gardan < Pers., γāra < Pashto M (вместо ожидаем ого *gar(a)) 	[makandāi M2, makkə~day RKB, makandai TB < Pashto (Waziri)] mən 'yāe 'a pathway on the top of a hill or a mountain' RKB gardan M grow'yāe 'collar' RKB jēj' wāy 'back neck, neckline, collar' RKB	garđan	*garda- под влиянием Pers. gardan 'neck' или заимствовано отсюда ~ согд. γrō'(k), хор. γrōk 'neck'	common
ack (body part)	(peš)puṭ M != [pušta M2 < Pers.]	pat 1925 Report 27 != [pūšt M < Pers.]	pāt RKB byān RKB, biyaan TB != tsotṭ 'back' RKB (не то знач.)	pat	*pṛšti- f. (Av. paršti- f.)	common
reast	[bar M < Pers.] [sínō 'грудь (ж.)' E < Pers.] <u>istén 'female kid during the first year',</u> <u>istenūk 'kid' M</u> siz M, <u>siz 'женская грудь' E</u> <u>go/u(w)ān 'грудь (ж.); вымя' E</u> < *gu + *udmn?	[sónok ~ sínak [38, 282] < Pers.] cīk 'woman's breast, nipple' M	[gəgæl RKB < Pashto go-gal, m. (Rav.)] [yŵlyanzd (-dz, судя по производным yŵlyandzəwār, yŵlyandzəwurrə) 'breast; either of the pair of mammary glands' RKB < Eng. glands?] cēk 'woman's breast, nipple' M, cheek TB 'breast' čičī pl. 'nipples of breast' RKB	čīk, pl. čičī	детское слово, ср. ягн. čič 'вымя, женская грудь', хот. tcijsa, tcaijsa 'breast', сангл. čičī, ишк. чичий, осет. дзидзи (zizi) 'female breast', сев.-курд. çîçîk m. 'грудь (ж.), сосок'	!= Plr. *fštāna-m. (WIr. также *sina-)
eart	zur M. 19	zī 1925 Report 15	zli M, zli RKB	zī	*zīd- n. + Pl. (Av. zərəd-n.)	common
iver	jīgār M	[ʔ]	[lərmūn RKB < Pashto larr-mūn m. 'the intestines, heart, liver, bowels, etc.' (Rav.), Waz. larmin m. 'bowel, entrail'] jāš' M2, jīggar RKB [yinnə RKB < Pashto (Waziri) yenna f.]	jāš'	*yākī- 'уахна- n. (Av. yākar-n.)	common
rink, to	[tēr : thōr M, ther::thōr- E]	[tr- : ta-tak : tō-tk E] šam 'to sip' < Av. šam-M2 252	[tr- : ta-tak M, tə(t)tək, f. tōtk, trōn Imp. RKB < калауа?]	tr- : tat-	< Kalasha tara 'liquor'?	!= Plr. *xwar- (кроме осет.)

at, to	xar- : xur- E wanḡēw- M2	xr- : xó- lok E	x(u)r- : xwa-lak M, xr- : xʷá-lak : xʷā-lk E, xwáɫɫak ('to bite') H, xṛōn Imp 'eat', xwəɾæk 'To offer someone something to eat' RKB, khwra/khura 'eats, gnaws' TB	xwr- : xwál-	*xwar- (Av. xʷar-, hwar-)	common
ite, to	<i>[gas- : gast- : gōst- 'to bite, sting' M < Pashto]</i>	<i>[gišt nasam 'I bite off' (nas- 'to seize') M] != gran- E [gazawi 'bites' E < Pers.]</i>	<i>[pə gæci kæk 'to crunch, to chomp, to munch, to crush with teeth' RKB, pa gashi dok TB see 'tooth' (k- : dak 'to do, make') < 'tooth' < Pashto] != gran- E ('to chew, masticate' M)</i>	<i>pa gaši k-</i>	<i>< 'to do by teeth' (< Pashto, см.)</i>	Plr. *d(a)ns-, Wlr. *gaz- < *-č? (Pers. gazidan)
uck, to	šup- [15, 404] čuš- E (звукотподра ж., ср. ProtoBS *čuč-)	<i>? dzan- 'to suck, to beat' E – 'ðoumʔ'</i>	[dzbu 'šaw RKB, zbushaw TB < Pashto dzbe-šhal]	<i>zbuš-</i>	<i>< Pashto dzbe-šhal 'to suck' (Raverty)</i>	!= Plr. dāi- ~ *di, Elr. xšap-
pit, to	<i>[?]</i>	<i>[?]</i>	putu 'spit' RKB, putu dibu kaim 'I spit', afa di putu dak 'he spat' (putu 'saliva') TB xiṇčt 'sputums', dəʔ di xinič mak lwenən 'don't spit here!' RKB	putu k-	*ptu- (Av. неизв. 'to spit'), ср. хоп. (')βcw-, (')fcw- 'to spit'	common (Plr. *ptu-, *tuf kr-)
omit, to	<i>[?]</i>	<i>[?]</i>	<i>[kaŋgəy, kāngəy RKB, kangai 'vomiting' TB] [girza- M2 < Pashto (Waziri) gerzawel] [ɣɾčəyək 'to vomit violently' RKB < Pashto ghurrkaey kawul 'to puke, to spew, to retch']</i>	<i>kāngəy k-?</i>	<i>< Pashto kan- ga'h f. 'vomiting' (Raverty)</i>	!= Plr. *wam-
low, to	phī 'blowing, breath' M	<i>[?]</i>	putæk 'to puff' RKB, pooth ye bu janam 'I blow' TB drɫz 'blow; to make a sound by or as if by blowing' RKB != xɾapp 'blow', xɾap 'splash' RKB	put(h)-	звукоподраж. , ср. ягн. pūf kūn-, хоп. pcw-, 'fcw-, перс. puf/fūt kardan	!= Plr. *dm-
reathe, to	phī 'blowing, breath' M	<i>[?]</i>	<i>[saah 'breathe' RKB, saa ye bu wuram 'I breathe', afa yee sa wrook 'he breathed' TB < Pashto] zə 'rəʰ</i>	<i>sā wur-</i>	<i>< Pashto (Waziri) sāya f. 'breath'</i>	!= Plr. *an-

			'breath' RKB			
ough, to	khan- : khanī M	xanōk M, xan(a)m (<i>'I laugh'</i>) M 355	xan-ak M 412, xanī (<i>'laugh'</i>) RKB (Av. неизв. <i>'to laugh'</i>)	xan-	*xant- ~ согд. γnt, ягн. xant- , хор. xnd-	common
ee, to	dhōr- <i>'saw'</i> < Av. dərəšta M, d'or- E tul- M2 [bučh M2, bhoč- bočh- E < Dard. / Ind.?] γun- : γunt <i>'to find'</i> M	dek M	dyek M, diek ^h H, dyæk RKB, dek TB jūn- M2, dzunyæk RKB duš- <i>'to see, to look'</i> E < Av. darəs-; (*vī- +) jīræk RKB	jun- : di-	*waina- (Av. vaēna- <i>'to see'</i>) : dī- (Av. dī- <i>'to see'</i>), ср. хот. dai-: dī- <i>'to see'</i>	common
ear, to	harw- : hat- : hōt- M < Av. har-, haurva- <i>'to observe'</i> šon- Praes. E < Av. čurunaoti guš g(h)ori- <i>'to listen'</i> E	amar-okh Le, amar-ōk M	amár- / amar-yék E, amaryek H, amaryæk RKB	amar-	*ha-mar- (Av. <u>ha-mar- 'to learn by rote, to study, to remember'</u>)	!= Plr. *guš-
now, to	pân- : pânt, pân- < *pati- jñā- M [xabāb bi- E < Pers.] [āmúxta; dānīnda; hilata <i>'knowing'</i> ; mālūm <i>'known'</i> < Pers. M]	pazán- : pazan-ók E [pōi b- M, poy b- : poy šāv- E < Pashto]	[poy awas- M, poyə n. RKB < Pashto (Waziri) pōédel (intr.) <i>'to understand'</i>] pazán- / pazan-yék E, pazənyæk <i>'to know, to recognize a person'</i> RKB, az et bu pazanim <i>'I know you'</i> TB	pazan-	*pati-zan- (Av. paiti.zan- <i>'to know; to receive; to recognise; to acknowledge with due respect'</i>)	common (Plr. *zan- ~ *žnā)
hink, to	? <i>taani</i> <i>'meaning'</i> E ? čort <i>'мысль, дума, озабоченнос ть'</i> E	? <i>mānā</i> <i>'meaning ' E</i>	soč <i>'think'</i> RKB, az bu soch kaim <i>'I think'</i> , afa bu soch dok <i>'he thought'</i> TB [fikr (fīkr) <i>'thought'</i> Pers. M 320, 394, pikkir/fikkir <i>'think'</i> RKB] dušyæk <i>'to consider, to think over, to honour'</i> RKB [gənyæk <i>'to think about carefully'</i> RKB < Pashto <i>'to count'</i>] mənnyæk <i>'to acknowledge'</i> RKB	soč k-	*sač-wa- <i>'thought'</i> ? (Av. <u>čač- 'to learn', aiwi.čač- 'to think of, remember'</u>)	!= Plr. man-
	? <i>bhām M 11,</i>	[?]	šī-būk <i>'rotten, stinking'</i>	bun-	*bud-n- (Av.	common

mell, to	<i>bhām E</i> 'smell' ~ <i>Sak. bvāma-ta</i> 'intelligence' <i>būi n. M</i>		M, TB, bunyæk 'to smell, to sniff' RKB sōṇ 'sniff, to smell' RKB		buδ- 'to smell')	
ear, to	[berkh- M, bherk- E < Arab. ?] tars 'fear' M	[/?]	[ḍār n., ḍəryæk RKB, dar- TB ~ ḡ.] tərsyæk RKB	tars-	*tars- (Av. tarəç-)	common
leep, to	<i>xōm kan- M</i>	xaw k- : dāk E	xʷāw k- / dok, xʷal-gastak E, xwālgaštak H, nwəstak RKB	xwāw k-	*xwap- (Av. xʷap-)	common
ive, to	<i>janō bī M</i> 152, [zēnda 'alive' < Pers. M]	[zindagi/z indegi k- E < Pers.] yum, yōn/yūn, (y)a/(y)ē, pl. yēn, yē, yēn, ya, yē M : buk E	bu ziyāt E 194, zwənday ('alive') RKB, zwandai b- TB	<i>jwanda</i> y b-	*jwant 'alive' + Pl. (Av. jī- 'to live', jwaiti 'lives')	common
ie, to	mer- : muṛ- M, moṛ- E	mr- : mó- lok E	mr- : mú-lak : ma-lk E, mollək, f. mælk RKB	mr- : mül-, mal-	*mr- ~ *m(a)rt- (Av. mar- 'to die', miryēitə 'dies')	common
ill, to	jan- : jō M mē- : māt- M, mānt- E [kúšta 'killed' < Pers. M]	wožn-áw- : wožn-aw-ók E	wazn- : wáz-yok E, dzak H, wazn RKB	jan- : ja-, wázn- : wáz-	*upa- + *jan- (Av. jan-)	common (Wlr. также *kauš-)
ight, to	<i>deh-, dehī ~ Pers. M (см. 'hit')</i>	<i>[jang E 256:48]</i>	<i>[jəŋgaw RKB] [muqabila(h) k- : dak TB] šaxa 'fight' M2, šaxxə 'fight, quarrel, brawl' RKB wānə 'fight; beating' RKB [gənd 'fighting' M2, gəndə 'duel, a fight', pl. gə~day 'wrestling' RKB] bədi 'feud, enmity, fight' RKB</i>	<i>jang-</i>	< Pers. <i>jangidan</i> (орм. не зафиксировано ожидаемое для исконного диал. (d)z-)	!= Plr. *yud-
unt, to	šekār 'shooting, hunting, game' M	(i)škār 'hunting' M, xkār 'hunt (noun)' E	shkāarr 'hunt' TB, škār 'hunt' RKB под влиянием Pers. šekār 'hunt'	škār k-	*skar- (Av. čkairya- n. 'hunting-ground')	common (Plr. *skar-, *way-)
it, to	jan- 'to beat (alarm)' M,	? pri(b)- 'to beat'	jak ('wounded, hurt') M, dzok, dzak E, jan- : jok	jan- : ja-	*jan- (Av. jan-)	common (EIr.

	jan- : jō- 'бить' E != deh-, dehī 'to beat, to fight' M ur-, lag- 'to beat' M2 zarb 'hit' M2	(*pari-?)	TB d'-, dé(h) '- E, dotsən n. 'hit', dōn Imp. RKB (Av. awi.dā 'to attack'?) pra-yēk (aor 2 sg prīw) (*pari-?) 'to beat' M xṛapp 'blow', xṛap 'splash', yṛabæk 'to beat hard' RKB dingæk 'to beat' RKB γwλč 'blow', γutsæk 'to slice with knife, dagger or blade' RKB yirraek 'to beat hard' RKB grūz 'forceful punch', grā 'ZAW 'beating hard' RKB			также *du-)
ut, to	mač- : mačf- M thā- 'to cut, shave' ~ Av. taš- M qurt 'cut into pieces', čurt kan- 'to cut off' M kat- : kaṭī- M	[kap- E] kaṛči 'split, torn' M, qač-, káčkač- E	/kap-ʸēk M, kəp 'yæk RKB, kap- : kapyaik, f. kapak TB < Ind. (орм. *-p- > -w- в исконых)/ /lā~dāw 'cut' n. RKB/ kaṛči 'split, torn' M	kap-	< Marathi kāṇhe 'to cut' или Pers. kāftan kāv- kāb- 'to split; to dig'	!=Plr. *kar-, *k(a)rt-, WIr. *bryn-, Elr. taš-
plit, to (раск олоть)	tār M2	? kaṛči 'split, torn' M	məštək 'split' RKB, mashk 'split, break' TB kaṛči 'split, torn' M črī 'tyēk 'to split or break into splinters' RKB	maš-	*mard-y-? (Av. marəd- 'to cut down' AE)	Av.? != Plr. *ška(n)d- ?
tab, to (тыка ть, вонза ть)	[?]	? γār k- 'make hole, pierce' E < 'hole'	/rindæk 'to stab with a dagger' RKB) aa gyoi er bu aa kali ku mun nar wisawak 'the cow tries to stab/prick/pierce me', afal ta hirn makandai ki aa kali /'knife'/ wisawak 'he stabbed the deer in the neck with a knife' TB (wīśaw 'To enter, to come or go into' RKB) aa teer al tafa e biyan waghook 'the arrow pierced his back' TB (wəyyok 'To go in, to enter' RKB)	rind-	< cp.-nepc. randādan 'to scratch' (Av. neužw. 'to stab', 'to scratch')	!= Plr. *su(m)b- ?
cratch , to	kawēr- M khā- M2	[?]	/garaw- M2, girraek RKB, giray- : giraik TB < Pashto. garǧāl,	dzrab-	< ? (Av. neužw. 'to scratch')	!= Plr. *rad-

			<i>(Waziri) garawelʃ</i> <i>dʒrəbæk RKB</i> (исконное происхождение сомнительно из-за сохранения -b-, которое д.б. перейти в -w-. Ср. рус. царапать (звукоподражание по Фасмеру), чеш. škrabatí, англ. scrape)			
ig, to	<u>kuséw-</u> M	<i>/kap-øk</i> M, <i>karók</i> E (<i>Marathi</i> <i>kāṛṇe</i> 'to cut')]	waxa(y)- M, wə'xək, wakhaw TB kinda M2	<u>wax-</u>	<i>*upa-xad-</i> (Av. xad-)	Av. != Plr. *kan-
wim, to	<i>/aubâzī kan-</i> M < Pers.]	<i>/aubâzī</i> k- M < Pers.]	<i>/lāmbu</i> 'swimming' RKB, <i>lamboo jan-</i> : <i>jak</i> TB, <i>ṛambiēk</i> 'to take a bath' < Pashto]	<i>lāmbu</i> <i>jan-</i>	< Pashto (<i>Waziri</i>) <i>lamboya f.</i> 'swimming'	!= Plr. *snā-, *fraw-
ly, to	<u>p'arak-</u> E <u>rhâz-</u> M, <u>râz-</u> E	parr-øk M, par- : par-ók E – šāparák 'butterfly' M	bur- : bur-yék E, borak H, (RKB boryæk в Primer 2, но wustyæk в 1999) wos'tiek, f. wos'tək RKB	<u>bur-</u> ~ <u>*par-</u>	<u>*pr-</u> ~ <u>*par-</u> (Av. par-)	common (Plr. *pat-, *waz-, *par-)
alk, to	č(h)īm M2 ram-, ramí M par- 'to go' M čar- 'пасть' E	tsaw- : tsaw-ok E	tsaw- : ts-yek E, tsek H, tsæk RKB, chio ('go') TB šərək RKB < Av. (fra. / vī.)čar-?	č-	*čyaw- (Av. šu-, šaw- ¹)	common (Plr. *čyaw-, *ay-)
ome, to	žē: āya M 12, ži- E (*āyāya- : āgata-)	zay- : zāk M, z-ey- : z-ok : z- āk E	j-, jaw- jōk (zōk) M, razok H, zay'ir, rzōk, zok'ir RKB, ayók 'to appear, to be born' E != čyo'r 'come on' RKB	j-	*jam-? (Av. jam-)	common (Plr. *āgm- jaor. jam- ?)
ie, to (as in a bed)	<u>rhiz-</u> 'ложиться': <u>rhíz/sta</u> E <u>dugúr-</u> 'to lie down' M2	al-yūštuk '(she) lay down' M 377	ēl 'lays': eyæk 'to lie' RKB nw- : nw-ástak M, E, nawastak H, nwəstək, f. nwāsk ('to sleep') RKB aa qalin buma za rang hah 'A rug	ši-	*sī- (Av. çī-)	common (Plr. *s(a)i-, *nipad-?)

¹В авестийской письменности три варианта š, различие в произношении не вполне определённое. Здесь знак, иногда используемый для *rt (§ в транскрипции Мартинеса), хотя по [30, 34] в позиции *č-у ожидается знак š̌. Во всяком случае, это не знак для RUKI-s и č-t/dh/bh/n (š = s в транскрипции Канга = š в транскрипции Мартинеса). Но в этом месте текста (Yt. 19 § 35) даже RUKI-s пишется как š̌.

			lies on the floor' TB != dræši, dræšī 'lie; to make an untrue statement with intent to deceive' RKB			
it, to	<u>n(ə)hīn,</u> <u>n(a)hāšt,</u> <u>n(ə)hašt 'to sit</u> <u>down' M,</u> <u>nhin-</u> <u>'сидиться',</u> <u>nhēn-</u> <u>'усаживать' E</u>	n- : nustuk M, nós-tok E	n- : nastak 'to sit down' M, āy- ~ ey- : nás-tak E	<u>n- :</u> <u>nást-</u>	<u>*ni-had- : *ni-</u> <u>hazd- (Av.</u> <u>had-, perf.</u> <u>hazd-), cp.</u> <u>содл. nyð 'to</u> <u>sit (down)',</u> <u>ягн. nid-</u> <u>'сидеть,</u> <u>садиться',</u> <u>хор. nyθ</u> <u>'sitzen'</u>	common (Plr. *had- ~ *hid- ~ *- sd-?)
tand, to	<u>papâ</u> <u>'standing' M,</u> <u>papâ bi- E</u>	d ar : dar- ók E	ašt- : ašt-yék E, haš'tyæk 'to remain standing', ha~štā 'stands', tyæk 'stood', hanštyæk 'had stood' RKB ~ t-yék M, tyæk RKB 'to stand', tæk 'to make someone stand, to make straightened', ti 'stand' (RKB)	ašt-	*hišt ā- (Av. hištaiti 'stands')	ommon (Plr. *stā-)
urn, to (intra nsitiv e)	<u>pher-</u> <u>M2 rēm- :</u> <u>rhânt 'to turn</u> <u>(trans.)' M ~</u> <u>'to walk'</u>	[girz- < Pashto gərzēdəl M]	[girz- ^v ék M, qistaw 'turning back', RKB gist- : gistiyaik, gistaik 'to turn' TB, gittas 'turn back' RKB < Pashto]	<i>irz- :</i> <i>gist-</i>	< <i>Pashto</i> <i>(Waziri)</i> <i>gerzēdel</i> < <i>Pers.</i> <i>gardidan</i> < <i>*wart-</i> ~ <i>*wrt-</i>	c ommon (Plr. *wart- ~ *wrt-)
all, to	<u>[č(h)</u> <u>ar- : čharī <</u> <u>Ind. chaṇḍh-</u> <u>? cp. ũ.]</u>	ũz- : yuštuk M, yoz- : yóxtok E	ywaz- : ywaštak, yóštak, f. ywašš M, ywəštək RKB, goshtak TB spūcaw- ^v ék 'to fall (as leaves)' M2 xūl- ^v ék 'to fall (as leaves)' M2	<u>waz-</u>	^{*waz} - (Av. vaz- 'to weigh, to be heavy')	! = Plr. *kap-, Elr. *pat- 'to fall' < 'to fly'
ive, to	dah- : dā 'to give', da (dā) 'give' M baxš kan- M	s hera Rav 'give it!', šāw- : šuk E 64-65 beš 'give!' M, baš- E	řaw- : řyuk : řuk (G řiyök, f. řuk) E 167, Log. šāw- / šuk (het M), triuk H, řə ^h rə 'give' RKB, xhriochan 'to give', xrai/ xrhai/ xrawi/ šrawī 'gives' TB báš- 'to give (a present)' E < Av. baxš-	<u>řaw-</u>	^{*fra-} <u>dā- (Av.</u> <u>fra.dā-)</u>	c ommon (Plr. dā-)
old, to	dēr- 'to hold, have' M	ũ r-uk 'to hold,	nok, f. nək 'to catch, to hold something in hand' RKB, naššə/naš	- : <u>nas-</u>	^{*ni-} ah- : ni-ast- 'to throw down'?	! = Plr. *dar- ~

		keep' < Av. ava-bar-? M dar- : dar- : drunuk 'to have' M	imp 'take, hold it' RKB ~ нести, Skr. nāśayati 'removes'? dar- : dranak- 'to have' M, dæri Imp 'do you have?', dæ'ri 'has, holds' RKB, We have : makh yeb daryain, You(one) have : tu yeb dairi, You(many) have : tios yeb darai, He had : afa yee daryaik, She had : afa yee darak TB		(Av. ah- 'to throw')	*dr- (Kan. 'to have')
queez e, to (давить, жать)	[pen dī 'squeezed' M2 Ind., cf. Skr. piṇḍī kṣ- 'to press together']	?]	/ [xəʒyæk 'To press, to hatch' RKB (xaž- 'to rub' M2)] prū~j 'squeeze' RKB 1999 (нет в словаре) di 'kə ^h 'push' RKB læspaw, tsəspaw 'getting pushed' RKB nimbu lasta em er a ras na wulak 'I squeezed the juice from the lemon' TB ka a disti xren sara 'let's shake hands' TB biye ghunji li bu nak teenga hen chim 'I can't squeeze any more clothes' TB != məryek 'to press with hands or feet, to crush reaped crop with feet of donkeys or bulls to make animal fodder' RKB	až-	< Skr. gharṣati 'to rub'?	= Plr. *waz-? (RKB [yiz biz] Adj 'absolutel y broken or wrecked due to tiredness' ?)
ub, to	astaír- M menth- M2 mar- 'to smear (with clay)' M	say- 'to rub, polish' M	[muttæk 'rub', mōtæk 'to rub' RKB, I rub : " az awa bu mutaim ". He/she rubbed : " afa mutaik " TB < cp.-nepc. muṣtan?] muṣaw- M2, muxa- M2 ~ Pashto (Waziri) mashel 'to wipe', язг. /maladz/ 'to rub', сарык. merči 'рпавѣр' say- 'to rub, polish' M [xaž- M2 < Skr. gharṣati]	muš-	*mrz- (Av. marəz-, cp. согл. mrz-, хор. šmšy- 'to rub')	EIr. != Plr. *tar- (EIr. также *sawy-, также отражено в Kan.)

ash, to	nap. sunī- M2 γosl 'bathing, washing' E; šošta 'washed' E (*fra-fru-?)	γuśaw-ōk (γuśawīm) M	γwaś'aw-γēk M, γwəřēk RKB, TB. I wash : az awa bu ghoxrhaim. He/she washed : " afa ghoxrhaik " TB prə' ræk RKB sun 'to flush out nose fluid or spraying in the nose' RKB	γwaś'á w-	*wī-fraw- (Av. fru-, frawa-)	EIr. ? ¹ != Plr. *snā- , WIr. *xšaud-
ipe, to (выти рать)	astár- 'to rub, wipe away' M	γośaw 'to wash, wipe' E	[wrekaw 'wipe' RKB < Pashto warredal 'to rub, to polish' (Rav.)] [I wipe the table : " az bu aa maiz sapa kaim ". He wiped the table : " afa aa maiz sapa dok " TB (-p-)]	wrek-	< Pashto warredal 'to rub, to polish' (Raverty)?	!= Plr. *tar-
ull, to (тяну ть)	kaś kan- M neř- 'to pull out' M2	kaś 'pulling', kaś dāk 'pull' E	lakkənd 'pull', ləkəndyēk 'to pull' RKB, áz bu a lever lákanlím 'I pull the lever', áfa a lever lákanlyék 'He pulled the lever' TB (Kan. wulak (m.)/walk (f.) 'carried' E)	wlák-	*wark- ~ *wrk-? (Av. varək- 'to tear off, to pull'?)	common (Plr. *křš-, *w(a)rk- (кроме сак.), EIr. также *tanj-)
ush, to (толк ать)	? přšpái 'a kick' M ~ přšpá 'heel' M	isaw push, pierce' E	[laspæk RKB, He pushes me away : " afam bu paich ki laspayee ". He pushed me away : " afa lapas dok ham " TB < камвири lá:p'a- 'to flap'?] di' kə ^h 'push' RKB, He pushes me away : " afa er de bu dika xrhai ". He pushed me away : " afar de dika xrhook " TB	díká šr-	*du-ka- 'push'? (Av. du- 'to push'), ср. ягн. dakká 'толчок'	EIr. *du- != Plr. *piš-
hrow, to	andáz- andází M γuh- : γušt M [ečēw- M2 < Pashto ācawul]	ban'- 'to throw, to place' (ba nē 'throw!' M 411) g- : wútuk 'to place, put,	[nikizyæk RKB < Pashto kejzdał 'to place, to put'?] [yuræk RKB, ghur- TB < Pashto (Waziri) ghurzawel] ban'- 'to throw, to place', bən'yæk, f. bə'nək 'to throw down', bænən 'to throw off, to drop down, to fling' RKB ž- :	ban-	*dwanaya- (Av. dwan- 'to fly', pres. stem (caus.) dwanaya-)	Av. != Plr. *ah-

¹nap. šošta 'washed', орм. γwaś'aw-γēk, Pashto (Waziri) lambawel 'to wash (tr.)', (+ *pari-) вах. рыг(ы)w-/porowd-, ишк. parařur- 'to rinse (отмывать)', язг. řərawd : řəraw- 'полоскать, промывать', шугн. řirāw-, сарык. parařw-/parud 'to wash, rinse' [22].

		throw, leave' M	hatak 'to place, put, throw, leave' M sunræk 'to throw away something in anger' RKB			
ie, to	bēž- : béšta 'связывать' E, band 'связка, сустав' E jauza, žūy 'yoke' M	[taɾ- M2]	[taɾ- M2, tar- : taryaik TB, tærən RKB < Pashto taɾəl] bəstī pl. 'a small bag often with a shoulder strap' RKB < Av. band- 'tie down'	taɾ-	< Pashto (Waziri) taɾəl	!= Plr. *band-
ew, to	andárf-, andúrf- M	underəw M	[gəndæk RKB < Pashto (Waziri) gandel] ΛndrΛčč 'rapid dance, rapid whirl winding during 'atan' dance' RKB	*andar-	*ham-drb- (Av. darəw- 'to bind'), ep. xop. č'dry- 'sew with wide stitches'	EIr. ¹ != Plr. *syū- , Wlr. *dauč-
ount, to	? mālum 'известный, ясный' E < 'counted'? [šumār 'calculation, number' M]	? māla, mālaī 'a word added to numerals and indef. pronoun of number' M	māl(a) 'a word added to numerals and indef. pronoun of number' M, šmar 'count' RKB [gənyæk RKB, ganr- TB < Pashto (Waziri) ganrel]	(š)mar k-? : māl-?	*mar- (Av. mar 'count') под влиянием Pers. šumār 'calculation, number'	common
ay, to	jar- / jari:- ~ Av. gar- 'to praise', Pashto žarəl 'to cry' M [gap 'речь' E < Pers.] γ ^h ačín 'ведь' E	yuš- : γōk M, γoš E	γ ^w ac- : γ ^w ēk M, γeken '(spoke)' H, γwəss RKB, ghaik TB	γwas-	*wač-y- (Av. vač-, vaš-)	common (Wlr. также *gaub-)
ing, to	[bait, baid 'song' Pers. M] darkūp 'singing'? M2 Pers. M]	? [badalā Le, badēla 'song' < Pers. M]	γwəss 'say, sing' RKB, az dib badilai ghosam 'I sing', afa dib badilai ghaik hin 'he/she sang' TB gəɖΛw 'dancing' RKB piŋg 'cock' RKB sənī 'funeral song' RKB tsəftərī 'music, melody' RKB	γwas-	*wač-y- < 'to say'	!= Plr. *gā-
lay, to	[bāzi 'game' E < Pers.] wāṣaran 'can	[bāzi 'play, dance' <	[štami 'play n. ' M2, štam 'play', štəmæk 'to play with' RKB, štam	štam k-	< Kamviri št'āña 'thief'?	!= Plr. *rayd-? *wāz-?

¹пар. andárf-, andúrf-, опр. Log. underəw, xop. č'dry- 'sew with wide stitches', Pashto (Waziri) andarpoya f. 'ladder', вах. drōv- : drāvḍ, сангл. andərv- 'to sew', ишк. ныхса андървук 'вышивать', хот. pahadrauṽ 'embroidered(?) (вышитый)', шугн. анцāв:анцūвд, сарык. inciv : incivd, язг. /əntsavadz/ 'to sew'.

	<i>play' M: wāyār 'to dance' < *upa-ā-kar-: Skr. car-? Waig wegār 'play'? M</i>	<i>Pers. M/</i>	<i>'game' TB < کامعۇپۇ?/ [az bu lobai kaim 'I play the game' TB < Pashto/ trānjæk 'to play by the kids of animals' RKB čixræk 'to play roughly with something', čirmeryæk 'to play with' RKB</i>			
loat, to	[ʔ]	? dang- 'run, float' Е и др. по контексту	pə wəkk šəræk 'float' RKB	š'ər-	*fra-fru-? (Av. fraw- 'to swim(?)', to fly', dunma.frā.āpe m 'a cloud floating onward')	common (Plr. *fraw- (кроме осет.), *nā-?)
low, to	rhāzē-im 'I have flown' M 98 wēh-, whēw-, wahi 'to flow, go' M, wāstō 'to go, move, flow' E teč(h) 'spring, fountain', taf 'stream' M r(h)īm 'matter, pus' M < Av. iriθ- 'to flow'?	cawa 'flows' M 390 táfta 'stream' M šūr 'wet, fresh' M?	[bəyæk RKB < Pashto (Waziri) baiyédel] rawan ha- : biok TB tāk m. 'mountain stream' M, taak 'brook' M	rawan b-	*rawa-na-? (Av. rawa 'valley'?) или < Pashto (Waziri) rawon adj. 'in motion'	!= Plr. *tač-, *γzar-? (WIr. также *raič-)
reeze, to	[ʔ]	[ʔ]	yəxxæk 'to get cool' RKB, a baram em bu yakh kayi 'the rain is freezing me', az yakh hum 'I am frozen', az yakh biok ham 'I was frozen' TB	yax k-	*ayha- n. < 'ice'	!= Plr. *sarδ-
well, to	[ʔ]	šus- M2	řas' iek RKB ɣɣar RKB 1999 dad- : dadaiak TB yuṭṭaw 'to grow' RKB	š'as-	*fra-say-? < 'to lie'	!= Plr. spa-?
un	ruč 'sun' M < 'day, light'	mēš M tōwa E	mērš' M 317, mier H, mæf RKB, mairxh, mairrh TB < Av. miθra- m. 'the harbinger of the sun, the angel presiding over light' xer' mæst Adj 'merrymaking, jollification, high jinks	mērš'	Av. miθra- m., ср. согд. муδ, ягн. мет, мдж. mīra, mēra, й. mīra 'sun', ишк. miy, зєб. mi,	Elr. != Plr. *xwar- n. (WIr. также *raučā-f.?)

			(шумное, бурное веселье)' RKB (^{'sun'+^{'moon'}?}) towə 'sun; the warmth and light given by the sun's rays' RKB		шугн. mēθ, меѳ, руш. miѳ, сарык. maθ, маѳ, язг. miѳ /miθ/ 'day'	
oon	maḥók (žú m- me:hi: 'one month' M 21)	[mātau M2 < Pers.]	maryök M2, mail (^{'month'}) H, maay, mryok RKB, mai, miyash TB [spožmay E < Pashto]	māy	*manh- m. (Av. maənh- m.)	common
tar	estēč M	опм. Log. stežáy ~ stešák < *stežák < *stā-či E	опм. Kan. stirrak ~ storak (TB. Stars (^{'month'}) H, maay, mryok RKB, mai, miyash TB [spožmay E < Pashto] sturak (sg) ستوراك (pl) sturak (sg), слышу stúrak, pl. sturchí, RKB storrak 'star' -- Av. star, stara m. (čtar, čtara m. 'star' EA) -- нар. estēč -- Log. stežáy ~ stešák < *stežák < *stā-či E	stúrak	*stara-ka- m. (Av. čtar, čtara m.), cp. сорт. 'st'r'k, хор. st'ryk	common
ater	á:ʋə, á:ʋə M 20	wok E	wak M, wək(k) RKB, wak TB	wak	*apa-ka- f. (Av. ap- f.)	common (Plr. *ap- f.)
ain	γār=γār M [wāš- 'to rain' M]	[bārān E] γōr- 'to rain' M	bārān M, baran RKB γōr-γēk 'to rain' M, γwəryæk 'to rain', γwəɾaw 'rain' RKB pərxə 'light rain' RKB kšə V 'rain in progress, raining without break' RKB	*γwar	*wāra- m. (Av. vāra- m.)	common
iver	[daryā M2, dōr E < Pers.] šalyam E žī 'rivulet, stream' ~ OPers. yauviyā- M rōt 'valley' (cp. žūtō 'yellow' < *zaritaka- M)	[daryā M, daryāw E 218 < Pers.]	daryāb M2, E, daryaab RKB, daryab TB āb 'river' M2 (Av. ap- f. 'water') xākə 'spring; A small stream of water flowing naturally from the Earth' RKB	daryāb	< Pers. daryāb	!= Plr. *raudah- n.? (Av. raoɖaŋh- n.)
ake	[hauz 'tank, lake, pond' M2 < Pers.]	[auz 'tank' M, 'pond' M2 < Pers.]	[ʃsilyær RKB, jheel TB < Pashto] [ɖaŋɖ 'pool, lake' Pashto M] talāu 'pond' M2	jīl	< Pashto jīhil < Hindi jhīl	!= Plr. *wari- m. (кроме осет.)
ea	[bahr E < Pers.]	[daryā 'river, sea' <	[daryab, drya TB] [səmməndər RKB < Pashto < Ind.]	daryāb	< Pers. daryāb	!= Plr. *zrayah- n.? кроме

		<i>Pers. M]</i>				осет.
alt	namâ'M	nemék E	mēk M2, mek E, Imæk RKB	Imēk	*namada-ka- (Av. <u>неизвестно</u> 'salt') ~ согд. nm'ōk(h), хор. nmōk, ягн. namák	common (*namadā - f.? кроме осет., *har-? кроме бактр.)
tone	gir M 11, grri-1925 Report 20 [gapār 'fireplace' (ār 'fire') M]	[gap E]	[gap M, E, gAp RKB, gap TB (орм. *-p- > -w- в исконных)] smānə mλɪdzə 'a tree free plateau to the north of Kanigram' RKB kryok 'hard rock, hard to excavate' RKB	gap	< <i>Marathi kāpṇe 'to cut' или Pers. kāftan kāv- kāb- 'to split; to dig'</i>	!= Plr. *asan-m., *gar-?
and	seyá M 23	rēg M	sigλ H, eiggə RKB	síga	*sikatā- f. (Av. <u>неизвестно</u> 'sand'), ср. согд. šykt- f.	common (*sikatā- f., *raiga-? кроме осет.)
ust	[gard M] [čärk 'dust' M2 Pers.?)]	[gard M]	[gard ^h H, garɖ RKB, gard TB 'dust']	garɖ	< <i>Pers. gard</i> (!= орм. *rd > l)	!= Plr. *přsa-?, WIr. *garda- < *w(a)rta-?
arth	[dharam M2 < Ind. / Dard.?) bhâṛ 'ashes, earth' ~ Skr. bhasman- M ? bīn 'garlic' M < *būmina-?	būmmā M 321 [xāk < Pers. M] jer 'clay' M, по контекст y 'earth' [38, 288]	būmm(a) M, bumbə 'earth' RKB, buma 'floor, earth' TB	búma	*būmā- f. (Av. būmi- f.)	common (Plr. *zam *z m- f., *būmi- f. кроме осет.)
loud	aīr M 165, a(y)ir E tam < Av. tamah- 'darkness' M	yēwər M	abar M2, E (Pers. abr), ср. hava 'wind' TB [wriēj M2, wrædz RKB, weriya(d)z, pl. weriya(d)zai TB < Pashto]	*yāwr	*aβrā- f. (Av. awra m., awrā- f.)	common
og	tam 'cloud' M [manyār M < Pers.]	[?]	duṇ, doṇ RKB	dun	*dunman- n. (Av. dunman- n.)	Av. != Plr. *maiya-
ky	a:zmá:n, á:sma:n M 22	āsmān M [falák 'sky' < Pers. M]	asmaan RKB, asman TB	asmān	*asman- m. (Av. ačman- m.), перезаимств.	common (кроме осет.)

					?	
ind	γá:phune:, γa:phóne: M 19 [šamaŋ E < Pers. < Arab.]	[ʔ]	hava TB (ср. вторичную h- в (h)o 'this') < *aβra- m. 'cloud'? По долготе и у- см. E 111 на примере yāsp < *aspā-, *(y)asp < *aspa- 'horse' [baad RKB < Pers.]	*hawr	*aβra- m. 'cloud'?	!= Plr. *wāta- m.
now	γarp M 23	γóš, γóš M 315	γo~ř, γonř RKB, ghorxh TB	γóšʔ	*wafra- m. (Av. vafra- m.)	common кроме осет.
ce	īx M	yax M	[kəɾaŋg RKB, krāřə N 'fluid gotten solid' RKB < Pashto kangal m. 'ice' (Raverty)] yakh TB	yax	*ayha- n. (Av. aēxa- n.) под влиянием Pers. yax	common
moke	dhī M (Pers. vulg. dī 'smoke')	[dād M < Pers.]	[luga(i) H, lugaγ RKB, loogai TB < Pashto] towwəy pl. 'smoke, dust raised from the spot hit by bullet making the spot eminent' RKB duŋ 'fog' RKB daz/duz 'smoke (exaggerating)' (also this word is also used for "fart" along with "puska") TB	lugay	< Pashto (Waziri) līgai	!= Plr. *dūmn- n.
ire	ār M2 rhīnē M2, rhīnē E	rówon E	rōwən M2, rəwwən RKB, ráwa(a)n TB	ráwān	*rauxšna- (Av. raoxšna- 'shining, bright')	!= Plr. *ātar- *ātr- m.
sh	[ʃhoŋd E < Ind.ʔ] [bhāy M2 < Pers.ʔ]	[xâkestar E < Pers.]	yānak M, yāk M2, yaŋk H, yānk, pl. ya~či RKB, yaank TB [xākistār < Pers. M 314]	yānk	*āθrya-ka-? (Av. ātrya- n.) (если (Cry >) Cl > Cn)	common (Plr. *āθrya-)
urn, to (tr.)	dar : dah- 'to put fire to' M < Av. daž, daz- 'to burn, to scorch'	šilaw- 'to light, kindle' M soxta 'burnt' E Log. bróx-tok [38, 282]	braz- : braš-tak : bruš-k [38, 282], brəštək RKB dēgdán 'fireplace' Pers. M baŋ 'kindle, to start (a fire), to burn, ignite, to torch, to stir up ;burninglight, spark' RKB	braz- : brašt-	*brāz- (Av. brāz- 'to shine, to glitter, to flash with light'), cp. xop. 'βr'z- 'гореть', caus. 'βr'zv-	!= Plr. *daj- ~ *dag- : *daxt-, *sauč-?
oad	panān M 12 < ср.-перс. pandʔ rā 'way' < Pers. M	rāh Le, rāi M, rāy E	rāi M, rāy RKB	rāy	*raθyā- f. (raiθyā- f.), ср. согд. r'θ, ягн. rot, ra ^h	common (Plr. *paθan- m. f., *raθyā- f.?)
	[dhār, dhār	kō M	gri E, gri RKB, gri TB	gri	*giri- m. (Av.	common

ounta in	<i>'hill, mountain, forest' M): Pashai L d(h)ār < Skr. dhāra- M) [khāndi M2 < Shina (Dras) khān M] kōpān (pl.?) 'hump' M</i>	girī M2	kō M < Av. kaofa- m.		gairi- m. EA, garay- : gairi- m. [16, 513], запись gairi- может отражать как g-i-rī ~ Skr., так и ga-r'-i- ~ Pers.)	(Plr. *kaufa- m., *giri- m.?, *gara- m.?)
ed	sūšr 1925 Report 26, surkhū 1925 Report 22	sūgha Le Rav, sūš M	sūšr M, suuř RKB, suurxh TB	sūšr	*suxra- (Av. çuxra-)	common
reen	sābz (Pers.), sauz M2	šin M, xin E	šin M, šin RKB, sheen TB	šin	*axsafni- (Av. axsafni- 'not dark')	!= Plr. *zari-
ellow	zītō M	zyēr M	ziyař M, zyær RKB, ziyairh TB 'yellow', zirġay 'yellowish' RKB	zyer	*zārita- (Av. zairita-, zārita-)	common
hite	[čhaṭō M2 < Dard. / Ind.?]]	ispeuk Le, spēw M	spīw, spe:v M, spio H, epyæv RKB, spiyaiw, spyéw TB	spyéw	*sfayta- (Av. çpaēta-)	common
lack	paddō M2, p(h)ādō E (dd cp. nap. hudda 'both' < hu 'all' + '2') sēy, sēx 'shade' M, E [tārīk Pers. M]	gharāsa Rav, yrās E syākā 'shade, shadow' M	yrās M, yrās H, yrass RKB, ghrās, f. ghrasa TB syāk(a) 'shade, shadow' M tāri 'kī Adj 'darkness, wholly or partially black', tərçə 'rly 'very black', tərə 'kly 'black' RKB	yrās	*gr- 'to burn' + *āōrya- 'ash'?	!= Plr. *syāwa-
ight	xawañ w(i)yār 'night', wyārawyār 'night's halt' M2	šō(w) M, x̄wa, xō E	šiw M, šyōu M2, šiyō H, šyo RKB, shio, shyō TB khutan TB ~ Av. nakhti- n.?	šiyō	*xšapar- f. (Av. xšapar- f.)	common
ay	rūč 'sun, day' dewās, diwāsī [14, II, 453]	rosh Le, rōž M	ryūz M, ryož RKB, riyoz, riozi TB != wriez / wrioz < Pashto	ryōž	*raučah- n. (Av. raočanğh- n.)	common (Plr. *raučah- n. кроме осет., *daina- m.?)
ear	sař yasø 'calf' 1925 Report 21	[čān M < Kalasha?] asol 'in this year' E	[tsān M, chan TB < Kalasha zhan?] asal 'in this year' E ywats 'calf' M	*sal	*sarōa- m. (Av. çarōda- m.)	common

		yuskák 'calf' M				
arm	<u>[tapō' M < Dard. ?]</u>	tokha Le, tōk 'hot' M	tok 'hot' E wəṛək n. 'warm' RKB, но γarmλ 'noon' H	tōk	*tapta-ka-? (Av. (ham-)tapta 'hot')	Av. != Plr. *garma-
old	sard (Pers. вм. исконного?), saṛ 'год' E (e)štāwō M 10	sāla E tsāka Le, tsāk M	[tsak H, tsaak RKB < Kalasha choiik V. 'To freeze, to get very cold'] sāl(a) 'coldness' M	sāla	*sarta- (Av. sarəta-)	common
ull	[dah- / dā- E < Pashto] [thaṛ M2, thaḍ/ṛ E < ?] pura E	<u>[dāk < Pashto M]</u>	[dāk M, dakk RKB, dak TB < Pashto] pu 'rəḥ RKB	purā	*pṛna- (Av. pəṛəna-)	common
ew	nō M 40	nūw M, now E	nyūw M, nyow E, nyow RKB, TB	nyōw	*nawa- (Av. nawa-)	common
ld (of things)	<u>zāl 'old</u> (<u>woman</u>)' M2 <u>kattō 'old</u> (<u>living</u> <u>things</u>)' M2, <u>katō E</u> <u>čhaṭadharī</u> 'old (<u>man</u>)' M2 <u>[pīrazāl,</u> <u>pīrakī 'old</u> (<u>woman</u>)' M2 < Pers. ?]	<u>[?]</u>	zāl M, zāl H, zaal RKB, TB 'old', zarai 'ancient' TB	zāl	*zarura-? (Av. zaurura-)	common (Plr. *kaxwana -? кроме осет., *zarura-? кроме сак.)
ood	<u>[bakār Pers.</u> <u>M]</u> <u>[kārī</u> <u>Pers. M]</u> <u>[nēk Pers. M]</u> <u>[xūb Pers.</u> <u>M]</u>	sher Le, šir(r) M xūš 'pleased, happy' M	sir M, sirī H, sir RKB, sam (< ?) / sir TB xwaš 'pleased, happy' M, khwash 'happy' TB	sir	*srīra- (Av. črīra- 'fair, fine, beautiful, elegant') с диссимиляци ей r-r	common (Plr. *wahu-? (кроме сев.- пам.), *srīra-? кроме осет., *xwarza- ?)
ad	bīšt M kačal M2 (čal 'trick' Ind. M) ēlāhī 'bad, dissolute' M (ēlā 'let loose, liberated' < Pashto M) geš < *gasya-	khraḇ Le < Pers. M	[bad M, badd RKB, bad TB < Pers. или < Av. bazda- 'ill'] zəlīl, f. zə 'lili 'morally very bad' RKB ~ Av. zūrah- n. 'несправедливость'? [yanj M < Pers. ?] [xarāb M2, xlap H < Pers.]	bad	< Pers. bad	!= Plr. *zuṛa-?, *baḍa-? (кроме осет.), Elr. *aka- ?

	~ OPers. gasta-, Bal. gandag M [xarāb M2]					
otten	[ʔ]	[ʔ]	šī-būk 'rotten, stinking' M, řibukæk 'to rot', řibūk 'rotten' RKB, TB kharap TB	šī-būk	*friṣyant- (Av. friṣyaṇt 'rotten') + *buda-ka- 'smell' (см.)	common (PIr. *friṣyant- , *pūta-)
irty	<i>γark < Pers. γarq 'immersed'? M makān 'dirt?' (Pers.?) M, māṭṭa 'dirt, mud' < Pashto maṭṭa 'clay' M</i>	[čirk < Pers. M] gūr 'human excremen ts' M < Av. gu- mud' (v.)?	[xīr(r)an RKB, kħiran TB < Pashto (Waziri) kħīran] [pālīt RKB < Pers. palid] [khata 'mud' TB < Pashto] [čikar 'mud' H, čīran 'dirty' RKB < Pers.?	xīran	< Pashto (Waziri) kħīran	!= PIr. *raimn-? (кроме осет), *mrta-? (кроме сак.)
traight t	? daw- 'to be straight' M2	rāst M	[sīx M2, sīx RKB < Pashto (Waziri) sīkh] pərka' ṇəḥ Adj 'straight axed wood from stem of a tree' RKB	*rāst	*rāšta- (Av. rāšta)	common (PIr. *rāšta-)
ound	? dūbarā 'circuit, round, side' M [gerde 'circuit, turn' < Pers. M]	[ʔ]	[gīrdāi M2, gīrday RKB < Pers.] řikā lyə N Fm 'round like a circle or a ring' RKB skollək, pl. skulčī 'a small hard and round bread' RKB < Av. čkarena- 'round'?	gīrday	< Pers. gird < *wrta-	common
harp (as a knife)	tēz M2 tëndura, tendurō < Panj. tund? M	? tīr 'arrow' < Pers. M	teř ('bitter') E, tæř RKB, taiz (Pers.), tairxh TB 'sharp'	tēř	*tiyra- (Av. tiyra-)	common
ull (as a knife)	kull 'blunt'	kund 'blunt' M (вместо ожидаем ого *kun?) < Pers.?	mōř RKB kondoyy 'butt of gun' RKB (Av. Kuṇḍa- 'name of a demon; the demon in the cloud' cōda Tavernier 2007 192) != sust 'lazy, dull' RKB	mōř	*mūra- (Av. mūrā 'dull- brained')	Av. != PIr. *kunta- (кроме осет.)
moot h	[ʔ]	yak rang 'smooth, one manner' E	[šwəy RKB < Pashto (Waziri) shoē] [həwṵar RKB < Pers.]	šwəy	< Pashto (Waziri) shoē	!= PIr. *slayza-?
et	phyō M2 < *pīṭaka- M 35 nāxčurī M, nāxčurī E	šūr M	šūr RKB, shoor TB nəw'čan RKB < Av. napta- tānd M2	šūr	*γzar- 'to flow' (Av.)? или < мазандерани	!= PIr. *nafta- WIr. *tarna-?

	'rainbow'				šir?	
ry	hóškō, ōškār M2	wōkā M	wyūk M, wyok/yok E, yuk ^h , хуаšk H, yok RKB tranak H, tranak TB 'thirsty'	wyōk	*huška- (Av. huška-)	common
rue (correct)	[rāst M < Pers.]	[rāst M < Pers.]	[səhī 'correct' RKB < Arab. <i>ṣaḥīḥ</i>] <i>arakha</i> TB < ? <i>kə'rə^h</i> 'right, true, honest, reliable, true to expectations' RKB (о человеке?)	sahī	< Pers. < Arab. <i>ṣaḥīḥ</i>	!= Plr. *haθia-, WIr. *rāšta-
ear	da, dāl M2 [karīb M2 < Pers.] nazzik [14, V, 530]	boy 'close by, near' M nezdék M < Pers. или Av. nazda-	boi H, bōy RKB	bōy	*upa-ya- (Av. upa- 'near')	Av. != Plr. *nazda- (кроме осет.)
ar	dəri:n, duri:n M 20	dur [38, 286] pets Le	pēts M, pets H, pæts RKB	pēc	*pasča 'after' (Av. pačča 'after')	!= Plr. *dūra-
ight	rāst 'right (и для руки), true, prepared' M	xwai 'right hand' M	xurēntsə M2, xorentsə H, xören 'tsə RKB khuraincha, khwraincha, khwariancha TB != səhī 'right; being in accordance with what is just, good, or proper' RKB	xwarēn ča	*xwarant-ya- ~ согд. xwrnt 'on the right hand', хор. xw'ndm f. 'rechte Hand'	Elr. *xwarant- != Plr. *dašina-, *rāšta-?
eft	čap M	[čap, čār < Pers. M (нет *-p- > -w-)]	[i-tsəl(a) 'on the left' M, čelə H, čyələ RKB, chaila TB < Pashto kīrm, (Waziri) kīnr 'left (hand)' до палатализации?]	čēla	< Pashto (Waziri) <i>kīnr</i> <i>do k' > č?</i>	!= Plr. *čapa- (кроме осет.)
t	pa 'at, to' M, E	орм. Log. ne 'in, at' Texts 6.1	pa 'by, at' M, pə 'at, on' RKB, pa 'at, towards' TB zər RKB	pa	Av. paiti 'at', ср. согд. pt'yč, хор. paciyač 'перед'	Av. != Plr. *pṛi
n	-tar M	-(i)ner Le, -nē M, ne 'in, at' E (Texts	-(i)nar M, nar RKB	inar	*antar- (Av. antarə, antarə 'inside, between')	common (кроме осет.)

¹согд. xwrnt 'on the right hand', хор. xw'ndm f. 'rechte Hand', орм. Kan. xören 'tsə 'right', Log. xwai 'right hand', мдж. wuizug, wuizag 'правый', й. urzoy 'right (hand)', хот. hvarandaa- 'right side, right hand', вах. worzg(ə) 'right (hand)', ишк. хурдакак 'справа', шугн. ховар m. 'восток', ?Av. x'arənaḥaiti 'name of a river in Afghanistan; the Pharmacotis of Pliny; the Harrūt (harr = x'arəna-) which falls into the North of the Hamūn'.

		6.1)				
ith	pen (*upantai) M 35	[gaḍi E]	[pa gada, su ... gad 'with' TB, ga 'dūn 'participation' RKB] != girad 'with (uncпpуeнн)' RKB	gaḍ	< Pashto (Waziri) gaḍ 'mixed, joined'	!= Plr. *ham-
nd	o, u, wo, wā	u M, aw E 269 gar 'also' M	aw E 269, o RKB ga 'also, even' M, ga 'and' TB, ga ^h 'also, and' RKB	ō	*uta (Av. uta)	common (кроме осет.)
f	ágar M 203, E (Pers.)	góda 'where, if' E	ka 'if M, TB. ka, RKB ka ~ Av. kâ-tōI varhēuš mazdā xšaθrahyā īstīš, kâ-tōI..., kâ-θwōI... 'Is the possession of thy good Dominion, Mazda, is that of thy... will thy...' Yasna 48.8	ka	*kâ (Av. kâ 'слово в начале вопроса') ~ xor. kâ	common (кроме осет.)
ecause	čâ, če M, če E	taré párak ka, inpârē E ka E [bābādī Pers. M]	jikka RKB, pajika(h) TB ~ Pashto žaka ka M	(ji)ka	[*hyat (Av. hyat 'because') +] *kâ (Av. kâ 'how')	common (кроме осет.)
ame	nām E	n a° E	nām M, naam RKB, TB	ām	*nām an- n.	c ommon

Итого из 207 слов списка Сводеша для канигурамского диалекта ормури:

- 24 слова заимствованы из пашто;
- 13 слов заимствованы из персидского (из них 3 арабского происхождения: many, human, true, 1 индоарийского: forest);
- 3 слова (blood, to squeeze, leaf) заимствованы из индоарийских языков;
- 2 слова (belly, to drink), вероятно, заимствованы из дардских языков;
- 1 слово (to play), вероятно, заимствовано из нуристанских языков;
- 1 слово (to scratch) из неизвестного источника;
- остальные слова выводимы из авестийского языка, в том числе с авестийскими особенностями (all, wide, small, woman, stick, meat, to split, to dig, to throw, fog, warm, dull, near, at) или с восточноиранскими особенностями (thin, hair, to rub, to wash, to push, to sew, sun, right).

Заключение

Г. Моргенштерне [31] и Б. Гариб [24] часто прибегали к этимологиям из авестийского языка, возможно, и не имея в виду,

что рассматриваемые ими языки являются его прямыми потомками. Распространено мнение (без каких-либо обоснований), что у авестийского языка вовсе нет потомков [8, 136]. Другой известный взгляд – что древнеавестийский отражает праиранский язык, а позднеавестийский – правосточноиранский [30, 2]. В частности, приведённый в настоящей работе материал показывает, что базовая лексика языка ормури (список Сводеша-207) полностью выводима из авестийского языка, в том числе с авестийскими или восточноиранскими особенностями.

Классификация авестийского языка затруднена его многослойностью и особенностями передачи:

– «В языке Авесты отмечаются и восточноиранские, и западноиранские черты, а также черты более древние, чем те, что характерны для тех или других. <...> Тем самым, язык Авесты, будучи языком религии, с одной стороны, консервировал отдельные архаические черты, с другой, – существуя в жреческой среде носителей и западных, и восточных языков, мог донести до нас и многие элементы произносительного узуса самих жрецов, закрепившиеся при многовековой устной передаче. В литературе отмечается, что древнейшая часть Авесты – Гаты – выявляет восточноиранские черты [Morgenstierne, 1926, 29; Фрейман, 1951, 35; Оранский, 1979¹, 192-193; Соколов, 1979¹, 160]. Для поздней Авесты характерны и западноиранские черты, однако только те, которые можно соотнести с северо-западными языками» [13, 6-7];

– «Генетико-диалектологический статус А.я. внутри иранской языковой семьи на сегодня остается своеобразным, и отнести его однозначно к западной или восточной группе иранских языков нельзя <...> Однако последнее время в науке все сильнее утверждается теория восточноиранского, среднеазиатско-хорасанского происхождения этого памятника. В пользу этой теории приводятся обычно следующие аргументы: 1) географическая установка Авесты; 2) связь эпических мотивов Авесты с восточноиранской эпической традицией; 3) традиция парсов, связывающая выступления Заратуштры с территорией Бактрии; 4) некоторые особенности языка Авесты (гатского диалекта), позволяющие связать его с древними языками Средней Азии – согдийским и хорезмийским. <...> По мнению некоторых исследователей (Ф. Кёйпер), язык Гат несет в себе черты двух различных диалектов, ни один из которых не представлен в позднеавестийском» [4, 10].

Мы не привлекаем для этимологии слов ормури авестийский язык в архаичной части, не имеющей других иранских аналогов¹, привлечённый нами материал выглядит как восточноиранский. Если ормури и близкий к нему язык парачи, а также упомянутые согдийский и хорезмийский являются прямыми потомками позднеавестийского языка восточноиранского типа (это подтверждают наши предварительные глоттохронологические расчёты [2]), то это, как минимум, позволит уточнить значения тех или иных авестийских слов, а как максимум — реконструировать позднеавестийское состояние как полноценную языковую систему, а не как набор элементов, случайно попавших в текст. Наличие такого описания позволит отделить особенности текста от особенностей языка, определить случаи избегания омонимов, уточнить вероятности заимствований в те или иные стороны и т. п.

Поэтому требуется провести работы по насколько можно полному документированию ормури и парачи (а также, соответственно, ягнобского) — как языков, представляющих значительную ценность для иранистики и находящихся под угрозой исчезновения. К сожалению, автор не имеет возможностей для этого, но готов предоставить все материалы и контакты.

Сокращения

¹Примеры древнейших авестийских слов, не имеющих аналогов в других иранских языках:

Av. aši- n. 'eye (of an evil being)' (индоиранское, в других иранских только среднеперсидское в том же знач. — авестизм?) vs. Av. čašman- n. 'eye' (общеиранское).

Av. uši Ndu. 'ears' (индоиранское, нет в других иранских) vs. Av. gaoša- m. 'ear' (индоиранское)

Av. bayəntē 'they fear' (индоиранское, в чистом виде нет в других иранских) vs. Av. tarəṣ- 'fear (v.)' (общеиранское)

Av. aḍāiti 'he/she eats' (индоиранское, в чистом виде нет в других иранских) vs. Av. x'araiti 'he/she eats' (общеиранское)

Av. čurunaoti 'he/she hears' (индоиранское, в чистом виде из иранских отражено только в парачи) vs. Av. guš- 'hear (v.)' (общеиранское)

Av. aži- m. 'snake' (индоиранское, в других иранских только мунджи-йидга в том же знач. — авестизм?) vs. Av. mairya- m. 'snake' (общеиранское, кроме осетинского)

Av. vaēiti 'to hunt, chase' (индоиранское, в чистом виде нет в других иранских) vs. Av. čkairya- n. 'hunting-ground' (общеиранское)

Av. dyaōš Gsg. 'from the sky' (индоиранское, в чистом виде нет в других иранских) vs. Av. ašma-, ašman-, ašan- m., ašan- m. 'sky' (общеиранское, кроме осетинского)

Av. agəni- f. 'fire' (индоиранское, в чистом виде нет в других иранских) vs. Av. ātar- m. 'fire' (общеиранское)

Av. kā 'how' (индоиранское, из других иранских только пашто) vs. Av. čū 'how' (общеиранское)

Arab. – Arabic; Av. – Avestan; Dard. – Dardic; Elr. – Eastern Iranian; Ind. – Indian; Ir. – Iranian; Kan. – Kaniguram Ormuri; Log. – Logar Ormuri; OPers. – Old Persian; Pers. – Persian; PIr. – Proto-Iranian, Skr. – Sanskrit; WIr. – Western Iranian; вах. – ваханский; зеб. – зебаки; ишк. – ишкашимский; й. – йидга; мдж. – мунджи; осет. – осетинский; пар. – парачи; сарык. – сарыкольский; сев.-курд. – северокурдский; сгл. – сангличи; согд. – согдийский; хор. – хорезмийский; хот. – хотаносакский; шугн. – шугнанский; ягн. – ягнобский; язг. – язгулямский.

Список источников

1. Андреев, М. С., Пещерева, Е. И. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1957. 392 с.
2. Быстров Д. М. Рабочие материалы по реконструкции ПИЕ [Электронный ресурс] URL: <http://alonecoder.nedopc.com/ling/PIE/index.html> (дата обращения: 04.07.2026).
3. Быстров, Д. М., Ястребов-Пестрицкий, М. С. Базовый словник прабалтославянского языка. Москва: URSS, 2024. 220 с.
4. Виноградова С. П. Авесты язык. / Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. Москва: Индрик, 1999. С. 10-37.
5. Ефимов, В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. Москва: Наука, 1986. 178 с. (The author used Logar data, but adds Kaniguram data from other sources.)
6. Ефимов В. А. Язык парачи: грамматический очерк; тексты; словарь. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. 269 с.
7. Ефимов В. А. Избранные труды и тексты по бесписьменным иранским языкам Афганистана и Пакистана (хазара, парачи, ормури). Москва: Институт языкознания РАН, Ереван: Школа демократии, 2024. 232 с.
8. Основы иранского языкознания. Т. I. Древнеиранские языки. / Ред. В. И. Абаев, М.Н. Боголюбов. Отв. ред. В. С. Расторгуева. Москва: Наука, 1979. 388 с.
9. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 1999. 480 с.
10. Трофимов А. А. Ударение в языках парачи и ормури в связи с афганским и его значение для иранской реконструкции //

Journal of Language Relationship • Вопросы языкового родства. 2022. 20/3. Pp. 222–252.

11. Фрейман А. А. Хорезмийский язык: материалы и исследования. I. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. 122 с.

12. Цаолов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. I-II. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, 2010.

13. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. Москва: Наука, 1986. 232 с.

14. Этимологический словарь иранских языков (ЭСИЯ) / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман; Ин-т языкознания РАН. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; Наука – Вост. лит., 2000–2020. Т. 1–6.

15. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: University Press, 1979. 580 p.

16. Bartholomae C. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. 1032 p.

17. Benzig J. Chwaresmischer Wortindex / Johannes Benzig. Mit. e. Einl. von Helmut Humbach. Hrsg. von Zahra Taraf. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. 734 p.

18. Burki R. K. Maax a xway zabaan tah goor GaaDah zar zhiin? (Ormuri: Should we leave our Language at Deathbed?). Islamabad, 1999. 128 p. // (Contains the Swadesh-207 list at pages 57-72, with some mistakes because of misunderstanding of Swadesh meanings, such as puto ‘spit’ (a noun instead of a verb), ʔəppaw ‘bark’ (a verb instead of a noun), and some words skipped (drink, eat, bite).)

19. Burki R. K. Ormuri Dictionary: Ormuri to Urdu & English. Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2022. 450 p. // (The dictionary contains around 6000 word forms, some articles about Ormuri history and geography, and a separate list of verbs. Available in electronic form from the author.)

20. Bystrov D. M., Yastrebov-Pestritsky M. S. 2020. Searching for the lexical core of Proto-Indo-European language // Вестник славянских культур. 2020. № 57. С. 183–200.

21. Bystrov D. M., Yastrebov-Pestritskiy M. S. The lexical core of Proto-Indo-European language: the complete Swadesh list // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 36–78.

22. Cheung, J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 2007. 624 p.

23. Efimov, V. A. The Ormuri Language in Past and Present. / English translation edited by Joan L.G. Baart. Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011. 334 p. (Translation of Ефимов, В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. Москва: Наука, 1986, with a small etymological dictionary added, with etymologies extracted from the main text.)

24. Gharib, B. Sogdian Dictionary (Sogdian – Persian – English). Tehran: Farhangian Publications, 1995. 644 p.

25. Grierson, G. A. The Ōrmurī or Bargistā Languages, an Account of a little-known Eranian Dialect. / By Sir George Abraham Grierson, K.C.I.E., Ph.D., D.Litt. Memoirs of the Asiatic Society of Bengal, vol. vii, No. 1. 1918. P. 274 [Электронный ресурс] URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-royal-asiatic-society/article/abs/ormuri-or-bargista-languages-an-account-of-a-littleknown-eranian-dialect-by-sirgeorge-abraham-grierson-kcie-phd-dlitt-memoirs-of-the-asiatic-society-of-bengal-vol-vii-no-1/5712E4FD7A1DA8E959EEE3E5D07EE756> (дата обращения: 01.06.2026)

26. Hallberg D. G. Sociolinguistic survey of Northern Pakistan. Volume 4: Pashto, Waneci, Ormuri. Reprinted 2004. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, 2004. 192 p. (Contains a wordlist similar to Swadesh's for Kaniguram Ormuri from 1988-1990 survey.)

27. Kanga K. E. A Complete Dictionary of the Avesta Language in Guzerati and English. Bombay: Education Society's Steam Press, 1900. 648 p.

28. Kanga K. E. An English – Avesta Dictionary. Bombay: The Fort Printing Press, 1909. 312 p.

29. Lorimer J. G. Grammar and Vocabulary of Waziri Pashto. Calcutta, 1902. 364 p.

30. Martínez J. Vaan M. de. Introduction to Avestan // Brill Introductions to Indo-European Languages. Vol. 1. Leiden: Brill, 2014. 160 p.

31. Morgenstierne G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I: Parachi and Ormuri. / Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter. XI. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1929. 438 p. (Contains the description and a short dictionary of Logar Ormuri. Also contains some Kaniguram data and etymologies.)

32. Morgenstierne G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II: Iranian Pamir Languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashimi and Wakhi). / Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter. XXXV. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1938. 664 p. (Includes

more Kaniguram Ormuri data (marked as O1) in the English – Iranian dictionary.)

33. Novák Ľ: Jagnóbsko-český slovník s přehledem jagnóbské gramatiky. Ягнобй-чехй луғат ягнобй зивокй дастури фехрастипй. Praha (: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze), 2010. 284 p.

34. Ormuri Interlinear Texts: texts 1-51 from Logar, Afghanistan, recorded by V. A. Efimov / Editors: Hawbaker, Jeremy, Baart, Joan L. G. 2014. 144 p. (Excerpt from Ефимов В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. Москва: Наука, 1986, with interlinear English translation, word by word.)

35. Qawaid-e-Bargista (Ormuri). Second edition. Author of first edition Ghulam Muhammad Khan Popalzai. Second edition compiled, edited and published by Dr. Illahi Jan Burki. 2019. 256 p.

36. Raverty, H. G. A Dictionary of the Pukhto, Pushto or Language of the Afghans. London, 1860. 592 p.

37. Sims-Williams, N.; Durkin-Meisteremst, D. Dictionary of Manichaean Texts, Vol. III: Texts from Central Asia and China, Part 2. Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. Turnhout, Belgium: Brepols, 2012. 276 p.

38. Trofimov, A. A. On the place of Parachi and Ormuri among the Iranian languages according to the data of annotated Swadesh lists. / Journal of Language Relationship • Вопросы языкового родства • 16/4 (2018). Pp. 277–292.

REFERENCES

1. Andreev, M. S., Peshhereva, E. I. Jagnobskie teksty s prilozheniem jagnobsko-russkogo slovarja, sostavlennogo M. S. Andreevym, V. A. Livshicem i A. K. Pisarchik. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1957. 392 p. (In Russ.).

2. Bystrov D. M. Rabochie materialy po rekonstrukcii PIE [Electronic resource] URL: <http://alonecoder.nedopc.com/ling/PIE/index.html> (accessed 04.08.2026).

3. Bystrov, D. M., Jastrebov-Pestrickij, M. S. Bazovyj slovník prabaltoslavjanskogo jazyka. Moscow: URSS, 2024. 220 p. (In Russ.).

4. Vinogradova S. P. Avesty jazyk. / Jazyki mira: Iranskie jazyki. III. Vostochnoiranskie jazyki. Moscow: Indrik, 1999. Pp. 10-37. (In Russ.).

5. Efimov, V. A. Jazyk ormuri v sinhronnom i istoricheskom osveshhenii. Moscow: Nauka, 1986. 178 p. (The author used Logar data, but adds Kaniguram data from other sources.) (In Russ.).

6. Efimov, V. A. Jazyk parachi: grammaticheskij ocherk; teksty; slovar'. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2009. 269 p. (In Russ.).

7. Efimov, V. A. Izbrannye trudy i teksty po bespis'mennym iranskim jazykam Afganistana i Pakistana (hazara, parachi, ormuri). Moscow: Institut jazykoznanija RAN, Erevan: Shkola demokratii, 2024. 232 p. (In Russ.).
8. Osnovy iranskogo jazykoznanija. T. I. Drevneiranskie jazyki. / Red. V. I. Abaev, M.N. Bogoljubov. Otv. red. V. S. Rastorgueva. Moscow: Nauka, 1979. 388 p. (In Russ.).
9. Steblin-Kamenskij, I. M. Jetimologicheskij slovar' vahanskogo jazyka. Saint-Petersburg.: «Peterburgskoe vostokovedenie», 1999. 480 p. (In Russ.).
10. Trofimov, A. A. Udarenie v jazykah parachi i ormuri v svjazi s afganskim i ego znachenie dlja iranskoj rekonstrukcii. / Journal of Language Relationship • Voprosy jazykovogo rodstva. 20/3 (2022). Pp. 222–252. (In Russ.).
11. Frejman, A. A. Horezmijskij jazyk: materialy i issledovanija. I. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951. 122 p. (In Russ.).
12. Cabolov, R. L. Jetimologicheskij slovar' kurdsogo jazyka. I-II. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001, 2010. 688+536 p. (In Russ.).
13. Jedel'man, D. I. Sravnitel'naja grammatika vostochnoiranskih jazykov. Fonologija. Moscow: Nauka, 1986. 232 p. (In Russ.).
14. Jetimologicheskij slovar' iranskih jazykov (JeSIJa) / V. S. Rastorgueva, D. I. Jedel'man; In-t jazykoznanija RAN. Moscow: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN; Nauka – Vost. lit., 2000–2020. T. 1–6. 327+502+493+415+566+463 p. (In Russ.).
15. Bailey, H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: University Press, 1979. 580 p.
16. Bartholomae, C. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. 1032 p.
17. Benzig, J. Chwaresmischer Wortindex / Johannes Benzig. Mit. e. Einl. von Helmut Humbach. Hrsg. von Zahra Taraf. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. 734 p.
18. Burki, R. K. Maax a xway zabaan tah goor GaaDah zar zhiin? (Ormuri: Should we leave our Language at Deathbed?). Islamabad, 1999. 128 p. (Contains the Swadesh-207 list at pages 57-72, with some mistakes because of misunderstanding of Swadesh meanings, such as puto 'spit' (a noun instead of a verb), ɣəppaw 'bark' (a verb instead of a noun), and some words skipped (drink, eat, bite).)
19. Burki, R. K. Ormuri Dictionary: Ormuri to Urdu & English. Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2022. 450 p. (The dictionary contains around 6000 word forms, some articles about Ormuri history and geography, and a separate list of verbs. Available in electronic form from the author.)

20. Bystrov, D. M., Yastrebov-Pestritsky, M. S. 2020. Searching for the lexical core of Proto-Indo-European language // *Vestnik slavjanskih kul'tur*. 2020. № 57. P. 183–200.
21. Bystrov, D. M., Yastrebov-Pestritskiy, M. S. The lexical core of Proto-Indo-European language: the complete Swadesh list // *Libri Magistri*. 2023. № 4 (26). P. 36–78.
22. Cheung, J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb* / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 2. Leiden, Boston: Brill, 2007. 624 p.
23. Efimov, V. A. *The Ormuri Language in Past and Present*. / English translation edited by Joan L.G. Baart. Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011. 334 p. // (Translation of Efimov, V. A. *Jazyk ormuri v sinhronnom i istoricheskom osveshhenii*. M.: Nauka, 1986, with a small etymological dictionary added, with etymologies extracted from the main text.)
24. Gharib, B. *Sogdian Dictionary* (Sogdian – Persian – English). Tehran: Farhangan Publications, 1995. 644 p.
25. Grierson, G. A. *The Ōrmuṛī or Bargistā Languages, an Account of a little-known Eranian Dialect*. / By Sir George Abraham Grierson, K.C.I.E., Ph.D., D.Litt. *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*. Vol. VII, No. 1. 1918. P. 274 [Electronic resource] URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-royal-asiatic-society/article/abs/ormuri-or-bargista-languages-an-account-of-a-little-known-eranian-dialect-by-sir-george-abraham-grierson-kcie-phd-dlitt-memoirs-of-the-asiatic-society-of-bengal-vol-vii-no-1/5712E4FD7A1DA8E959EEE3E5D07EE756> (accessed 06.01.2026).
26. Hallberg, D. G. *Sociolinguistic survey of Northern Pakistan*. Volume 4: Pashto, Waneci, Ormuri. Reprinted 2004. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, 2004. 192 p. // (Contains a wordlist similar to Swadesh's for Kaniguram Ormuri from 1988-1990 survey.)
27. Kanga, K. E. *A Complete Dictionary of the Avesta Language in Guzerati and English*. Bombay: Education Society's Steam Press, 1900. 648 p.
28. Kanga, K. E. *An English – Avesta Dictionary*. Bombay: The Fort Printing Press, 1909. 312 p.
29. Lorimer J. G. *Grammar and Vocabulary of Waziri Pashto*. Calcutta, 1902. 364 p.
30. Martínez, J. Vaan, M. de. *Introduction to Avestan* // *Brill Introductions to Indo-European Languages*. Vol. 1. Leiden: Brill, 2014. 160 p.
31. Morgenstierne, G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. I: Parachi and Ormuri. / *Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter*. XI. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1929. 438 p. (Contains

the description and a short dictionary of Logar Ormuri. Also contains some Kaniguram data and etymologies.)

32. Morgenstierne, G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II: Iranian Pamir Languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashimi and Wakhi). / Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter. XXXV. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1938. 664 p. (Includes more Kaniguram Ormuri data (marked as O1) in the English – Iranian dictionary.)

33. Novák I.: Jaghnóbsko-český slovník s přehledem jaghnóbské gramatiky. Jarnobñ-chehñ luŕat jarnobñ zivoki dasturi fexrastipñ. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2010. 284 p.

34. Ormuri Interlinear Texts: texts 1-51 from Logar, Afghanistan, recorded by V.A. Efimov. / Editors: Hawbaker, Jeremy, Baart, Joan L. G. 2014. 144 p. (Excerpt from Efimov, V. A. Jazyk ormuri v sinhronnom i istoricheskom osveshhenii. M.: Nauka, 1986, with interlinear English translation, word by word.)

35. Qawaid-e-Bargista (Ormuri). Second edition. Author of first edition Ghulam Muhammad Khan Popalzai. Second edition compiled, edited and published by Dr. Illahi Jan Burki. 2019. 256 p. (In Urdu.).

36. Raverty H. G. A Dictionary of the Pukhto, Pushto or Language of the Afghans. London, 1860. 592 p.

37. Sims-Williams N.; Durkin-Meisteremst D. Dictionary of Manichaean Texts, Vol. III: Texts from Central Asia and China, Part 2. Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. Turnhout, Belgium: Brepols, 2012. 276 p.

38. Trofimov A. A. On the place of Parachi and Ormuri among the Iranian languages according to the data of annotated Swadesh lists. / Journal of Language Relationship • Voprosy jazykovogo rodstva • 16/4 (2018). P. 277–292.

ORMURI: THE PROBLEM OF LEXICAL DESCRIPTION AND NEW DATA

Dmitry M. Bystrov
Independent researcher
(Ryazan, Russia)

Abstract

This paper describes the challenges of lexical description of the Ormuri language (in terms of limited material, inconsistencies and ambiguities in sources, and the unrecognized structure of the language community – clan structure) and presents Swadesh-207 lists for Ormuri

(the two dialects separately, taking into account new data on the Kaniguram dialect collected in 2025 by the author) and Parachi. Avestan etymologies are provided for the Kaniguram dialect ofOrmuri, indicating the differences with Proto-Iranian, Proto-Western Iranian and Proto-Eastern Iranian forms.

Keywords: Ormuri, Parachi, Swadesh, etymology, Avestan

Для цитирования: Быстров Д. М. Ормури: проблема лексического описания и новые данные // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 31–81.

Поступила в редакцию 29.07.2026

А. С. Гадаборшева, Т. М. Ажигова

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

А. С. Гадаборшева¹

*Ингушский государственный университет,
386001, Республика. Ингушетия, г. Магас, просп. И. Зязикова, 7
a_gadaborsheva@mail.ru*

Т. М. Ажигова²

*Ингушский государственный университет,
386001, Республика. Ингушетия, г. Магас, просп. И. Зязикова, 7
Tanzik2008@mail.ru*

НЕУЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются неузальные способы образования прилагательных в современном русском языке на материале романа В. О. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.». Выявлено, что авторское словообразование – не маргинальное отклонение от узуса, а системная стратегия. Она объединяет префиксальную и суффиксальную деривацию, контаминацию, композитные модели и контекстуальную трансформацию смысла. Эти механизмы выполняют прагматические, концептуальные и экспрессивные функции. Они обеспечивают ориентир социокультурных явлений, формируют ироническую линию к трендам и выступают маркерами авторского стиля.

Ключевые слова: словообразование, прилагательные, контаминация, префиксальная деривация, Виктор Пелевин, трансгуманизм, семантическая компрессия, авторское словообразование

На рубеже XX и XXI веков в русском языке заметно активизировались словообразовательные процессы. Это напрямую связано с масштабными социокультурными изменениями: трансформацией государственного устройства, сменой политической и идеологической парадигмы, переходом к новым экономическим

¹ Гадаборшева Аза Салмановна, магистрант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Республика. Ингушетия, г. Магас, Россия.

² Ажигова Танзила Магометовна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», Республика. Ингушетия, г. Магас, Россия.

реалиям. Язык оперативно реагирует на новые явления действительности, что закономерно увеличивает поток неологизмов. Как отмечает Е. А. Земская, эту динамику обуславливает комплекс экстралингвистических факторов. Они определяют не только количественный рост лексики, но и её качественный облик [1, 672].

Особый интерес вызывает проекция этих деривационных тенденций на художественный дискурс, прежде всего на современную русскую поэзию. Здесь язык выступает не только инструментом передачи смысла, но и объектом эксперимента. В этом контексте неузуальные модели словообразования становятся ключевым средством раскрытия креативного потенциала речи. Н. А. Фатеева отмечает, что поэтический текст активизирует скрытые ресурсы языковой системы. Это позволяет авторам сознательно отступать от привычных деривационных шаблонов. Такое нарушение конвенций не размывает языковую норму. Напротив, оно стимулирует креативную функцию языка, органично переплетаясь с его поэтической и эстетической составляющими.

По наблюдению исследовательницы, современные авторы регулярно обращаются к окказионализмам, в которых традиционная словообразовательная структура трансформируется благодаря контаминации основ, различным типам сращений или присоединению аффиксов, нехарактерных для данной лексической базы [7, 23].

Как обоснованно отмечает Т. Б. Радбиль, современная русская языковая картина мира отличается динамичным характером [4, 10]. Это напрямую стимулирует активное образование отглагольных конструкций различного типа. Деривационные эксперименты выходят за рамки простой номинации. Они приобретают четкую прагматическую и стилистическую направленность. Такие механизмы экспрессивно обновляют дискурс, позволяя преодолевать семантическую заезженность узуальных единиц и формировать новые коммуникативные эффекты.

Особый исследовательский интерес вызывают инновационные лексемы, формируемые за счет разрушения привычной линейной структуры слова: речь идет о междусловном наложении, тмезисе, а также о механизмах заместительной деривации. Указанные приемы демонстрируют стремление языкового сознания к компактной упаковке сложных смысловых и эмоциональных коннотаций, где нарушение морфемной членимости или границ слова становится осознанным художественным и коммуникативным жестом. По наблюдениям исследователей, подобные стратегии перестают быть случайными отклонениями и закрепляются в качестве устойчивых

текстообразующих практик, отвечающих на потребность современной коммуникации в большей семантической плотности, образности и эмоциональной маркированности [5, 134].

В рамках деривационных исследований, проводимых Е. А. Земской, контаминация интерпретируется не просто как механическое слияние лексических единиц, а как сложный когнитивно-семантический процесс, при котором два узуальных слова вступают в структурное и смысловое взаимодействие: один из компонентов подвергается усечению, однако его семантический след сохраняется в контекстуальном поле, что создает условия для бинарного, или «двойного», прочтения окказионализма [1, 191].

В художественном пространстве романа В. О. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» категория имени прилагательного выступает не просто как номинативный инструмент, но как активный ресурс текстообразования, позволяющий автору моделировать новые смысловые плоскости и актуализировать ироническую дистанцию по отношению к описываемой реальности. Неузуальные адъективные образования в тексте В. О. Пелевина функционируют в качестве маркеров авторского стиля, демонстрируя продуктивность окказиональной деривации в условиях постмодернистского дискурса.

Одним из наиболее репрезентативных механизмов создания неузуальных прилагательных у В. О. Пелевина выступает префиксальная деривация, при которой автор использует продуктивные аффиксы в нетипичных семантических конфигурациях. Ярким примером служит образование посткарбоновая в контексте «зеленая посткарбоновая цивилизация» [3, 8]. Аналогичный механизм наблюдается в образовании *безубойной*, в словосочетании «шубе из безубойной норки» [3, 10]. Структурная модель *без-* + *убой* + *-н-* + *-ой* формально соответствует узуальным паттернам отрицательной деривации, однако семантическая инновация заключается в окказиональном соединении этического императива (отказ от убийства) с предметной номинацией (норка как материал).

Значительную группу неузуальных прилагательных составляют гибридные формы, возникающие в результате интеграции иноязычных основ с русскими словообразовательными формантами. Примером служит лексема *кастомная* – «дорогая кастомная вещь» [3, 14], образованная от английского *custom* посредством присоединения суффикса *-н-* и флексии *-ая*.

Интересно, как автор создает слово «*фрумерский*». Оно происходит от придуманного им существительного «*фрумер*» (так называется целое поколение) и образуется с помощью суффикса -

ск- и окончания *-ий*. В тексте мы встречаем выражение «обычный фрумерский понт» [3, 14].

Отдельного внимания заслуживают прилагательные с отрицательной приставкой *не-*: автор активно использует их, чтобы усилить эмоциональное звучание. Возьмем, к примеру, слово «нечипованая» (в сочетании «нечипованая лошадь» [3, 10]). Оно построено по простой схеме: приставка *не-* + основа *чип* + суффикс *-ован-* + окончание *-ая*. Суффикс *-ова-* здесь как бы «связывает» исходное слово с прилагательным, делая конструкцию живой и естественной. По смыслу это слово указывает на то, что объект выпал из системы тотального контроля. В мире пелевинской антиутопии это не просто техническая деталь, а важный ценностный маркер: быть «нечипованным» значит сохранять хоть какую-то свободу, пусть и на обочине общества.

Техническая лексика романа активно использует сложные прилагательные, формируемые посредством соединения двух основ. Примером служит *цифроаналоговых* – «цифроаналоговых чипов» [3, 18], образованное контаминацией основ цифровой и аналоговый с сохранением интерфикса *-о-*. Подобные образования выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обеспечивают терминологическую точность, с другой – за счет необычности структуры привлекают внимание к технологической проблематике текста. Ещё более сложную деривационную историю имеет прилагательное *двурежимный* – «двурежимный нейродик» [3, 31], сформированное по модели *два* + *режим* + *-н-* + *-ый*. Ярчайший пример – многократно повторяющееся *баночная/баночный*

Формально прилагательное образовано по продуктивной модели *банка* + *-очн-* + *-ая*, однако в пелевинском дискурсе оно аккумулирует комплекс значений, связанных с технологией сохранения мозга в специальной емкости. Семантическая компрессия позволяет автору использовать одно лексическое средство для номинации разнообразных феноменов: корпорации, миров, институтов, что создает эффект концептуальной связности текста.

Завершает обзор пример контаминации – *эколюция* (в контексте «зеленая революция (иногда говорили «эколюция»)). Проведенный анализ позволяет констатировать, что неузальные способы образования прилагательных в романе В. О. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» представляют собой системно организованную деривационную практику, направленную на решение следующих текстообразующих задач:

- 1) создание концептуального аппарата вымышленного мира;

- 2) актуализация иронической дистанции по отношению к технологическим и социальным трендам;
- 3) обеспечение семантической компрессии сложных идей.

Список источников

1. Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. Москва: Флинта: Наука, 2014. 896 с.
2. Николина Н. А., Основные тенденции словотворчества в русской художественной речи XIX в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 1 (19). С. 85-91.
3. Пелевин В. О. Трансгуманизм Inc. Москва: Эксмо, 2021. 351 с.
4. Радбиль Т. Б., Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. Москва: Флинта, 2022. С. 8-35.
5. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. Москва: Флинта, 2022. С. 134-221.
6. Сабирова А. И., Словообразовательные и выразительные возможности языка современной поэзии // Сибирский филологический форум. 2022. № 4 (21). С. 87-97.
7. Фатеева Н. А., Креативный потенциал языка современной русской поэзии. Берлин: Peter Lang, 2021. 125 с.

REFERENCES

1. Zemskaya E. A. *Language as Activity. Morpheme. Word. Speech.* Moscow: Flinta; Nauka, 2014. 896 p.
2. Nikolina N. A. Main Trends in Word Creation in Russian Literary Discourse of the Nineteenth Century // *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute.* 2019. № 1 (19). Pp. 85–91.
3. Pelevin V. O. *Transhumanism Inc.* Moscow: Eksmo, 2021. 351 p.
4. Radbil T. B. Nationally Determined Models of Linguistic Conceptualization of the World in Russian in Recent Years // *New Trends in the Russian Language of the Early Twenty-First Century*, ed. by L. V. Ratsiburskaya. Moscow: Flinta, 2022, pp. 8–35.
5. Ratsiburskaya L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V. New Trends in Contemporary Media Word Creation // *New Trends in the Russian Language of the Early Twenty-First Century*, ed. by L. V. Ratsiburskaya. Moscow: Flinta, 2022. Pp. 134–221.

6. Sabirova, A. I. Word-Formation and Expressive Resources of the Language of Contemporary Poetry // Siberian Philological Forum. 2022. № 4 (21). Pp. 87–97.

7. Fateeva, N. A. The Creative Potential of the Language of Contemporary Russian Poetry. Berlin: Peter Lang, 2021. 125 p.

UNUSUAL METHODS OF ADJECTIVE FORMATION

Aza S. Gadaborsheva

Master's student, Ingush State University (Magas, Russia)

Tanzila M. Azhigova

Associate Professor at the Department of Russian Language, Candidate of Philological Sciences

Ingush State University (Magas, Russia)

Abstract

This article examines unusual methods of adjective formation in modern Russian, using material from V. O. Pelevin's novel "TRANSHUMANISM INC." It is revealed that the author's word formation is not a marginal deviation from standard usage, but a systematic strategy. It combines prefixal and suffixal derivation, contamination, compound models and contextual transformation of meaning. These mechanisms fulfil pragmatic, conceptual and expressive functions. They provide a reference point for socio-cultural phenomena, form an ironic take on trends, and serve as markers of the author's style.

Keywords: word formation, adjectives, contamination, prefixal derivation, Viktor Pelevin, transhumanism, semantic compression, authorial word formation

Для цитирования: Гадаборшева А. С., Ажигова Т. М. Неузואльные способы образования прилагательных // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 82–87.

Поступила в редакцию 30.05.2025

А. С. Гадаборшева, Т. М. Ажигова

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

А. С. Гадаборшева¹

*Ингушский государственный университет,
386001, Республика. Ингушетия, г. Магас, просп. И. Зязикова, 7
a_gadaborsheva@mail.ru*

Т. М. Ажигова²

*Ингушский государственный университет,
386001, Республика. Ингушетия, г. Магас, просп. И. Зязикова, 7
Tanzik2008@mail.ru*

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются основные способы образования имен прилагательных в современном русском языке в условиях динамического обновления лексической системы. Актуальность работы обусловлена влиянием цифровых коммуникаций, интенсивным языковым взаимодействием и размыванием границ между литературной нормой и узусом. На основе анализа актуального языкового материала установлено, что ведущую роль играет суффиксация, обеспечивающая высокую морфологическую прозрачность и быстрое освоение новых единиц. Особое внимание уделено адаптации заимствованных (преимущественно англицизмов) основ, механизмам возникновения параллельных словообразовательных вариантов и процессу интеграции неологизмов в речевую практику. Выявлено, что русское словообразование функционирует как открытая саморегулирующаяся система, оперативно реагирующая на номинативные запросы без утраты грамматической целостности.

Ключевые слова: прилагательное, словообразование, деривация, суффиксация, заимствования, неологизмы, продуктивность, адаптация, норма, узус, лексикография, морфология, семантика, дискурс,

¹ Гадаборшева Аза Салмановна, магистрант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, Республика. Ингушетия, Россия.

² Ажигова Танзила Магометовна, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, Республика. Ингушетия, Россия.

англицизмы, конверсия, сложение, ассимиляция, системность, саморегуляция

Введение. В современной лингвистике лексическая система языка рассматривается не как статичный набор единиц, а как открытый, постоянно обновляемый механизм, чутко реагирующий на изменения в культуре, технологии и повседневной коммуникации. Особое место в этом процессе занимает словообразование, поскольку именно оно обеспечивает языку способность называть новые реалии и уточнять смыслы без расширения базового словаря. Среди знаменательных частей речи ключевую роль в этой динамике играет имя прилагательное – знаменательная часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета, представляющая это значение в словоизменительных грамматических категориях рода, числа и падежа. Благодаря своей способности точно квалифицировать объекты, явления и абстрактные понятия, прилагательные выступают одним из наиболее семантически гибких и деривационно активных элементов лексики.

Актуальность исследования способов их образования в современном русском языке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, интенсивное взаимодействие с другими языками, развитие цифровых коммуникаций и смена стилистических норм стимулируют появление новых словообразовательных моделей. Во-вторых, границы между литературной нормой и узусом сегодня становятся более проницаемыми: разговорные, профессиональные и интернет-паттерны активно проникают в письменную речь, требуя переосмысления традиционных классификаций.

Как правило, оно запускает естественную деривационную цепочку: вслед за номинативной единицей возникает потребность в средствах её качественной или относительной характеристики, что неизбежно стимулирует образование производных прилагательных. Параллельно с этим в языке постоянно функционирует механизм актуализации потенциальных форм. На базе общеупотребительных слов разных частей речи регулярно возникают адъективные дериваты, которые изначально могут носить окказиональный или ситуативный характер. Однако по мере частотности употребления многие из них переходят в разряд узусных, восполняя так называемые «пустые клетки» словообразовательных гнезд.

Основная часть. В современном русском словообразовании адъективная деривация опирается преимущественно на отыменные модели, где ведущую роль играют суффиксы -н-, -ов/-ев, -ск-/овск-.

Подобная картина не случайна: она полностью подтверждает давнее наблюдение Е. А. Земской относительно устойчивой тенденции к формированию относительных прилагательных, семантика которых сводится к указанию на связь с объектом, названным мотивирующим существительным [3, 73].

Примечательно, что в последние десятилетия вектор словообразовательной активности смещается в сторону иноязычных основ. Новые прилагательные, формирующиеся на базе заимствований, нередко несут яркую разговорную маркированность, что отражает общую демократизацию современной речевой практики и стирание жестких границ между книжной и бытовой нормой. Яркие иллюстрации этому можно найти в повседневной коммуникации: прилагательные, образованные от существительных: *аниме, воцап, Мальдивы, топ, тренд, треш, фениуй, хейтер* – *анимешный, воцапский, мальдивный, топовый, трендовый, трешовый, фениуйный, хейтерский*. Важно отметить, что носители языка четко осознают новизну подобных конструкций, воспринимая их как живые, ситуативно окрашенные единицы, которые ещё находятся на стадии активного освоения и не всегда зафиксированы нормативными словарями.

Особый теоретический интерес представляют случаи, когда деривация затрагивает не полностью ассимилированные английские слова. Модели вроде *лайтовый, крипный или чиповый* демонстрируют механизм языковой адаптации, основанный на аналогии: исходные английские прилагательные *light, creapy, cheap* переосмысляются русским словообразованием как номинальные основы и получают суффикс *-ов* по образцу отсубстантивных производных. В результате возникает лингвистически парадоксальная ситуация: формально такие единицы конструируются по относительной модели, однако по своему значению они функционируют как качественные.

Как справедливо указывают Н. В. Козловская и А. С. Павлова, подобные неологизмы (включая, например, не вошедшее в их выборку слово *олдовый*) относятся к разряду качественных, что существенно расходится с типичными свойствами прилагательного, формирующихся по данной деривационной схеме [4, 123]. Данное явление свидетельствует о высокой адаптивности русской морфологии: язык не просто механически заимствует иностранные формы, а активно перерабатывает их, подчиняя внутренним словообразовательным закономерностям и заполняя смысловые ниши, которые традиционные средства выражения передать не в состоянии.

Процесс интеграции иностранных лексем в отечественную словообразовательную систему выступает одним из наиболее наглядных маркеров глобальной интернационализации русского языка. Заимствования давно перестали быть пассивным резервом: они активно включаются в живые деривационные цепочки, порождая новые прилагательные, которые стремительно проникают в повседневную коммуникацию. В результате в речи фиксируются параллельные формы, сосуществующие без четкой нормативной иерархии: *андроидный / андроидский, вацаповский / вацапский, оверсайзный / оверсайзовый, смурфический / смурфовый, трешевый / трешовый, стриминговый / стримовый, хейтерский / хейтерный, блогерский / блогеровый, коучинговый / коучевый, инфлюенсерский / инфлюенсеровый, геймерский / геймеровый*. Такое варьирование не следует трактовать как речевую ошибку или нарушение нормы; скорее, это естественная адаптационная стадия, когда языковая система ещё не выработала единого деривационного стандарта для конкретной заимствованной модели.

Суффиксальная парадигма закономерно подстраивается под структуру исходного слова, чтобы обеспечить благозвучие, избежать нагромождения согласных и сохранить привычные русскому языку ударно-слоговые ритмы. Чжао Юйцзянь, от существительных с финалью -изм регулярно образуются относительные прилагательные при помощи суффикса -истск-: *аболиционистский, абсентеистский, берчистский, билатералистский, бикамералистский, джингоистский* и др. Аналогичным образом основы на -инг устойчиво тяготеют к суффиксу -ов-, порождая формы вроде *митинговый, коучинговый, стриминговый, шоппинговый, краудфандинговый, политконсалтинговый, онбординговый* [6, 258].

Подобная закономерность свидетельствует о глубокой структурной устойчивости русского словообразования: язык не просто механически присоединяет иностранные элементы, а активно их использует. Таким образом, процесс адаптации заимствований через суффиксальную деривацию демонстрирует не только высокую пластичность языковой системы, но и её способность к внутренней саморегуляции. Внешние лексические импульсы преобразуются во внутренние ресурсы, обогащая выразительные возможности современного русского языка без потери его грамматической целостности и типологической самобытности.

Суффиксальное прилагательное, порожденное от исконной номинальной основы по активно действующей словообразовательной схеме, зачастую не вызывает у носителей ощущения языковой

новизны. Этот психологический эффект объясняется высокой степенью морфологической прозрачности русской деривационной системы: когда реальность требует нового качества, язык автоматически задействует проверенные суффиксальные шаблоны (-н-, -ов-, -ск-, -ев-, -ичн-, -онн- и др.), и результат воспринимается как органичная, «всегда существовавшая» часть лексики. Именно поэтому такие единицы, как *парковочный, зарядочный, ковидный, карантинный, самоизоляцияный, курьерский, подписочный, переработочный, фермерский, каркасный, монолитный, вузовский, лабораторный, раздельный, экологичный, органический, тепличный, высотный, малоэтажный, панельный*, скользят в речи незаметно, несмотря на то, что многие из них закрепились в активном узусе лишь в последние годы. Их новизна маскируется парадигмальной привычностью: говорящий интуитивно соотносит структуру слова с уже освоенными деривационными гнездами, и когнитивная нагрузка на обработку формы оказывается минимальной.

Далеко не все единицы, возникающие в живой речи, получают немедленную лексикографическую фиксацию. Хотя часть рассмотренных выше неологизмов уже вошла в авторитетные справочники, включая «Толковый словарь» Т. Ф. Ефремовой [2], подавляющее большинство новообразований продолжает существовать на периферии нормативной лексики. Аналогичным образом в повседневном обиходе закрепились формы *парковочный, камерный, штрафной, вылетной, встречный, пробочный, тарифный, выделенный, каршеринговый, таксомоторный, бензиновый, электрозарядный, платежный, дорожный, обгонный, ремонтный, эвакуаторный*, многие из которых до сих пор отсутствуют в академических словарях либо даны в них с пометами, не отражающими реальной частотности и стилистической устойчивости.

Таким образом, суффиксальные прилагательные от исконных основ демонстрируют высокую адаптивность языковой системы: они возникают по продуктивным моделям, мгновенно осваиваются коммуникативной средой и лишь спустя время получают официальное словарное признание. Парадоксальным образом, чем успешнее дериват встраивается в парадигматические ряды, тем менее заметной становится его новизна для носителей.

Проведенное исследование подтверждает, что современный способ образования прилагательных в русском языке представляет собой высокопродуктивный и гибкий механизм, в котором суффиксальные модели остаются основным инструментом номинации, а активное вовлечение заимствованных основ демонстрирует

способность морфологической системы к быстрой адаптации без потери структурной предсказуемости. Выявленные тенденции – от возникновения параллельных словообразовательных вариантов и опережающего развития живой речи по отношению к лексикографической фиксации до стирания стилистических границ между книжной и разговорной нормой – свидетельствуют о функционировании русского словообразования как живой саморегулирующейся системы, эффективно удовлетворяющей коммуникативные запросы современного общества. Таким образом, анализ способов образования прилагательных не только фиксирует текущее состояние языковой динамики, но и позволяет прогнозировать дальнейшее развитие лексико-грамматического строя русского языка в условиях глобальной цифровизации и межкультурного взаимодействия.

Список источников

1. Алексеева, Е. В. Новообразования-прилагательные: морфологический способ // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 57. С. 4–6.
2. Ефремова, Т. Ф. Самый полный современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Москва: АСТ, 2015.
3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. Москва: КомКнига, 2005. 224 с.
4. Козловская, Н. В., Павлова, А. С. Неологизмы-прилагательные с иноязычными основами в современном русском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. 2020. № 6. С. 117–129.
5. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1980. 783 с.
6. Чжао, Юйцян. Словообразовательный потенциал англицизмов в политической

REFERENCES

1. Alekseeva, E. V. Adjectival neologisms: the morphological method // Bulletin of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. 2010. No. 57. Pp. 4–6. (In Russ.).
2. Efremova, T. F. The Most Complete Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 3 vol. Moscow: AST, 2015.
3. Zenskaya, E. A. Word Formation as Activity. Moscow: KomKniga, 2005. 224 p. (In Russ.).
4. Kozlovskaya, N. V., Pavlova, A. S. Adjectival neologisms with foreign-language stems in modern Russian // Bulletin of Cherepovets State University. Series: Philological Sciences. 2020. № 6. Pp. 117–129. (In Russ.).
5. Russian Grammar: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (In Russ.).

6. Zhao, Yuqian. Word-formation potential of Anglicisms in political vocabulary // *Neophilology*. 2022. Vol. 8, No. 2. P. 254–260. (In Russ.).

METHODS OF ADJECTIVE FORMATION IN MODERN RUSSIAN

Aza S. Gadaborsheva

Master's student, Ingush State University (Magas, Russia)

Tanzila M. Azhigova

Associate Professor at the Department of Russian Language,

Candidate of Philological Sciences

Ingush State University (Magas, Russia)

Abstract

This article examines the main methods of adjective formation in modern Russian against the backdrop of the dynamic renewal of the lexical system. The relevance of this work stems from the influence of digital communications, intensive linguistic interaction and the blurring of boundaries between the literary norm and usage. Based on an analysis of contemporary linguistic data, it has been established that suffixation plays a leading role, ensuring high morphological transparency and the rapid acquisition of new lexical items. Particular attention is paid to the adaptation of borrowed (predominantly Anglicisms) bases, the mechanisms underlying the emergence of parallel word-formation variants, and the process of integrating neologisms into speech practice. It has been revealed that Russian word formation functions as an open, self-regulating system that responds promptly to naming demands without losing grammatical integrity.

Keywords: adjective, word formation, derivation, suffixation, borrowings, neologisms, productivity, adaptation, norm, usage, lexicography, morphology, semantics, discourse, Anglicisms, conversion, compounding, assimilation, systematicity, self-regulation

Для цитирования: Гадаборшева А. С., Ажигова Т. М. Способы образования прилагательных в современном русском языке // *Libri Magistri*. 2026. № 3 (37). С. 88–94.

Поступила в редакцию 27 мая 2026

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ

УДК 81.373, 811.161.1'276.5
ББК 81.411.2-55

О. И. Алексеева¹

ORCID: 0009-0006-1559-7446

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
olgadusoleil@yandex.ru*

С. В. Рудакова²

ORCID: 0000-0001-8378-061X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
rudakovamasu@mail.ru*

ТЕЛЕСНОСТЬ VS ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ М. БАТЫРЕВА И С. КОВИ)

Концептуальная метафора выступает не просто художественным украшением делового дискурса, это когнитивный инструмент, формирующий языковую картину мира профессионального сообщества. В рамках компаративного анализа деловой прозы выявляется устойчивая дихотомия: русскоязычный бизнес-нарратив тяготеет к соматической и экзистенциальной образности, тогда как англо-американская традиция опирается на технократический и утилитарный метафорический аппарат. Целью данного исследования является выявление национальной специфики

¹ Алексеева Ольга Игоревна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

метафорического моделирования через сопоставление концептуальных метафор в бестселлерах российского автора М. Батырева «45 тагуировок личности. Правила моей жизни» и американского автора С. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности». Материалом послужили 60 метафорических единиц, извлеченных методом сплошной выборки. В работе применяются методы когнитивного метафорического анализа, компонентный анализ и сравнительно-сопоставительный метод. Показано, что в русской деловой прозе легитимация знания и лидерства происходит через соматическую экзистенциальность: истина должна быть физически выстрадана и интегрирована в телесный опыт. В англо-американской традиции доминирует технократический утилитаризм: человек и его отношения концептуализируются как оптимизируемая система, где знание есть алгоритм, а кризис – устранимый сбой. Результаты исследования демонстрируют, как через метафорическое моделирование конструируются принципиально разные модели успеха, управления и межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: концептуальная метафора, деловой дискурс, соматический код, технологический код, языковая картина мира, М. Батырев, С. Кови, когнитивная лингвистика

Введение

Исследование национальной специфики метафорического моделирования в деловой прозе связано с тремя фундаментальными направлениями современной лингвистики: когнитивной теорией метафоры, лингвокультурологией и дискурсивным анализом.

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только как средство художественной выразительности, но как когнитивный механизм мышления, структурирующий восприятие и оценку абстрактных понятий, в том числе в сфере бизнеса и управления. Исследование метафорических моделей в деловой прозе дает возможность выявить культурные коды, ценностные ориентиры и национальные особенности деловой коммуникации.

Деловой дискурс, будучи инструментом трансляции корпоративной культуры и управленческих парадигм, активно использует метафорическое моделирование для осмысления и усвоения сложных абстрактных концептов. Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10; 17], метафора представляет собой не просто риторический прием,

а фундаментальный механизм человеческого мышления, посредством которого человек осмысливает абстрактные понятия через конкретный чувственный опыт. Как подчеркивают исследователи, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [10, 25]. Именно через этот механизм одна концептуальная сфера (источник) структурирует другую (цель), позволяя нам концептуализировать «то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко» [10, 96]. В контексте деловой прозы это объясняет, почему абстрактные управленческие процессы неизбежно проецируются либо на телесный опыт, либо на механистические модели. Работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона [10] важна для анализа деловой прозы, для которой характерно использование таких абстрактных понятий, как «управление», «стратегия», «конкуренция», получающих когнитивную конкретизацию через метафорическое проецирование их на более конкретные сферы.

Для понимания процесса метафоризации значима и работа «Теория метафоры» [14], в которой были представлены исследования ведущих лингвистов, заложивших методологические основы для изучения метафоры как междисциплинарного феномена, в который, в частности, был сделан выход на анализ прагматического и культурного изучения метафоры, создающего предпосылки выявления национально специфических особенностей метафоорообразования.

Показателен и фундаментальный труд В. П. Москвина «Русская метафора: Опыт семиотического описания» [11], в котором метафора рассматривается с позиции семиотики. Для исследования деловой прозы эта работа значима по нескольким причинам. Во-первых, концепция Москвина дает основания рассматривать метафорические модели как знаковые системы, функционирующие в рамках определенного культурного кода. Во-вторых, Москвин классифицирует метафоры, что позволяет разграничивать конвенциональные и авторские метафоры. В-третьих, в монографии представлен богатый фактический материал по русской метафорике, что может служить фоном в сопоставительном анализе выбранных двух книг деловой прозы.

В работах магнитогорских филологов [1; 12; 13; 18] метафора рассматривается как инструмент контекстуализации языковой картины мира, как базовый оператор, структурирующий восприятие и осмысление действительности носителями языка. Метафорические модели, по мнению этих ученых, позволяют аккумулировать

коллективный опыт, фиксируя как универсальные когнитивные механизмы, так и специфические культурные предпочтения. При исследовании деловой прозы учитьвание этого подхода позволяет выявить то, как русская и англо-американская управленческие системы по-разному концептуализируют ключевые бизнес-категории через метафорическое моделирование.

Понятие «метафорическое моделирование» в современной лингвистике рассматривается как [5; 8; 13; 19] системное концептуальное проецирование признаков исходной сложной абстрактной сферы на другую конкретную понятную область, в результате чего рождается институализированная интерпретация.

При этом кросс-культурный анализ выявляет устойчивые национальные специфики в выборе метафорических источников, что отражает глубинные культурные коды и ценности профессиональных сообществ. Как отмечает А. Вежибцкая, языковые единицы не являются нейтральными оболочками: они «отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества <...> и <...> представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры» [6, 17]. Показательно утверждение о том, что базовые для бизнеса концепты не являются универсальными: «Метафоры *ТРУД – ЭТО РЕСУРС* и *ВРЕМЯ – ЭТО РЕСУРС* ни в коем случае не универсальны. Они возникли в культуре как естественное следствие нашего восприятия труда, нашего пристрастия к счету и нашей одержимости целесообразностью» [10, 102].

Современная деловая литература представляет собой уникальный материал для компаративного исследования, поскольку она не только транслирует управленческие знания, но и формирует определенные модели поведения, легитимируя их через метафорические образы.

В этом контексте особую репрезентативность приобретают бестселлеры М. Батырева [3; 4] и С. Кови [9; 15], каждый из которых отражает национальную традицию бизнес-мышления. Если С. Кови, представляющий англо-американскую школу менеджмента, предлагает читателю стать «программистом» [9, 146] собственной жизни, где доверие измеряется балансом «эмоционального банковского счета» [9, 208], то М. Батырев, работающий в русскоязычном дискурсе, апеллирует к «внутреннему стержню» [3, 12] и знаниям, которые «набиты на сердце» [3, 136].

Целью данной статьи является выявление и интерпретация национальной специфики метафорического моделирования в деловом

дискурсе через сопоставление концептуальных метафор в текстах М. Батырева и С. Кови. Выбор данного материала неслучаен: в этих двух культовых книгах российского и американского авторов, представляющих деловой мир, описаны различные способы концептуализации управленческой и бизнес деятельности в различных культурно-языковых традициях. Это позволяет не только рассмотреть две управленческие и ментальные традиции, но и выявить когнитивные культурно обусловленные предпочтения в метафоробразовании. В качестве рабочей гипотезы выдвигается утверждение о том, что в русскоязычной деловой прозе доминирует соматический код, тогда как англо-американская традиция опирается на технологический код. Материалом исследования послужили 60 метафорических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из текстов М. Батырева (35 единиц) и С. Кови (25 единиц). В работе применяются методы когнитивного метафорического анализа, компонентный анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Соматический код в русскоязычной деловой прозе

Анализ метафорического аппарата в текстах М. Батырева демонстрирует доминирование соматического кода, через который концептуализируются ключевые категории бизнес-дискурса: знание, лидерство и эмоциональный ресурс. В данной парадигме абстрактные управленческие понятия проецируются на физическое тело, что отражает глубинную установку на экзистенциальную легитимацию опыта.

Наиболее репрезентативной и структурообразующей в тексте является сквозная соматическая метафора татуировки, восходящая к управленческому контексту первой книги автора «45 татуировок менеджера». Именно здесь автор впервые формулирует ключевой механизм кодирования профессионального опыта: «Я называю принципы татуировками, так как они навсегда впечатывались в меня после разных событий, происходивших в жизни. От удара в челюсть до водопада женских слез. Это мои грабли, это мои шишки, это мои татуировки» [4, 14]. Ключевая метафора, лежащая в основе книги, являет собой яркий пример культурно специфического метафорического моделирования. В содержательном плане нужно учитывать, что в русском культурном контексте татуировка ассоциируется не только с модным украшением она может быть связана с необратимостью выбора (это на всю жизнь), с указанием на принадлежность к определенной социальной группе (только «свои» могут понять ее истинный смысл), с болезненностью её появления

(тату набивается через боль и кровь), с ответственностью за принятое решение.

В книге «45 татуировок личности» автор выстраивает четкую топографию этих татуировок, варьируя их локализацию от глубинных, экзистенциальных структур («татуировка на внутренней стороне сердца» [3, 22]; «татуировка эта была набита на моем сердце» [3, 136]; «татуировка проявилась у меня на сердце» [3, 173]) до видимых внешних покровов и конкретных частей тела («нанесла мне татуировку прямо на пузо» [3, 62]; «на моей коже появились слова» [3, 87]; «нанес мне на запястье татуировку» [3, 163]; «...надпись отпечаталась на моей спине татуировкой, и теперь она всегда со мной» [3, 288]; «вывел себе на руке еще одну татуировку» [3, 294]).

Особый лингвистический интерес представляет глагольная парадигма, описывающая процесс приобретения этих принципов. Батырев последовательно избегает технологичных или абстрактных глаголов ментальной деятельности (таких как «осознал», «запомнил») или «сохранил в памяти»), заменяя их на лексемы, обозначающие физическое, зачастую травматичное воздействие: отпечаталась, нанесла, набита, проявилась, образовалась. Подобная лексика маркирует управленческий принцип не как абстрактную информационную единицу, а как органическую часть физической плоти лидера, приобретающую свойства шрама или родимого пятна. Таким образом, метафора татуировки актуализирует темы необратимости, телесного усилия и глубокой интеграции внешнего опыта в соматическую матрицу личности, что составляет яркую смысловую оппозицию механистическим или цифровым моделям усвоения знаний. То есть в книге Батырева ключевая метафора наделяется особыми смыслами: каждая «татуировка» – это выстраданный управленческий опыт, это правило, принцип, «въевшийся под кожу», это невозможно забыть, игнорировать, отменить. Особую значимость имеет и тот факт, что сам автор книги – авторитетный управленец, прошедший путь от специалиста до топ-менеджера, это придает метафоре аутентичность. Подобная метафорическая модель, работающая на эмоциональное вовлечение и запоминание, характерна для русского делового дискурса [20].

Концепт лидерства в анализируемом корпусе текстов подвергается выраженной соматизации: абстрактные управленческие компетенции переосмысливаются через призму физической анатомии и телесной пластики. Авторитет руководителя базируется на его моральной и физической устойчивости, что выражается в метафорах «прочного внутреннего стержня» и уподобления лидера «атлантам»,

несущим на себе тяжесть ответственности [3, 12]. Самообладание при этом моделируется как акт прямого физического контроля: способность «держат себя в руках» [3, 178] в критических ситуациях и прямая корреляция между опрятностью и телесной выправкой, когда «расправляются плечи, втягивается живот, поднимается подбородок» [3, 208]. Таким образом, внутренний психологический и управленческий статус напрямую верифицируется через внешнюю телесную экспрессию.

В отличие от механистических моделей, коммуникация и эмпатия у Батырева описываются как интимный обмен частями тела. Фраза «Отрываете от себя куски сердца и отдаете аудитории» [3, 109] гиперболизирует идею эмоциональной отдачи, возводя её в ранг физического самопожертвования.

Подобная риторика не случайна: она отражает глубинную установку русской коммуникативной культуры, которая, по наблюдению А. Вежбицкой, предполагает, что «когда русские до конца открывают душу, они ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе...» [6, 103]. А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев также отмечают важность эмоциональной общности с другими людьми: «Отсюда потребность «излить душу», поделиться с другим человеком своими переживаниями, «поговорить по душам» [7, 43].

Таким образом, подлинная мотивация и доверие в российском бизнес-дискурсе несовместимы с холодным расчетом и всегда маркируются через телесное, горячее и экзистенциально выстраданное переживание.

Технологический код в англо-американской деловой прозе

Анализ метафорического аппарата в текстах С. Кови выявляет доминирование технологического и утилитарного кода, через который концептуализируются базовые категории бизнес-дискурса: знание, лидерство, эмоциональный ресурс и межличностные отношения. Важно отметить, что подобный выбор метафорических источников не является случайным авторским приемом, а отражает глубинные концептуальные структуры западной, в особенности американской культуры. В данной парадигме абстрактные управленческие понятия проецируются не на физическое тело, а на технические системы, финансовые модели и алгоритмические процессы, что отражает установку на инструментальную рациональность и оптимизацию.

Наиболее репрезентативной является метафора «программного кода»: «Мы существуем среди множества сценариев, полученных извне, процесс написания собственного сценария в действительности является процессом «переписывания сценария» <...> Мы можем проактивно приступить к переписыванию себя заново» [9, 120], «Навык 1 гласит: “Вы программист”; навык 2 диктует: “Напишите программу”» [9, 146]. Данная установка на «перепрограммирование» личности вырастает из фундаментальной для англо-американского менталитета метафоры THE MIND AS A MACHINE («Разум – это машина») в типологии Лакоффа и Джонсона [17, 219], в которой мышление понимается как автоматизированная пошаговая сборка идей. Именно поэтому знание у Кови не «выжигается на коже», как у Батырева, а «внедряется» как код, который можно модифицировать, отладить и оптимизировать. Жизненная траектория концептуализируется как «пользовательский интерфейс» [9, 8] или «карта местности» [9, 39], где субъективное восприятие уподобляется навигационной схеме, подлежащей технической коррекции.

Концепт лидерства в анализируемом корпусе текстов лишается абстрактных управленческих коннотаций и переосмысливается через инженерную и операторскую компетенцию. Авторитет лидера базируется не на природном авторитете, а на способности управлять системами: «Вы – программист» [9, 146], «инструмент своей собственной деятельности» [9, 321].

Самообладание моделируется не как акт физического контроля, а как регулярное техническое обслуживание производственного актива: «затачивайте пилу» (*Sharpen the Saw*), где человек определяется как «инструмент» (*tool / asset*) [9, 321; 15, 186]. Таким образом, внутренний психологический статус верифицируется через функциональную эффективность, а не через телесную экспрессию.

В отличие от соматической модели Батырева, эмоциональный ресурс и межличностные отношения у Кови описываются через призму строгого финансово-механистического учета. Фраза «Эмоциональный банковский счет» (*Emotional bank account*) формализует интимную сферу чувств как транзакционную систему с операциями «вклада» (*deposit*) и «снятия» (*withdrawal*) [9, 208; 15, 115]. Подобная редукция эмпатии до задачи повышения КПД опирается на глубокую онтологическую метафору западной морали, которую Лакофф и Джонсон описывают как концептуальное слияние WELL-BEING IS WEALTH («Благополучие – это богатство») и MORAL ACCOUNTING («Моральный учет») [17, 261]. В рамках этой системы благополучие

концептуализируется как богатство. Увеличение благополучия понимается как прибыль, а уменьшение – как убыток или издержки. Таким образом, даже базовые потребности (например, «дает человеку «психологический кислород» [9, 268]) и восстановление сил («зарядить «батарей» [9, 78]) рассматриваются не как спонтанные биологические процессы, а как оптимизация ресурсной базы, подлежащей постоянному аудиту.

Подобная редукция межличностных связей до уровня транзакций и технического обслуживания подтверждается социолингвистическими исследованиями: как отмечает А. Вежбицкая, обобщая западные модели, «в ситуации, когда иностранец обратился бы к другу за помощью, поддержкой или утешением, американец будет склонен искать профессионала, предпочитая не причинять своим друзьям неудобств» [6, 102]. В этой парадигме кризис воспринимается не как экзистенциальная травма, а как техническая неисправность, требующая не сочувствия, а настройки или обслуживания.

Коммуникация и межличностные отношения концептуализируются как оптимизируемая техническая система. Фраза о минимизации «трения в механизме человеческого взаимодействия» [9, 35] редуцирует эмпатию до задачи повышения эффективности. Установка «выиграл–выиграл» [9, 225] ищет решение как оптимальный алгоритм, исключая потери, что сближает конфликтологию с математическим моделированием.

Таким образом, технологический код в текстах С. Кови формирует модель успеха, в которой человек уподобляется «инструменту» [9, 321], требующему регулярного технического обслуживания, а его отношения – «финансовой системе» [9, 255], подлежащей аудиту. Данная парадигма отражает глубинную установку англо-американской культуры на инструментальную рациональность, где кризис воспринимается не как физическая боль, а как техническая неисправность, требующая настройки или обслуживания.

Сравнительный анализ: соматическая экзистенциальность vs технократический утилитаризм

Сравнительный анализ метафорических моделей, репрезентированных в текстах М. Батырева и С. Кови, позволяет выявить фундаментальную дихотомию в концептуализации бизнес-реальности: оппозицию «соматическая экзистенциальность – технократический утилитаризм». Данная оппозиция последовательно прослеживается во всех выделенных нами пяти категорий метафорического моделирования.

Эпистемология М. Батырева демонстрирует принципиальный отказ от технологичных или механистических моделей усвоения информации (таких как «загрузка данных» или «запоминание») в пользу соматической парадигмы. В этом дискурсе истина легитимируется исключительно через телесное проживание и физиологический отклик. Автор последовательно использует лексику необратимого физического воздействия: принципы «проявляются на сердце» [3, 173], а тексты способны «как будто прострелить» [3, 248], оставляя «надпись, отпечатавшуюся на спине татуировкой» [3, 288]. Знание, не прошедшее через эту стадию телесной интеграции, не становится «органической частью физической плоти» лидера и потому признается невалидным, превращаясь в пустое намерение, которое «равно ничего» [3, 288].

В англо-американской парадигме (С. Кови) познание десакрализуется и уподобляется работе с «программным кодом» или «картой местности». Кризис здесь не является экзистенциальной травмой; это «сбой системы» или «дисбаланс Р/РС», требующий не глубокого переосмысления, а технического

Концептуализация лидерства и субъектности также демонстрирует соматическую направленность. У Батырева авторитет лидера онтологически привязан к физической анатомии и осанке: когда человек «каждое утро чист телом и в свежей одежде», у него «расправляются плечи, втягивается живот, поднимается подбородок» [3, 208]. Лидер концептуализируется как носитель физической и моральной статики, чья внутренняя сила верифицируется через внешнюю телесную экспрессию и способность «держат себя в руках» [3, 178] даже в критических ситуациях. Гигиена и опрятность становятся не просто эстетическими категориями, а маркерами управленческой компетентности: «когда вы каждое утро чисты телом и в свежей одежде, вы чувствуете себя принципиально лучше... вы даже лучше ведете переговоры» [3, 208]. Таким образом, телесная дисциплина трансформируется в инструмент лидерского влияния.

У Кови субъект выступает в роли «программиста», а сам человек определяется как «инструмент собственной деятельности». Управление собой и другими здесь сводится к компетенции оператора, настраивающего параметры системы («смещение точки опоры», «делегирование исполнения»), а не к демонстрации телесной стойкости.

Наиболее показательно расхождение проявляется в моделировании межличностных отношений и эмоционального

ресурса. В анализируемом корпусе коммуникация и эмпатия описываются через гипертрофированные висцеральные образы самопожертвования: автор утверждает, что спикер должен «отрывать от себя куски сердца и отдавать аудитории» [3, 109]. Интуиция и усвоение смыслов моделируются не как когнитивные, а как физические реакции: текст способен «как будто прострелить» [3, 248], а внутренний принцип начинает физиологически «зудеть» на участке кожи в моменты соблазна [3, 53].

Эмоциональный ресурс и выгорание концептуализируются через гидравлическую и биологическую метафорику. Энергия не абстрактна, она заполняет «внутренний бассейн» человека, а стресс описывается как дисбаланс «труб», по которым эта энергия втекает и вытекает [3, 109]. Даже негативные эмоции (гнев) лишаются психологической абстракции и сводятся к чистой физиологии: «кровь приливает к мозгу, руки потеют, дыхание учащается» [3, 177]. Таким образом, доверие, интуиция и эмоциональный баланс верифицируются исключительно через телесные и биологические маркеры.

Напротив, С. Кови внедряет в сферу чувств строгую финансово-механистическую логику. Метафора «эмоционального банковского счета» с его «вкладами» и «снятиями» формализует эмпатию как транзакционную систему, подлежащую постоянному аудиту. Даже восстановление сил («зарядить батареи») и тайм-менеджмент («матрица времени», «квадранты») рассматриваются как оптимизация ресурсной базы, а не как спонтанное эмоциональное состояние.

Данное противоречие коренится в глубинных национальных установках: если англо-американская модель ориентирована на утилитарную целесообразность, то русская лингвокультура, как отмечают А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, опирается на идею «непосредственности», которая «предполагает, что человек действует сообразно своим сиюминутным желаниям и импульсам, не думая о прагматических последствиях, не соотнося свои действия с какими-то утилитарными целями» [7, 27]. Именно поэтому интуиция тела Батырева категорически отвергает оптимизацию алгоритмов Кови.

Следует учесть и тот момент, что книга Батырева строится как эмпирический бестселлер: управленческие правила подтверждаются примерами из рабочего, в том числе личного, опыта, теория и практика нераздельны. Труд С. Кови имеет характер абстрактно философско-психологической системы, в которой метафора иллюстрирует глобальные принципы, но при этом не связана с ситуацией «проживания» опыта.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу. Метафорическое моделирование у М. Батырева конструирует образ бизнеса как поля экзистенциальных испытаний, где успех измеряется глубиной телесной интеграции опыта. Модель С. Кови, напротив, описывает бизнес как управляемую техногенную среду, где человек, его эмоции и отношения подлежат рационализации, измерению и постоянной оптимизации ради достижения максимальной функциональной эффективности.

Заключение

Проведенное компаративное исследование метафорического моделирования в деловой прозе М. Батырева и С. Кови позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о фундаментальной дихотомии «соматическая экзистенциальность – технократический утилитаризм» в концептуализации бизнес-реальности.

Установлено, что русскоязычный бизнес-дискурс (М. Батырев) конструирует модель успеха, в которой знание, лидерство и межличностные отношения легитимируются исключительно через телесный опыт. Метафоры «татуировки на сердце», «крепкого хребта» и «отрывания кусков сердца» актуализируют культурную установку на то, что подлинная истина и авторитет должны быть физически выстраданы и необратимо интегрированы в плоть. В этой парадигме бизнес воспринимается как поле экзистенциальных испытаний, где кризис переживается как физиологическая травма или отторжение, а энергия лидера имеет стихийный характер, лидер уподобляется воину, волевому, мужественному.

В противоположность этому, англо-американская деловая проза (С. Кови) предлагает технократическую парадигму, в которой человек и его социальные связи концептуализируются как оптимизируемые системы. Метафоры «программного кода», «эмоционального банковского счета» и «матрицы времени» десакрализируют эмоциональную и межличностную сферы, сводя их к транзакционным операциям и техническим параметрам, подлежащим постоянному аудиту, настройке и повышению КПД. Метафоры Кови более адаптивны, «инструментальны», связаны с системным мышлением, не имеют ничего общего с образом «воина бизнеса». Успех в данной метафорической модели измеряется не глубиной экзистенциального переживания, а функциональной эффективностью и отсутствием «сбоев» в системе.

«Выявленная специфика отражает глубинные национальные культурные коды. Традиционная для русской культуры

онтологическая связь истины, опыта и телесного страдания резко контрастирует с характерной для западной прагматической традиции ориентацией на инструментальную рациональность. Как справедливо отмечают А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев, «в русской лингвокультуре отсутствует «культ труда», характерный для западной (протестантской) этики», а сам труд часто воспринимается как нечто «принудительное, тяжелое, отнимающее силы» [7, 116–117]. Именно поэтому технократические метафоры С. Кови («оптимизация», «ресурс», «КПД») в русскоязычном дискурсе М. Батырева замещаются экзистенциальными метафорами преодоления и телесного проживания».

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе процессов адаптации и трансформации технологических метафор при переводе западной деловой литературы на русский язык (переводческая адаптация концептуальных метафор), а также в изучении эволюции метафорического аппарата делового дискурса в условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта, которые могут размывать или, напротив, усиливать описанные дихотомии.

Список источников

1. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Метафора движения в профессиональной коммуникации (на материале проектной сессии предприятия х) // Современные достижения университетских научных школ : Сборник докладов национальной научной школы-конференции, Магнитогорск, 26–27 декабря 2019 года. Вып. 4. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. С. 207-210. EDN UWAVWA.
2. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5-12.
3. Батырев М. В. 45 татуировок личности: Правила моей жизни. 1-е изд. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.
4. Батырев М. В. 45 татуировок менеджера: Правила российского руководителя. 3-е изд. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 304 с.
5. Березуцкая Д. О., Федотова А. М., Дорофеева Д. А., Янковская В. О. Метафорическое моделирование политической реальности в современном англоязычном медиадискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 2 (164).

С. 1-8. URL: <https://research-journal.org/media/articles/23139.pdf> (дата обращения: 17.04.2026).

6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

7. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

8. Зарипов Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 175-183.

9. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности. 11-е изд., доп. Москва: Альпина Паблишер, 2016. 396 с.

10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранов. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

11. Москвин В. П. Русская метафора: Опыт семиотического описания. 5-е изд. Москва: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

12. Песина С. А., Юсупова Л. Г. Градация метафор в зависимости от образности и уровня вовлечения // Политическая лингвистика. 2025. № 3(111). С. 41-49. EDN RHQJKV.

13. Песина С. А., Зимарева О. Л., Козлова К. А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45-50. EDN MZTSYF.

14. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. 512 с.

15. Covey S. R. The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change. 15-е изд. New York: Simon & Schuster, 2004. 432 p.

16. Deberdeeva E.E., Voychenko V.M. Metaphor as a means of language world picture organizing in the English and Russian linguocultures // Russian Linguistic Bulletin. 2017. № 2 (10). Pp. 3-5.

17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 647 p.

18. Pesina S. A. Linguo-cognitive aspects of manipulation in political discourse / S. A. Pesina, T. E. Abramzon, S. V. Rudakova [et

al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6, No. Extra-C. Pp. 330-337. EDN YKRXDA.

19. Trim R. Culture-specific Conceptualisation // Metaphor Networks. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 49-62.

20. Wang H., Runtsova T., Chen H. Economy is an organism – a comparative study of metaphor in English and Russian economic discourse // Text & Talk. 2013. Vol. 30. Iss.2. Pp. 259–288.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. & Rudakova S. V. (2019). Metaphor of movement in professional communication: A case study of a project session at enterprises // Contemporary Achievements of University Scientific Schools: Proceedings of the National Scientific School-Conference, Magnitogorsk, December 26–27. 2019. Issue 4. Pp. 207–210. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University. EDN UWAVWA. (In Russ.).

2. Antonova T. G. Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: Spatial metaphors // Tomsk State University Journal. 2015. № 401. Pp. 5–12. (In Russ.).

3. Batyrev M. V. 45 Tattoos of Personality: The Rules of My Life (1st ed.). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 320 p. (In Russ.).

4. Batyrev M. V. 45 Tattoos of a Manager: The Rules of a Russian Executive (3rd ed.). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 304 p. (In Russ.).

5. Berezutskaya D. O., Fedotova A. M., Dorofeeva D. A. & Yankovskaya, V. O. Metaphorical modelling of political reality in contemporary English-language media discourse // International Research Journal. 2026. №2(164). Pp. 1–8. URL: <https://research-journal.org/media/articles/23139.pdf> (accessed 17.04.2026). (In Russ.).

6. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words / Translated from English by A. D. Shmelev. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 288 p. (Language. Semiotics. Culture. Minor Series). (In Russ.).

7. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., & Shmelev A. D. Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview: A Collection of Articles. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 544 p. (Language. Semiotics. Culture). (In Russ.).

8. Zaripov R. I. Cognitive and metaphorical modelling in media discourse. Political Linguistics. 2024. № 4(106). Pp. 175–183. (In Russ.).

9. Covey S. R. The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change (11th enlarged ed.). Moscow: Alpina Publisher, 2016. 396 p. (In Russ.).

10. Lakoff G., & Johnson M. *Metaphors We Live By* / Translated from English by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.).
11. Moskvina V. P. *Russian Metaphor: An Attempt at a Semiotic Description* (5th ed.). Moscow: LENAND, 2019. 352 p. (In Russ.).
12. Pesina, S. A., & Yusupova, L. G. Gradation of metaphors depending on imagery and the level of involvement // *Political Linguistics*. 2025. № 3(111), 41–49. EDN PHQJKV. (In Russ.).
13. Pesina, S. A., Zimareva, O. L., & Kozlova, K. A. Metaphor as a model of cognition and conventionalisation of meaning // *Humanitarian and Pedagogical Research*. 2021. № 5(1). Pp. 45–50. EDN MZTSYF. (In Russ.).
14. Arutyunova, N. D., & Zhurinskaya, M. A. (Eds.). *Theory of Metaphor: A Collection of Works* / Translated from English, French, German, Spanish, and Polish; introductory article and compilation by N. D. Arutyunova; general editing by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow: Progress, 1990. 512 p. (In Russ.).
15. Covey S. R. *The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change*. 15-е изд. New York: Simon & Schuster, 2004. 432 p. (In Eng.).
16. Deberdeeva E.E., Voychenko V.M. Metaphor as a means of language world picture organizing in the English and Russian linguocultures // *Russian Linguistic Bulletin*. 2017. № 2 (10). Pp. 3-5.
17. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999. 647 p. (In Eng.).
18. Pesina S. A. Linguo-cognitive aspects of manipulation in political discourse / S. A. Pesina, T. E. Abramzon, S. V. Rudakova [et al.] // *Laplace em Revista*. 2020. Vol. 6, No. Extra-C. Pp. 330-337. EDN YKRXDA. (In Eng.).
19. Trim R. *Culture-specific Conceptualisation* // *Metaphor Networks*. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 49-62. (In Eng.).
20. Wang H., Runtsova T., Chen H. Economy is an organism – a comparative study of metaphor in English and Russian economic discourse // *Text & Talk*. 2013. Vol. 30. Iss.2. Pp. 259–288. (In Eng.).

**EMBODIMENT VS TECHNOLOGICALITY: NATIONAL
SPECIFICITY OF METAPHORICAL MODELLING IN BUSINESS
PROSE: A STUDY OF BOOKS BY M. BATYREV AND S. COVEY**

Olga I. Alekseeva

Master's student

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Conceptual metaphor functions not merely as an artistic ornament of business discourse but as a cognitive instrument shaping the linguistic worldview of a professional community. A comparative analysis of business prose demonstrates a stable dichotomy: the Russian-language business narrative tends toward somatic and existential imagery, whereas the Anglo-American tradition relies on a technocratic and utilitarian metaphorical apparatus. The aim of the present study is to identify the national specificity of metaphorical modelling by comparing conceptual metaphors in the bestsellers by the Russian author M. Batyrev “*45 Tattoos of Personality: The Rules of My Life*” and the American author S. Covey “*The 7 Habits of Highly Effective People: Powerful Lessons in Personal Change*”. The material comprises 60 metaphorical units extracted by means of continuous sampling. The study employs methods of cognitive metaphor analysis, componential analysis, and the comparative-contrastive method. It is shown that, in Russian business prose, the legitimisation of knowledge and leadership takes place through somatic existentiality: truth must be physically suffered through and integrated into bodily experience. In the Anglo-American tradition, technocratic utilitarianism predominates: the individual and interpersonal relations are conceptualised as an optimisable system in which knowledge is an algorithm and crisis is a remediable malfunction. The findings demonstrate how metaphorical modelling constructs fundamentally different models of success, management, and interpersonal interaction.

Keywords: conceptual metaphor, business discourse, somatic code, technological code, linguistic worldview, M. Batyrev, S. Covey, cognitive linguistics

Для цитирования: Алексеева О. И., Рудакова С. В. Телесность vs технологичность: национальная специфика метафорического моделирования в деловой прозе (на материале книг М. Батырева и С. Кови) // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 95-111.

Поступила в редакцию 12.05.2026

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 801.8:070:659.123

ББК 81.0:76.0:65.422

А. П. Гурченко¹

ORCID: 0009-0006-9804-6016

АНО «Сириус.Курсы»

354340, Краснодарский край,

федеральная территория «Сириус»,

Магнитогорский государственный

технический университет им. Г. И. Носова

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38

gurchenok.anna@yandex.ru

Научный руководитель – Вероника Валентиновна Цуркан²

ORCID: 0000-0002-0096-960X

Магнитогорский государственный

технический университет им. Г. И. Носова

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38

РЕКЛАМНЫЙ ПЛАКАТ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Статья посвящена комплексному анализу вербального компонента рекламного плаката как ключевого инструмента коммуникативного воздействия в системе маркетинговой коммуникации. Автор прослеживает эволюцию функциональной нагрузки субтитра в структуре плакатного сообщения: от вспомогательной, иллюстративно-пояснительной роли на рубеже XIX–XX веков до статуса смыслового и суггестивного центра в современных рекламных кампаниях. На обширном материале

¹ Гурченко Анна Павловна, редактор-корректор, АНО «Сириус.Курсы», Краснодарский край, федеральная территория «Сириус», г. Краснодар, Россия; магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

отечественных плакатов, выпущенных за последние десятилетия, выделяются и систематизируются две магистральные коммуникативные стратегии – манипуляция и информирование, а также детально описываются реализующие их приемы вербального воздействия (включая императивные конструкции, вопросы, метафоры, прецедентные феномены и др.). В работе эмпирически доказывается, что эффективность рекламного воздействия достигается не столько визуальным рядом, сколько тщательно выверенным вербальным кодом, который обеспечивает имплицитное управление восприятием, актуализирует эмоционально-оценочные механизмы и напрямую стимулирует потребительское решение о покупке, что позволяет рассматривать плакатный текст как самостоятельный объект лингвопрагматического исследования.

Ключевые слова: рекламный плакат, коммуникативная стратегия, воздействие, манипуляция, субтитр

Рекламный плакат – это крупноформатное, нефальцованное, обычно многокрасочное, хорошо иллюстрированное издание с односторонней печатью, созданное в коммерческих целях [10, 36]. В работе «Искусство дня» (1925) Н. И. Тарабукин выделил два основных типа плаката: коммерческий (торговый, индустриальный) и идейный (политический, военный, просветительский и пр.) [9, 16]. Эта классификация в целом совпадает с современными представлениями о плакатных жанрах. Цель рекламного (коммерческого) плаката – продать продукт или услугу, создать им или предприятию определенный имидж в яркой эмоциональной форме [10, 36]. Таким образом, жанр рекламного плаката традиционно ассоциируется с продвижением товаров и услуг.

Универсальное рекламное сообщение, передаваемое плакатом, состоит из трех компонентов: цвет, изображение и субтитр (текст) [10, 40]. Внимание аудитории привлекает не только визуальная часть рекламы; популярность рекламируемого продукта также в высокой степени зависит от используемых стилистических и лингвистических средств [3, 321]. Текст расшифровывает, поясняет образы плаката, который без субтитра теряет свою рекламную специфику.

В области графического дизайна накоплен достаточный объем исследований, раскрывающих особенности визуального восприятия плаката, воздействия на аудиторию путем выбора тех или иных цветов, управления вниманием через построение композиции. Однако текстовый компонент рекламного плаката в аспекте воздействия

и восприятия представляется недостаточно изученным: авторы многих трудов [1; 2; 5; 7] рассматривают рекламные тексты в целом, при этом обзорного анализа субтитров отечественных рекламных плакатов в названном аспекте до настоящего времени проведено не было. В связи с этим возникает вопрос: какие коммуникативные стратегии, тактики и приемы воздействия позволяют авторам рекламных плакатов достигать нужного эффекта восприятия вербальных сообщений аудиторией?

В первых отечественных рекламных плакатах, получивших распространение в конце XIX века, текстовый компонент был развит слабо – главенствующая роль отводилась визуальному. Субтитр в большинстве случаев состоял лишь из наименования рекламируемого товара и названия предприятия-производителя. Дополнительные смыслы, вносимые авторами в тексты плакатов, в основном ограничивались примитивной акцентуацией положительных сторон товара. Примерами могут служить определения «наилучший», «высшего качества», помета «рекомендуется», более распространенные конструкции вроде «безусловное ручательство за высшую прочность», «полное ручательство за доброкачественность» (о галошах). Типичный пример акцентуации дают плакаты о сигаретных гильзах со слоганами «не разрываются по шву» («не рвутся по шву»). В редких плакатах встречаются призывы к действию: «Получите везде», «Курите лучшие папиросы». И лишь единичные экземпляры дополнены усложненными субтитрами: «Мой первый шаг за печеньем Эйнем», «В питании сила», «Не табак, а сливки».

Революцию в коммерческой плакатной рекламе произвели работы В. Маяковского и А. Родченко. Субтитр в плакатах получил не просто полноправную, а зачастую главенствующую роль в триаде компонентов рекламного сообщения. Таким образом, акцент в коммуникации с аудиторией сместился в вербальную плоскость. При анализе плакатов альянса «Реклам-конструктор» и его последователей уместно говорить о выборе коммуникативных стратегий, тактик и ходов, направленных на достижение единой цели.

Под коммуникативной стратегией понимают комплекс речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи («глобального намерения») [1, 109]. Можно выделить две основные коммуникативные задачи субтитра рекламного плаката: изменить отношение аудитории к рекламируемому товару или услуге от негативного (или нейтрального) к позитивному [7, 279] и предоставить

объективные сведения о товаре или услуге, знание которых стимулирует аудиторию к покупке. В связи с этим выделяются две стратегии: манипуляция и информирование.

Главный признак манипулятивной стратегии – скрытое (имплицитное) воздействие. Адресат понимает, что цель рекламного плаката – продать ему товар или услугу, но сама стратегия как совокупность тактик и приемов, направленных на реализацию обозначенной выше коммуникативной задачи, в нем не манифестирована. Однако именно она призвана побудить реципиента к приобретению рекламируемого продукта [7, 279].

Коммуникативной тактикой называют одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [1, 110]. Сама по себе тактика невербальна; она обретает форму с помощью коммуникативного приема, который может быть реализован возможностями не только языковой системы, но и изобразительных средств [7, 279]. Рекламные манипулятивные тактики можно разделить на пять типов: переакцентуация; формирование определенной позиции адресанта; модификация модели мира реципиента; апелляция к уже имеющимся у адресата мотивам и ценностям; внедрение в сферу «Я» адресата (моделирование личности).

Суть переакцентуации заключается в выдвигании определенных фактов, которые призваны сыграть основную роль в формировании нужного восприятия. В рекламном тексте (рис. 1, б, в) подчеркиваются положительные стороны товара, при этом вуалируются или замалчиваются отрицательные. Соответственно, часть информации о продукте заменяет целостное представление о нем [7, 280].

Среди приемов переакцентуации выделяются интенсификация и приуменьшение. Интенсификация – это преувеличение достоинств продукта (или недостатков продукта конкурентов), например, с использованием определений «лучший», «прекрасный» (рис. 1, в), «незаменимый» и пр. Преуменьшение – сокрытие недостатков путем умалчивания или существенных для потребителя сведений путем выведения на первый план информации, понятной лишь специалисту [2, 55].

Рис. 1. Приемы переакцентуации в советских рекламных плакатах

В рекламном тексте автор занимает определенную позицию с целью сократить дистанцию в коммуникации с адресатом, скрыть свои истинные намерения и достичь намеченной цели. В рамках манипулятивной стратегии автор может выступать с позиции комментатора, внося в текст личную оценку; собеседника, выступая «на равных» с адресатом, обращаясь лично к нему; эмоционального лидера, создающего благоприятную атмосферу; наставника, категорично утверждающего свое мнение; трибуна, взаимодействующего с аудиторией через лозунги-призывы [7, 283]. Последние две позиции редко встречаются в современной рекламе, однако весьма характерны для текстов советских плакатов. Например, с наставнической позиции звучит субтитр «Тот не гражданин СССР, кто Добролета не акционер»; с позиции трибуна – плакатный лозунг «Товарищ, даешь поддержку новому рабочему журналу».

Модификация модели мира реципиента подразумевает изменение его отношения к продукту за счет использования приемов искажения истины. К таким приемам относятся, в частности, компликация и редукция. Компликация – это усложнение проблемы или ситуации: «Приезжий с дач, из городов и сел! Нечего в поисках

трепать подошвы / Сразу в ГУМе все найдешь / Аккуратно, быстро и дешево» [11, 276]. Ещё пример complication: «Здоровье каждому дано, / *Да как-то все в обрез...* / Так пейте ж толокно / завода „Геркулес“!». Редукция – обратный прием упрощения; в плакатах он чаще всего реализуется в опредмечивании (рис. 2).

Рис. 2. Прием опредмечивания в рекламных плакатах
В. Маяковского и А. Родченко

К приемам модификации модели мира реципиента можно также отнести ложное сравнение: «свежи, как летом» (о консервированных плодах и ягодах); «крепки, как крепок червонный курс» [11, 286] (о папиросах); «вкусней апельсинов, душистей роз» [11, 285] (о том же товаре другой марки).

Важно отметить, что перцепция (восприятие) – динамический процесс, не одинаковый для всех [2, 84]. Исследования показывают, что понимание реципиентом воспринимаемого текста связано не с «вычерпыванием» из него заложенных автором смыслов, а с активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого [8, 88]. Именно поэтому основой рекламного сообщения зачастую является скрытая или имплицитная апелляция к глубинным

психологическим мотивам адресата, не всегда им осознаваемым, но при этом оказывающим непосредственное влияние на его решения.

Важно отметить, что перцепция (восприятие) – динамический процесс, не одинаковый для всех [2, 84]. Исследования показывают, что понимание рецепиентом воспринимаемого текста связано не с «вычерпыванием» из него заложенных автором смыслов, а с активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого [8, 88]. Именно поэтому основой рекламного сообщения зачастую является скрытая или имплицитная апелляция к глубинным психологическим мотивам адресата, не всегда им осознаваемым, но при этом оказывающим непосредственное влияние на его решения.

Чтобы побудить адресата совершить целевое действие (приобрести товар или услугу), необходимо ненавязчиво дать ему почувствовать неудовлетворенность в той или иной потребности [7, 285]. Рассмотрим реализацию этой манипулятивной тактики в субтитрах рекламных плакатов, обратившись к иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу [6, 60–68].

Особенность потребностей низшего уровня заключается в том, что если какая-либо из них не удовлетворена, то все силы и возможности человека направляются на её утоление, всё его сознание захватывается этим стремлением; соответственно, потребности более высоких уровней отходят на второй план [6, 61–62]. В рекламных плакатах чаще всего можно встретить апелляцию к таким базовым человеческим потребностям, как утоление голода или жажды, осуществляемую за счет визуального представления пищевых продуктов или напитков в выгодном свете. Яркий пример реализации этого приема в вербальной форме – слоган «Ты не ты, когда голоден» в серии наружной рекламы батончиков Snickers: на баннерах изображаются ситуации, наглядно демонстрирующие идею доминирования физиологической потребности над всеми остальными в состоянии голода.

Потребность в самосохранении предполагает стремление обеспечить долговременное выживание, а значит, безопасность не только физическую, но и экономическую. К ней апеллируют, например, в плакатах, текст которых указывает на возможность сэкономить, совершив выгодную покупку: «Арифметика простая – / три копейки – коробок! / Сразу пачку покупая / Экономить пятачок!». Сюда же относится забота о здоровье: «Витамины помогают стать здоровым, сильным, выносливым».

Потребность в любви в советской плакатной рекламе чаще всего трактуется как потребность в отождествлении себя с другими.

Примеры апелляции к ней: «15 миллионов человек покупают мыло „Букет моей бабушки“»; «Кто куда, а я – в Сберкасса»; «Все, везде пьют воды „Заря“» (в последнем примере также используется прием интенсификации). Начиная с 1990-х годов авторы плакатов уделяют внимание и другим аспектам этой потребности. Субтитр плаката Nescafe – «Дарите любимым тепло»; оператора мобильной связи МТС – «О ком ты думаешь сейчас?». В глобальном смысле апелляцией к потребности в принадлежности являются аргументы к авторитету (ссылки на авторитетные и признанные источники информации [4, 93]), общественному мнению, фонду общих знаний.

В рекламных плакатах также нередко используют апелляцию к потребности в уважении, а именно – в одобрении со стороны общества: добром имени, высокой репутации. Примером может служить плакат с субтитром «Купили-ль вы сыночку или дочурке / В подарок шоколадные фигурки?». В нем использован прием навязывания вывода: принято считать, что хороший родитель покупает ребенку подарки; значит, если адресат не купил своему ребенку в подарок шоколадные фигурки, то, прочитав субтитр, он ощутит себя не соответствующим такому статусу, что может вызвать желание исправить ситуацию.

Апелляция к потребности в самоутверждении (самовыражении, творчестве, личностном росте, раскрытии потенциала, свободе) не характерна для советской плакатной рекламы. Однако она активно используется в плакатах 1990-х годов: к примеру, субтитр «Полная свобода» украшает наружную рекламу Marlboro; на постерах бренда также регулярно появляется фигура ковбоя как символ свободы. На плакате пивной марки «Толстяк» можно было прочесть надпись: «Свободу настоящему мужику», оператора пейджинговой связи VessoLink – «Еще одна степень вашей свободы».

Приемы последней рассматриваемой тактики манипулятивной стратегии направлены на моделирование личности адресата. Среди них распространенным является «комплимент» адресату (рис. 3), который ведет к логическому выводу о необходимости покупки товара: самым деловым и аккуратным нужны часы, адресат воспринимает обращение плаката как адресованное лично ему, значит, ему нужно приобрести часы.

Рис. 3. Прием «комплимента» адресату в рекламе ГУМА
(В. Маяковский, А. Родченко)

Ещё один возможный ход — акцентирование внимания на «плохом» настоящем и возможности избавиться от плохого с помощью рекламируемого продукта («Всем попробовать пора бы / Как вкусны и нежны крабы», «Только подписчики „Красного перца“ / Смеются от всего сердца»). Вторжение в сферу «Я» адресата может осуществляться путем прямого навязывания системы ценностей с использованием на лексическом уровне местоимений второго лица («ты», «вы»), соответствующих притяжательных местоимений, прилагательного «любимый» и синонимичных ему, предикатов со значением предпочтения (любить, выбирать и т. п.). Примером может быть субтитр авторства В. Маяковского: «Гражданин, не таись — ты любишь и куришь „Таис“» [11, 287]. Подобный ход может относиться к образу будущего — в этом случае используются предикаты «мечтать», «хотеть» и подобные [2, 232–233].

Информационная стратегия в рекламном дискурсе дополняет манипулятивную: с её помощью адресату сообщаются объективные характеристики продукта и другая необходимая для принятия решения

о покупке информация безоценочного характера. Эта стратегия реализуется с помощью тактики информирования, которая выражается через краткие фактологические высказывания с использованием терминологической лексики и приведением цифровых данных («Воды-напитки на чистом рафинаде из натуральных фруктовых настоев», «Страховая защита от 1000 Р/год»). Тактика детализации предполагает развернутые перечисления, которые позволяют узнать больше о рекламируемом объекте (рис. 4). Тактика инструктирования направлена на предоставление адресату информации о месте приобретения или способах использования продукта. Выражается она через безличные предложения, побудительные или инфинитивные конструкции: «В специализированных и универсальных магазинах», «Требуйте везде», «Можно купить в магазинах потребкооперации».

Рис. 4. Детализация в рекламе Моссельпрома

Подводя итог, можно констатировать, что текстовый компонент рекламного плаката представляет собой сложную систему речевых действий, направленных на решение конкретных коммуникативных задач. Смещение центра тяжести рекламной коммуникации в вербальную плоскость привело к формированию устойчивых

стратегий воздействия, среди которых центральное место занимает манипуляция.

Исследование выявило, что манипулятивное воздействие достигается через продуманную тактическую систему. При этом манипуляция органично дополняется приемами информационной стратегии, которые придают сообщению видимость объективности и рациональности. Таким образом, именно выверенный набор текстовых стратегий и тактик обеспечивает высокую эффективность рекламного послания, незаметно направляя потребителя к принятию решения о покупке.

Список источников

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Москва: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
3. Лаева К. П. Англоязычная лексика в рекламных слоганах в российских СМИ – особенности перевода // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Сборник материалов VI международной молодежной научно-практической конференции / под ред. С. В. Рудаковой. Магнитогорск, 2018. С. 320–323.
4. Ломакина Е. А. Лексико-прагматические средства манипуляции в политической коммуникации // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 92–95.
5. Малинина Д. Д. Коммуникативные стратегии и тактики в современном рекламном дискурсе // Международный научный журнал «Вестник науки». № 6 (87). Т. 1. 2025. С. 1182–1189.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 352 с.
7. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. № 24. 2002. С. 276–278.
8. Сонин А. Г., Махнин А. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 77–91.
9. Тарабукин Н. Искусство дня. Москва: Всероссийский пролеткульт, 1925. 139 с.
10. Тарабуко Н. И. Плакат: конспект лекций. Витебск: УО «ВГТУ», 2020. 60 с.

11. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 5. [Стихотворения 1923 года] / Подгот. текста и примеч. П. И. Агеева и Ф. Н. Пицкель; Ред. А. Февральский. 1957. 480 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms5/ms5.h.tml> (дата обращения: 17.06.2026).

REFERENCES

1. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. 5th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p. (In Russ.)
2. Issers, O. S. Speech Impact: A Textbook for Students Majoring in Public Relations. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 224 p. (In Russ.)
3. Laeva, K. P. English Vocabulary in Advertising Slogans in Russian Media – Translation Features // World Literature through the Eyes of Modern Youth. The Digital Age. Collection of Materials from the VI International Youth Scientific and Practical Conference / edited by S. V. Rudakova. Magnitogorsk, 2018. pp. 320–323. (In Russ.)
4. Lomakina, E. A. Lexical and Pragmatic Means of Manipulation in Political Communication // Libri Magistri. 2018. No. 5. Pp. 92–95. (In Russ.)
5. Malinina D. D. Communicative Strategies and Tactics in Modern Advertising Discourse // International Scientific Journal “Bulletin of Science”. No. 6 (87). Vol. 1. 2025. Pp. 1182–1189. (In Russ.)
6. Maslow A. Motivation and Personality. 3rd ed. / Translated from English. St. Petersburg: Piter, 2012. 352 p. (In Russ.)
7. Popova E. S. The Structure of Manipulative Influence in Advertising Texts // Bulletin of the Ural State University. No. 24. 2002. Pp. 276–278. (In Russ.)
8. Sonin A. G., Makhnin A. N. Experimental Study of the Perception of Pictorial and Verbal Advertising Texts // Issues of Psycholinguistics. 2004. No. 2. Pp. 77–91. (In Russ.)
9. Tarabukin, N. The Art of the Day. Moscow: Vserossiiskii Proletkult, 1925. 139 p. (In Russ.)
10. Tarabuko, N. I. Poster: Lecture Notes. Vitebsk: UO “VSTU”, 2020. 60 p. (In Russ.)
11. Mayakovsky, V. V. Complete Works: In 13 Volumes / USSR Academy of Sciences. A. M. Gorky Institute of World Literature. Moscow: State Publishing House of Art Literature, 1955–1961. Vol. 5. [Poems from 1923] / Text and notes prepared by P. I. Ageeva and F. N. Pitskel; Ed. A. Fevralsky. 1957. 480 p. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms5/ms5.h.tml>

ADVERTISING POSTER: FEATURES OF THE PROCESSES OF INFLUENCE AND PERCEPTION

Anna P. Gurchenok

ANO “Sirius.Courses” (Krasnodar, Russia)

Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Scientific supervisor – *Veronika V. Tsurkan*

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the verbal component of the advertising poster as a key instrument of communicative influence within the marketing communication system. The author traces the evolution of the functional load of the subtitle in the poster structure: from its auxiliary, illustrative and explanatory role at the turn of the 19th–20th centuries to its current status as the semantic and suggestive core of modern advertising campaigns. Drawing on extensive material from domestic posters produced over recent decades, the study identifies and systematizes two major communicative strategies – manipulative and informational – and offers a detailed description of the tactics and specific linguistic devices that implement them, including imperative constructions, interrogative forms, metaphors, precedent phenomena, and others. The paper empirically demonstrates that the effectiveness of advertising impact is achieved not so much through visual imagery as through a meticulously calibrated verbal code, which ensures implicit control over audience perception, activates emotional and evaluative mechanisms, and directly stimulates consumer purchasing decisions. This allows the poster text to be regarded as an independent object of linguopragmatic study.

Keywords: advertising poster, communicative strategy, impact, manipulation, subtitle

Для цитирования: Гурченко А. П. Рекламный плакат: особенности процессов воздействия и восприятия // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 112–124.

Поступила в редакцию 30.05.2026

УДК 378.4
ББК 74+74.58

Е. В. Корниенко¹

ORCID: 0009-0000-8560-6420

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
kornienko.elena.v26gmaill.com*

Научный руководитель – С. В. Рудакова²

ORCID: 0000-0001-8378-061X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38*

**ТОТАЛЬНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ФИНАНСОВОЙ АДАПТАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ
УНИВЕРСИТЕТА Г. МАГНИТОГОРСКА)**

Статья посвящена вопросам комплексной адаптации иностранных обучающихся в российских региональных университетах. Существующие модели адаптации и наставничества часто носят фрагментированный характер, который сосредоточен лишь на языковом или психологическом сопровождении, тогда как анализ эффекта взаимодействия с государственными миграционными службами, этническими диаспорами и религиозными организациями остается недостаточно изученным. В данной статье представлен эмпирический анализ эффективности «тотального наставничества» на базе Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. Исследование опирается на данные о деятельности вуза, где сегодня обучаются более 300 иностранных студентов, а также на опыт работы с диаспорами и религиозными организациями города

¹ Корниенко Елена Валерьевна, начальник Управления международного сотрудничества, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, магистрант, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

Магнитогорска. Результаты показывают, что постоянное взаимодействие с диаспорами снижает бытовой и культурный шок, однако создает риски этнической кластеризации. Автор приходит к выводу, что тотальное наставничество высокоэффективно в первые месяцы пребывания иностранных обучающихся в университете, однако требует постоянной актуализации и координации всех участников процесса. Предложенная модель может быть распространена на другие региональные университеты с учетом местной специфики.

Ключевые слова: адаптация иностранных студентов, тотальное наставничество, учебно-методическое сопровождение, этнические диаспоры, религиозные потребности, исламские студенты, финансовая поддержка, миграционное регулирование, Магнитогорск

Введение

Глобализация высшего образования и активное развитие академической студенческой мобильности определяют особую значимость для жизни университетов, стремящихся повысить свою конкурентоспособность и обеспечить качественный образовательный опыт для всех категорий обучающихся, системной работы по адаптации студентов, прибывающих для обучения из-за рубежа. Систему высшего образования Российской Федерации также коснулись эти процессы. Потому в условиях интернационализации и реализации государственной задачи по увеличению «к 2030 году численности иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях, не менее чем до 500 тыс. человек» [25], организация эффективной системы наставничества приобретает стратегический характер. Феномен наставничества в университетах представляет собой многоуровневую педагогическую практику, направленную на социокультурную адаптацию, академическую интеграцию и личностно-профессиональное развитие обучающихся.

Актуализация наставнической деятельности в Российской Федерации связана с Указом Президента РФ № 401 от 27 июня 2022 г. «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» [26], а также с разработанной Российской Академией наук Концепцией развития наставничества [9], эти документы определили стратегические ориентиры развития наставнических практик в различных областях жизни, в том числе в сфере образования.

Как отмечалось на стратегической сессии Минобрнауки России по вопросам вовлечения иностранных обучающихся в молодежную политику и анализу опыта и лучших практик российских университетов, которая прошла в 2025 г. с участием 112 университетов из 49 субъектов, в вузах страны формируется новая культура взаимодействия с иностранными студентами, основанная на принципах наставничества и системной поддержки [20].

Феномен тотального наставничества в системе высшего образования представляет собой комплексный институциональный механизм, направленный на интеграцию иностранных студентов в новую академическую и социокультурную среду. Институт наставничества в современном образовании рассматривается как многоуровневая система педагогической поддержки, которая особо важна для студентов, осваивающих программу вуза на неродном языке. Как справедливо отмечает О. С. Зорина, иностранные студенты нуждаются в особенной поддержке профессорско-преподавательского состава при овладении профессиональными навыками в рамках обучения на неродном языке [6]. В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина, И. С. Сергеев рассматривают наставничество как «хорошо заточенный инструмент» образовательной политики, требующий системной настройки [2]. Это позволяет говорить о тотальном наставничестве не как об эпизодической практике, а как об институционально оформленной системе.

Тотальное наставничество подразумевает то, что адаптация иностранных студентов – это многомерный процесс, соотносимый с академической, социокультурной, психологической и бытовой сферами. Такой комплексный характер вызовов определяет необходимость тотального, а не фрагментарного подхода в наставничестве.

В практике университетов формируются различные модели в организации наставничества. Так, тьюторство как специально организованная форма индивидуального и группового сопровождения иностранных студентов проанализировано в работах О. А. Береговой, С. С. Лопатиной, Н. В. Отургашевой [1], Н. Н. Савельевой, С. Сунь [17], Е. К. Терещенко [23]. Наставничество как технология педагогического сопровождения, направленная не только на академическую помощь, но и на личностную, психологическую, социальную поддержку иностранных обучающихся описывается в работах Е. К. Терещенко, В. Г. Разиньковой [22], С. Н. Спасибкиной [19], Т. В. Кондрашиной, И. Ю. Черниковой [8]. Вопросам социокультурной адаптации и интеграции

в университетскую среду, проблемам освоения и усвоения иностранными студентами норм, ценностей, моделей поведения и коммуникации, характерных для российского общества и конкретного университета посвящены работы О. А. Береговой, С. С. Лопатиной, Н. В. Отургашевой [1], О. А. Семеновой [18], А. В. Погукаевой, Л. Н. Коберник, Е. Л. Омелянчук [15], Г. П. Ивановой, О. К. Логвиновой, Н. Н. Ширковой [7], Дж. Клевенджер [30]. На анализе проблем педагогического обеспечения адаптации иностранных обучающихся сосредоточено внимание Г. П. Ивановой, О. К. Логвиновой, Н. Н. Ширковой [7], В. П. Маминой, И. А. Романовской [11], А. В. Погукаевой, Л. Н. Коберник, Е. Л. Омелянчук [15]. Вопросы академической адаптации, то есть приспособление иностранных студентов к требованиям российской системы высшего образования осмысливаются Т. В. Кондрашиной, И. Ю. Черниковой [8], С. И. Модновым, Л. В. Уховой [13], В. П. Маминой, И. А. Романовской [11]. Об аналогичной проблеме, но в рамках иных национальных систем высшего образования, работы Дж. Кэрролл [29], Дж. Райан [34], Кай Л., Вайзе К., Альварес Вальдивия И. [28]. Проблемы психологической адаптации эмоциональной поддержки – в центре внимания в работах С. Н. Спасибкиной [19], Д. А. Крамаренко [10], В. П. Маминой, И. А. Романовской [11]. Исследованию того, как иностранные студенты осваивают новую культурную среду, изучению стратегий взаимодействия иностранных студентов с принимающим их обществом посвящены работы К. Оберг [33], О. В. Польшенко, Т. Н. Банщиковой [16], Е. К. Терещенко, В. Г. Разиньковой [22]. Система вопросов, связанных с преодолением языкового барьера, формированием готовности к межкультурной коммуникации, рассматривается в работах Дж. Кэрролл [29], Дж. Райан [34], Д. А. Крамаренко [10], работы О. А. Береговой, С. С. Лопатиной, Н. В. Отургашевой [1], Г. П. Ивановой, О. К. Логвиновой, Н. Н. Ширковой [7]. О целостной системе сопровождения – институциональном сопровождении иностранных студентов – работы Г. П. Ивановой, О. К. Логвиновой, Н. Н. Ширковой [7], Е. К. Терещенко, В. Г. Разиньковой [22] и др. [32; 35; 36]. Вопросам региональной специфики адаптации иностранных студентов посвящены исследования Е. Г. Тихоновой [24], О. А. Семеновой [18], О. В. Польшенко, Т. Н. Банщиковой [16].

Особенно остро проблема адаптации иностранных обучающихся проявляется в региональных университетах, где отсутствует многолетний опыт работы с полиэтническим

и поликонфессиональным контингентом, что стало уже привычным для вузов крупных городов Российской Федерации. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова – наглядное поле для проведения нашего исследования. На данный момент в вузе обучаются более 300 иностранных студентов [27]. В 1990-е годы здесь училось до 150 иностранных студентов из Монголии, Вьетнама и стран Африки, в 2000-е – это были студенты из европейских стран (например, Италии, Великобритании, Франции и др.); в последние годы интерес иностранных студентов к университету значительно вырос [21].

Как отмечает проректор по образовательной деятельности МГТУ им. Г. И. Носова Ильдар Равильевич Абдулвелеев, в Магнитогорске уже длительное время проживают иностранные граждане различных национальностей и конфессий – таджики, азербайджанцы, грузины, киргизы, казахи... У них сложились свои общины и диаспоры, которые нацелены на помощь соотечественникам [27].

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос системообразующей роли наставничества как элемента процесса адаптации иностранных обучающихся.

В научной литературе наставничество определяется как процесс, имеющий своей целью создание условий, способствующих успешности, реализации потенциала, повышению уровня самостоятельности и социализации, личностному и (или) профессиональному развитию [5, 28].

Как показывают исследования [6; 8; 10], иностранные обучающиеся особенно остро нуждаются в педагогической (наставнической) поддержке в процессе освоения программ высшего образования, в частности, при освоении профессиональных образовательных программ в рамках обучения на неродном языке. Это приводит к необходимости реализации процесса наставничества со стороны профессорско-преподавательского состава университета.

В научно-методической литературе выделяются различные модели наставничества: «скаффолдинг» («строительные леса») как современный вариант объединения социокультурной теории развития и концепции Л. С. Выготского, модель Бигтса, выделяющая этапы предварительных условий, процесса и продукта, и модель РОСТа, направленная на личностный рост и постановку целей [3; 5; 12]. Каждая модель подчеркивает важность активного участия наставника и адаптации подходов в зависимости от потребностей обучающихся.

В российских вузах наставничество реализуется в различных формах: кураторство (содействие в адаптации), тьюторство (помощь в определении индивидуальной образовательной траектории), коучинг (партнерский диалог), менторинг (консультации по карьере), баддинг (неформальная дружеская поддержка) и волонтерский менеджмент. Особую роль играет участие иностранных обучающихся старших курсов в реализации наставничества, поскольку прибывшие первокурсники испытывают большее доверие к тому, кто до недавнего времени был в аналогичной ситуации.

О. С. Зорина подчеркивает, что профессиональная подготовка иностранных студентов в техническом российском вузе охватывает учебную, внеучебную и научную сферу деятельности обучающихся [6.]. По части поддержки иностранных студентов в процессе профессиональной социализации и подготовки педагога – наставники организуют консультационные групповые и индивидуальные встречи с наставляемыми обучающимися, в рамках которых обсуждаются социокультурные вопросы реализации трудовых отношений.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе МГТУ им. Г. И. Носова в 2024–2026 гг. В работе использовались следующие материалы: данные официальных отчетов университета [27], материалы заседаний рабочей группы по национальным вопросам Администрации г. Магнитогорска [4], публикации в региональных СМИ [21], а также научные публикации по проблеме адаптации иностранных студентов.

В работе применялись следующие методы: анализ документов и статистических данных, наблюдение за деятельностью диаспор и религиозных организаций г. Магнитогорска, анализ опыта других российских вузов по реализации наставничества.

Результаты и обсуждения

В МГТУ им. Г. И. Носова регулярно проводятся лекции для иностранных студентов с участием представителей мусульманских диаспор г. Магнитогорска, которые делятся со студентами своим опытом и знаниями. Как отмечает И. Р. Абдулвелеев, «диаспоры нацелены на то, чтобы помогать своим соотечественникам, где-то подсказывать. В основном старшее поколение учит молодых и подсказывает им, как правильно жить в этой стране, как соблюдать все правила и не доводить до плохих ситуаций» [27].

Как показывают исследования в университетах других регионов, успешная адаптация иностранных студентов из исламских

стран связана с важным аспектом их жизни – возможностью удовлетворять свои религиозные потребности. В своей работе И. Р. Набиулин отмечает, что после переезда в Российскую Федерацию религиозная жизнь иностранных студентов претерпевает изменения: меняется частота посещений религиозных учреждений и активность проведения религиозных обрядов [14]. При этом большинство респондентов не сталкивались с проблемой притеснений в сфере религии и с доверием относятся к религиозным институтам и священнослужителям.

Международные исследования также подчеркивают важность учета религиозных и культурных особенностей студентов из исламских стран. В исследовании Синари Хассан отмечается, что студентки-мусульманки испытывают двойное давление: необходимость соответствовать западным нормам при сохранении исламских практик, таких как ношение хиджаба и соблюдение халяльных диетических ограничений [31]. Исследование подчеркивает необходимость внедрения программ наставничества с учетом создания справедливой образовательной среды для всех обучающихся.

Тотальный характер наставничества проявляется в том, что сопровождение иностранных студентов не ограничивается исключительно сферой академических вопросов, но включает языковую и социокультурную подготовку, организацию бытовой адаптации, помощь в решении юридических вопросов, вовлечение в жизнь университета, психологическую поддержку. Иностранный студент при такой организации работы университета не остается один на один с адаптационными вызовами.

Исполняющий обязанности начальника управления международного сотрудничества МГТУ им. Г. И. Носова Е. В. Корниенко в своих выступлениях отмечает, что проблема, с которой сталкиваются иностранные студенты ближнего зарубежья при поступлении в вуз, – это языковой барьер. Как отмечается в исследовании Е. В. Кондрашиной и И. Ю. Черниковой, в первый год обучения преподаватель русского языка как иностранного становится для иностранного студента самым близким, «своим» человеком среди чужой ему среды, что дает возможность грамотно информировать их о стране пребывания, о городе, в котором они обучаются, рассказывать о традициях, а порой и совместно посещать культурно-массовые мероприятия [8]. Учитывая эти факторы, ректорат МГТУ им. Г. И. Носова принял решение в 2025 году реализовать пилотный проект для студентов-первокурсников из Туркменистана –

организовать бесплатные курсы по русскому языку с итоговой аттестацией [27].

На заседании рабочей группы по национальным вопросам в Магнитогорске обсуждалась социокультурная адаптация иностранных обучающихся. Работа включала проведение выставок и презентаций книг, мероприятий, погружающих студентов в историю России, организацию походов в театры, кино, музеи. Всё это призвано помочь иностранным студентам преодолеть культурный шок, понять культурные, ценностные нормы принимающего государства. Ключевым механизмом социокультурной адаптации становится формирование у иностранных обучающихся чувства принадлежности новому обществу.

Наставничество предполагает и психологическую поддержку иностранных студентов. Для решения психологических вопросов и проблем при университете работает штат психологов, действует «горячая линия» [4].

На основе проведенного анализа потребностей и особенностей контингента иностранных обучающихся предлагается системная и концептуальная модель, где наставник является «входной группой» для решения вопросов адаптации в любой сфере жизни:

Уровень 1 – юридический (управление международного сотрудничества). Оформление всех необходимых документов, миграционная поддержка. К наставникам иностранные обучающиеся могут обратиться по любым вопросам, связанным не только с обучением, но и проживанием в общежитии, продлением срока временного пребывания, получения ходатайства об обучении, постановки на миграционный учет, продления срока учебной визы.

Уровень 2 – бытовой (студенческий городок). Проживание, питание, транспорт. В МГТУ им. Г. И. Носова студенты из Туркменистана, обучающиеся на первом и втором курсе, проживают в отдельном общежитии, которое адаптировано под иностранных обучающихся: имеются молельные комнаты, система навигации представлена на иностранном языке, оформлен информационный стенд на иностранном языке. Учебные занятия у иностранных обучающихся проходят в общем порядке. Организация питания осуществляется обучающимся самостоятельно, с учетом национальных и культурных особенностей приготовления и приема пищи. Иностранные обучающиеся пользуются городской системой общественного транспорта для передвижения по городу.

Уровень 3 – религиозный (религиозные организации и этнические диаспоры). Создание молельных комнат на базе

Студенческого городка, празднование религиозных праздников. В МГТУ им. Г. И. Носова регулярно проводятся лекции с участием представителей мусульманских диаспор города Магнитогорска.

Уровень 4 – этнический (диаспоры Магнитогорска). Бытовая адаптация, помощь в миграционных вопросах, языковая поддержка. Диаспоры нацелены на помощь соотечественникам.

Уровень 5 – финансово-экстренный (государственные квоты, финансовая поддержка диаспор города). Экстренная материальная помощь, грантовая поддержка.

В процессе исследования были выведены несколько определяющих методологических принципов организации тотального наставничества.

1. Принцип системности – наставничество должно охватывать все основные сферы жизни иностранных студентов (академическую, социальную, культурную, бытовую, юридическую, финансовую, психологическую).

2. Принцип непрерывности – наставничество должно осуществляться на всех этапах обучения.

3. Принцип культурной чувствительности – наставнические практики должны учитывать культурные особенности иностранных студентов [14; 28; 31].

4. Принцип институализации – тотальное наставничество может быть эффективным только при условии его институционального оформления. Для этого должна быть разработана нормативно-правовая база, созданы структурные подразделения, которые призваны координировать наставническую деятельность, разработана система подготовки наставников, а также мониторинга и оценки эффективности программы работы.

В ходе исследования по внедрению модели выявлен ряд противоречий, требующих дальнейшего осмысления и проработки.

Диаспоры города можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, они снижают тревожность и помогают бытовой адаптации. С другой (как отмечает И. Р. Набиулин) стороны, существует риск того, что студенты, не найдя себе место в принимающем обществе, могут ограничить связи только кругом людей своей общины, что имеет далеко идущие последствия [14]. Наставник должен выполнять роль связующего, направляя студента из закрытой этнической группы в открытое университетское пространство.

Религиозный аспект. Привлечение религиозных организаций возможно только при строгом соблюдении светского характера образования согласно законам Российской Федерации. В данном

случае религия будет выступать как культурный инструмент, а не как идеологическая платформа.

Психологическое выгорание наставников. Как показывают исследования, при постоянной нагрузке более 20-25 студентов на одного наставника эффективность поддержки снижается. Необходимо цифровое сопровождение и большее количество наставников.

Финансовая поддержка. Государственные квоты (квота Правительства РФ) покрывают затраты на оплату образования, но не решают проблему адаптации в целом.

Заключение

На основе проведенного исследования были выделены следующие ключевые выводы:

1. Системное взаимодействие вуза, диаспор и государственных структур позволяет создать эффективную экосистему адаптации иностранных студентов в университете.

2. Тотальное наставничество наиболее эффективно в первые месяцы – период, когда у студента наблюдается высокий уровень культурного шока.

3. Участие этнических диаспор Магнитогорска в адаптации иностранных студентов является важным условием быстрой бытовой интеграции, но требует особого контроля для предотвращения этнической обособленности.

4. Религиозные потребности студентов из исламских стран должны удовлетворяться в формате сервиса: диалог с представителями диаспор, учет религиозных праздников, информация о местах совершения религиозных обрядов в городе.

5. Финансовая поддержка на уровне государства (квоты, гранты) дополняется вузовскими механизмами поддержки и поддержкой со стороны диаспор города.

6. Предложенная модель может быть распространена на другие университеты с учетом специфики этнического и конфессионального состава иностранных студентов.

Список источников

1. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Тьюторское сопровождение как инструмент социокультурной адаптации иностранных студентов в российском вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 1. С. 156-165.

2. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 4–18.
3. Гиндес Е. Г., Троян И. А., Кравченко Л. А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 110-129.
4. Дружба народов: в Магнитогорске состоялось заседание рабочей группы по национальным вопросам // Лента новостей Магнитогорска. 2025. 30 апреля. URL: <https://magnit-news.ru/society/2025/04/30/60392.html> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 25-35.
6. Зорина О. С. Роль наставничества в процессе профессиональной подготовки иностранных студентов // Вестник педагогических наук. 2024. № 3. С. 29–32.
7. Иванова Г. П., Логвинова О. К., Ширкова Н. Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: опыт реализации // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 60-69.
8. Кондрашина Т. В., Черникова И. Ю. Опыт наставничества в процессе академической адаптации иностранных студентов технического университета // Вопросы методики преподавания в вузе. 2025. Т. 14. № 3. С. 108–124. URL: <https://tmhe.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2025/03/kondrashina.pdf> (дата обращения: 16.06.2026).
9. Концепция развития наставничества в Российской Федерации (одобрена Президиумом РАО 29.06.2023). URL: https://subbotinskaya.gosuslugi.ru/netcat_files/32/50/_Kontseptsiya_razvitiya_nastavnichestva_v_Rossiyskoy_Federatsii_odobrena_Prezidiumom_RA_O_29.06.2023_.pdf (дата обращения: 12.06.2026).
10. Крамаренко Д. А. Сложности адаптация иностранных студентов в российском вузе // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 04 (93). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/slozhnosti-adaptatsiya-inostrannykh-studentov-v-rossijskom-vuze.html> (дата обращения: 22.04.2026).
11. Мамина В. П., Романовская И. А. Особенности процесса адаптации иностранных студентов к обучению в российском

вузе // Педагогические исследования (сетевое издание). 2022. № 2. Педагогические исследования. 2022. Вып. 2. С. 38-57.

12. Махмутова Е. Н., Ковтун Н. В., Иванченко М. А. Модели наставничества в образовательном процессе университета: теоретические и практические аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 12. С. 231-248. URL: <http://e-koncept.ru/2024/241212.htm> (дата обращения: 14.04.2026).

13. Моднов С. И., Ухова Л. В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. I. С. 111–115.

14. Набиулин И. Р. Особенности адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания в Республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. №. 3. С. 21-29.

15. Погукаева А. В., Коберник Л. Н., Омелянчук Е. Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24651> (дата обращения: 06.06.2026).

16. Польшченко О. В., Банщикова Т. Н. Учет в образовательном процессе вуза особенностей аккультурации иностранных и российских иногородних студентов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 6. С. 236-240.

17. Савельева Н. Н., Сунь С. Тьюторское сопровождение иностранных студентов в российском вузе // Евразийский союз ученых. 2015. № 5(14). С. 118-121.

18. Семенова О. А. Социокультурная адаптация и интеграция иностранных студентов в университетскую среду // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2025. № 4(129). С. 146-153.

19. Спаськина С. Н. Наставничество как инструмент психологической адаптации иностранных студентов в российских вузах // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 9 (12). С. 114-119.

20. Стратегическая сессия Проектного офиса Минобрнауки на базе МГИМО. 3 июля 2025 // МГИМО. Университет. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/strategicheskaya-sessiya-pominobrnauki-07-25/?utm_source=oreluniver.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=oreluniver.ru&utm_referrer=oreluniver.ru (дата обращения: 12.06.2026).

21. Студент из Африки // Магнитогорский Металл. 2025. 9 октября. URL: <https://magmetall.ru/news/pokolenie-next/student-iz-afriki/> (дата обращения: 18.05.2026).

22. Терещенко Е. К., Разинькова В. Г. Новые технологии аккультурации и адаптации иностранных студентов к социальной

и академической жизни в России // Инновационное развитие образования в меняющемся мире: опыт, проблемы, решения: сб. научных трудов / под ред. В. К. Шаповалова, И. Ф. Игропуло. Ставрополь: Изд-ва СКФУ, 2017. 177 с.

23. Терещенко Е. К. Наставничество как технология педагогического сопровождения иностранных студентов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 1. С. 153-157.

24. Тихонова Е. Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона // Регионология. 2020. № 2. С. 149-155.

25. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 10.06.2026).

26. Указ Президента РФ № 401 от 27 июня 2022 года «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47958> (дата обращения: 11.06.2026).

27. Укрепляя межкультурные связи // Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. URL: <https://www.magtu.ru/novosti/novosti-universiteta/17870-ukreplyaya-mezhkulturnye-svyazi.html> (дата обращения: 16.05.2026).

28. Cai L., Weise C., & Álvarez Valdivia I. Cross-cultural experiences: Voices of the Chinese doctoral students at a Spanish university // International Journal of Chinese Education. 2024. Vol. 13. Iss. 3. URL: <https://doi.org/10.1177/2212585x241270193> (дата обращения: 12.04.2026).

29. Carroll J. Teaching International Students: Improving Learning for All. London: Routledge, 2005. 171 p.

30. Clevenger J. "Use early engagement to build belonging for international students" // Times Higher Education Campus. 2026. URL: <https://www.timeshighereducation.com/campus/use-early-engagement-build-belonging-international-students#main-text> (дата обращения: 14.04.2026).

31. Hassan S. Female Arab International Students Negotiate Their Identities // Journal of International Students. 2025. Vol. 15. No. 3. Pp. 203–226. URL: <https://fhb-muenster.digibib.net/search/eds/record/eric/EJ1466891> (дата обращения: 18.05.2026).

32. HSE University. International Mentoring Programme. URL: <https://istudents.hse.ru/en/mentoring> (дата обращения: 14.06.2026).

33. Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // *Practical Anthropology*. 1960. Vol. 7. Pp. 177-182.
34. Ryan J. Cross-Cultural Teaching and Learning for International Students. London: Routledge, 2012. 312 p.
35. University of Freiburg. "The Intercultural Mentoring Programme (ICM)." uni-freiburg.de, 2026. URL: <https://uni-freiburg.de/en/studies/during-your-studies/icm/> (дата обращения: 15.04.2026).
36. University of Sopron. Exemplary International Student Satisfaction at the University of Sopron. 15.06.2026. URL: <https://international.uni-sopron.hu/exemplary-international-student-satisfaction-at-the-university-of-sopron>

REFERENCES

1. Beregovaya O. A., Lopatina S. S., Oturgasheva N. V. Tutor Support as a Tool for the Sociocultural Adaptation of International Students in a Russian University // *Higher Education in Russia*. 2020. Vol. 29. No. 1. Pp. 156–165. (In Russ.).
2. Blinov V. I., Esenina E. Yu., Sergeev I. S. Mentoring in Education: A Well-Sharpened Tool Is Needed // *Vocational Education and the Labour Market*. 2019. No. 3. Pp. 4–18. (In Russ.).
3. Gindes E. G., Troyan I. A., Kravchenko L. A. Mentoring in Higher Education: Concept, Model, and Prospects for Development // *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32. No. 8–9. Pp. 110–129. (In Russ.).
4. Friendship of Peoples: A Working Group Meeting on National Issues Was Held in Magnitogorsk // *Magnitogorsk News Feed*. 2025. April 30. URL: <https://magnit-news.ru/society/2025/04/30/60392.html> (accessed 18.05.2026). (In Russ.).
5. Dudina E. A. Mentoring as a Special Type of Pedagogical Activity: Essential Characteristics and Structure // *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2017. Vol. 7. No. 5. Pp. 25–35. (In Russ.).
6. Zorina O. S. The Role of Mentoring in the Process of Professional Training of International Students // *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2024. No. 3. Pp. 29–32. (In Russ.).
7. Ivanova G. P., Logvinova O. K., Shirkova N. N. Pedagogical Support for the Sociocultural Adaptation of International Students: Implementation Experience // *Higher Education in Russia*. 2018. Vol. 27. No. 3. Pp. 60–69. (In Russ.).
8. Kondrashina T. V., Chernikova I. Yu. Experience of Mentoring in the Process of Academic Adaptation of International Students at a Technical University // *Issues of Teaching Methodology in Higher Education*. 2025. Vol. 14. No. 3. P. 108–124. URL:

<https://tmhe.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2025/03/kondrashina.pdf>

(accessed: 16.06.2026). (In Russ.).

9. The Concept for the Development of Mentoring in the Russian Federation (approved by the Presidium of the Russian Academy of Education on 29.06.2023). URL: https://subbotinskaya.gosuslugi.ru/netcat_files/32/50/Kontseptsiya_razvitiya_nastavnichestva_v_Rossiyskoy_Federatsii_odobrena_Prezidiumom_RA_O_29.06.2023_.pdf (accessed: 12.06.2026). (In Russ.).

10. Kramarenko D. A. Difficulties in the Adaptation of International Students at a Russian University // World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal. 2024. No. 04 (93). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/slozhnosti-adaptatsiya-inostrannykh-studentov-v-rossijskom-vuze.html> (accessed: 22.04.2026). (In Russ.).

11. Mamina V. P., Romanovskaya I. A. Features of the Process of Adaptation of International Students to Studying at a Russian University // Pedagogical Research (Online Edition). 2022. No. 2. Pedagogical Research. 2022. Iss. 2. P. 38–57. (In Russ.).

12. Makhmutova E. N., Kovtun N. V., Ivanchenko M. A. Models of Mentoring in the Educational Process of the University: Theoretical and Practical Aspects // Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”. 2024. No. 12. P. 231–248. URL: <http://e-koncept.ru/2024/241212.htm> (accessed: 14.04.2026). (In Russ.).

13. Modnov S. I., Ukhova L. V. Problems of Adaptation of International Students Studying at a Technical University // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2013. No. 2. Vol. I. P. 111–115. (In Russ.).

14. Nabiulin I. R. Features of the Adaptation of International Students of the Muslim Faith in the Republic of Tatarstan // Research Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 21–29. (In Russ.).

15. Pogukaeva A. V., Kobernik L. N., Omelyanchuk E. L. Adaptation of International Students at a Russian University // Modern Problems of Science and Education. 2016. No. 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24651> (accessed: 06.06.2026). (In Russ.).

16. Polchenko O. V., Banshchikova T. N. Taking into Account the Features of Acculturation of International and Russian Nonresident Students in the Educational Process of a University // Bulletin of North-Caucasus Federal University. 2018. No. 6. Pp. 236–240. (In Russ.).

17. Savelyeva N. N., Sun S. Tutor Support for International Students at a Russian University // Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 5(14). Pp. 118–121. (In Russ.).

18. Semenova O. A. Sociocultural Adaptation and Integration of International Students into the University Environment // Bulletin of I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2025. No. 4(129). Pp. 146–153. (In Russ.).

19. Spasibkina S. N. Mentoring as a Tool for the Psychological Adaptation of International Students in Russian Universities // Scientific Bulletin of Moscow State Technical University of Civil Aviation. 2005. No. 9 (12). P. 114–119. (In Russ.).

20. Strategic Session of the Project Office of the Ministry of Science and Higher Education at MGIMO. July 3, 2025 // MGIMO. University. URL: https://mgimo.ru/about/news/main/strategicheskaya-sessiya-po-minobrnauki-07-25/?utm_source=oreluniver.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=oreluniver.ru&utm_referrer=oreluniver.ru (accessed: 12.06.2026). (In Russ.).

21. A Student from Africa // Magnitogorsk Metal. 2025. October 9. URL: <https://magmetall.ru/news/pokolenie-next/student-iz-afriki/> (accessed: 18.05.2026). (In Russ.).

22. Tereshchenko E. K., Razinkova V. G. New Technologies of Acculturation and Adaptation of International Students to Social and Academic Life in Russia // Innovative Development of Education in a Changing World: Experience, Problems, Solutions: Collection of Scientific Papers / ed. by V. K. Shapovalov, I. F. Igropulo. Stavropol: North-Caucasus Federal University Publishing House, 2017. 177 p. (In Russ.).

23. Tereshchenko E. K. Mentoring as a Technology of Pedagogical Support for International Students // Bulletin of North-Caucasus Federal University. 2019. No. 1. P. 153–157. (In Russ.).

24. Tikhonova E. G. Features of the Adaptation of International Students at a Regional University // Regionology. 2020. No. 2. Pp. 149–155. (In Russ.).

25. Decree on the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (accessed: 10.06.2026). (In Russ.).

26. Decree of the President of the Russian Federation No. 401 of June 27, 2022 “On Holding the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47958> (accessed: 11.06.2026). (In Russ.).

27. Strengthening Intercultural Ties // Nosov Magnitogorsk State Technical University. URL: <https://www.magtu.ru/novosti/novosti-universiteta/17870-ukreplyaya-mezhkulturnye-svyazi.html> (accessed: 16.05.2026). (In Russ.).

28. Cai L., Weise C., & Álvarez Valdivia I. Cross-cultural experiences: Voices of the Chinese doctoral students at a Spanish university // International Journal of Chinese Education. 2024. Vol. 13. Iss. 3. URL: <https://doi.org/10.1177/2212585x241270193> (accessed: 12.04.2026). (In Eng.).

29. Carroll J. Teaching International Students: Improving Learning for All. London: Routledge, 2005. 171 p. (In Eng.).

30. Clevenger J. “Use early engagement to build belonging for international students” // Times Higher Education Campus. 2026. URL: <https://www.timeshighereducation.com/campus/use-early-engagement-build-belonging-international-students#main-text> (accessed: 14.04.2026). (In Eng.).

31. Hassan S. Female Arab International Students Negotiate Their Identities // Journal of International Students. 2025. Vol. 15. No. 3. Pp. 203–226. URL: <https://fhbmuenster.digibib.net/search/eds/record/eric:EJ1466891> (accessed: 18.05.2026). (In Eng.).
32. HSE University. International Mentoring Programme. URL: <https://istudents.hse.ru/en/mentoring> (accessed: 14.06.2026). (In Eng.).
33. Oberg K. Cultural shock: Adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7. Pp. 177–182. (In Eng.).
34. Ryan J. Cross-Cultural Teaching and Learning for International Students. London: Routledge, 2012. 312 p. (In Eng.).
35. University of Freiburg. “The Intercultural Mentoring Programme (ICM).” uni-freiburg.de, 2026. URL: <https://uni-freiburg.de/en/studies/during-your-studies/icm/> (accessed: 15.04.2026). (In Eng.).
36. University of Sopron. Exemplary International Student Satisfaction at the University of Sopron. URL: <https://international.uni-sopron.hu/exemplary-international-student-satisfaction-at-the-university-of-sopron> (accessed: 17.04.2026). (In Eng.).

**TOTAL MENTORING AS A FACTOR
IN THE SOCIOCULTURAL AND FINANCIAL ADAPTATION
OF FOREIGN STUDENTS IN A MULTICONFESSIOANAL
UNIVERSITY SPACE (A CASE STUDY
OF MAGNITOGORSK UNIVERSITY)**

Elena V. Kornienko

Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Scientific Supervisor – Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the issues of comprehensive adaptation of foreign students in Russian regional universities. Existing adaptation and mentoring models are often fragmented, focusing mainly on linguistic or psychological support, while the interaction among governmental migration services, ethnic diasporas, and religious organizations remains insufficiently studied. This paper presents an empirical analysis of the effectiveness of the “total mentoring” approach implemented

at Nosov Magnitogorsk State Technical University. The study is based on data concerning the university's activities, where more than 300 foreign students are currently enrolled, as well as on the experience of cooperation with ethnic diasporas and religious organizations in the city of Magnitogorsk. The findings demonstrate that continuous interaction with diasporas reduces everyday and cultural shock; however, it also creates risks of ethnic clustering. The authors concludes that mentoring is highly effective during the first months of foreign students' stay, but it requires continuous updating and coordination among all participants involved in the adaptation process. The proposed model can be applied to other regional universities, taking into account local specificities.

Keywords: adaptation of foreign students, total mentoring, educational and methodological support, ethnic diasporas, religious needs, Muslim students, financial support, migration regulation, Magnitogorsk

Для цитирования: Корниенко Е. В. Тотальное наставничество как фактор социокультурной и финансовой адаптации иностранных студентов в поликонфессиональном университетском пространстве (на примере г. Магнитогорска) // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 125-143.

Поступила в редакцию 12.06.2026

РАЗДЕЛ VI. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 371
ББК 74.26

П. Э. Иванова¹

ORCID: 0009-0001-3377-2555

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
pollyiva67@gmail.com*

С. В. Рудакова²

ORCID: 0000-0001-8378-061X

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
rudakovamasu@mail.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ LIFESTYLE: КОГДА ВОСПИТАНИЕ ВКУСА К ЧТЕНИЮ СТАНОВИТСЯ ОСНОВОЙ ЛИЧНОГО БРЕНДА

В статье раскрывается взаимосвязь между педагогической деятельностью, формированием читательской культуры у обучающихся и построением личного бренда педагога. Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами: изменением статуса педагога (современный учитель все чаще выступает как публичный профессионал, чья экспертность проявляется в различных коммуникативных сферах); трансформацией читательских практик школьников, для которых книга конкурирует с иными медиаформатами нуждается в особых способах педагогического сопровождения; необходимостью обновления методики обучения литературы, ориентированной

¹ Иванова Полина Эдуардовна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

не только на развитие способностей детей по интерпретации произведений, но и на формирование их читательской идентичности; возрастающей значимостью личного бренда педагога как ресурса профессионального развития, авторитета и культурного влияния. Объектом исследования выступает профессиональная деятельность учителя литературы в условиях медиатизированного образовательного пространства. Показано, как систематическая работа по воспитанию вкуса к чтению может стать смысловым ядром профессионального образа учителя, усиливая его экспертность, эмоциональную связь с аудиторией и востребованность в образовательном и медийном пространстве. Особое внимание уделено инструментам трансляции читательского опыта через цифровые платформы, а также критериям оценки эффективности такой деятельности. В дополнение к теоретической части представлен блок «Переупаковка»: академический текст о ценности репетиторских услуг по развитию читательской грамотности адаптирован в 5 веб-жанров, демонстрирующих, как изменение формата влияет на восприятие цены услуги. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов работы при организации внеурочной деятельности, разработке медиаконтента учителя словесности, создании образовательных проектов, направленных на популяризацию чтения.

Ключевые слова: личный бренд педагога, цифровая коммуникация, медиапроектирование, переупаковка контента, веб-жанры

Введение. В условиях цифровой трансформации образования и роста конкуренции в образовательном сегменте роль и место учителя в современной жизни меняется. Современные педагоги перестают быть просто трансляторами предметного знания в замкнутом пространстве класса, они становятся «менторами, организаторами и новаторами в образовательной сфере, что требует от них постоянного самосовершенствования и активного участия в педагогическом сообществе» [2, 20], знакомят детей с существующими коммуникативными моделями, выполняют также функции медиаторов культуры, способных формировать ценностные ориентиры обучающихся. Учитель становится публичной фигурой, а его личный бренд – показателем профессиональной идентичности [1; 5; 6; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Как верно отметила Е. А. Финогенова, «еще 10 лет назад было сложно предположить, что учителю, как и предпринимателю или какому-то новому продукту, организации, идее понадобится личный бренд, который важно и необходимо будет развивать через социальные сети» [11, 28].

В настоящий момент личный бренд педагога перестает рассматриваться как избыточный маркетинговый инструмент, а осмысливается многими как новая форма профессиональной идентичности [1; 5; 6; 14; 16; 19], в которой воспитательный потенциал личности учителя приобретает публичное измерение [10].

Исследователи отмечают, что в настоящее время профессиональная репутация педагога формируется не только в рамках школы, в которой он работает, но и в медиапространстве – через публичные выступления, социальные сети, образовательные проекты, авторские методические материалы, через различные формы взаимодействия с читательским сообществом. Т. А. Копачева, анализируя феномен личного бренда педагога, приходит к выводу, что публичность учителя требует не стихийной презентации, а осознанной стратегии профессионального позиционирования, основанной на экспертизности, ценностях, коммуникативной ответственности [5]. В медиапространстве педагог становится субъектом влияния, чья репутация складывается из содержания его выступлений, особенностей коммуникации, этичности и устойчивости профессионального образа. В этом смысле личный бренд педагога не сводится к внешней узнаваемости; важна согласованность между тем, что транслируется учителем в публичном пространстве, как организуется образовательное взаимодействие и какие культурные практики привлекательнее для учеников в настоящее время.

Особо значим в этом контексте вопрос о роли педагога-словесника, чья профессиональная деятельность связана не только с обучением чтению и интерпретации художественных произведений, но и формированием устойчивого интереса к литературе как сфере, позволяющей личности самоопределяться.

Актуальность выбранной нами темы обусловлена снижением интереса к чтению среди молодежи, ростом запроса на «живые» образовательные форматы и необходимостью переосмысления роли учителя как культурного проводника. В современной школе чтение нуждается не только в нормативном закреплении в программе, но и культурной реабилитации как личностно значимого, эмоционально яркого и социально престижного действия.

Формирование вкуса к чтению предполагает не просто процесс приобщения детей к механическому освоению литературных произведений, но и развитие способности различать художественное качество, испытывать эстетическое удовольствие, ощущать потребность интерпретации, в соотнесении прочитанного с собственным жизненным опытом и культурным горизонтом. Воспитание вкуса к чтению – это не просто формирование навыка, а практика культурной трансляции, эмоционального вовлечения и социального проектирования. С точки зрения культурологии, чтение – форма диалога с культурным наследием, позволяющая человеку осмысливать себя в контексте истории, этики и эстетики. Для педагога такой диалог становится способом моделирования ценностной среды [3, 114]. Воспитание литературного вкуса оказывается соотнесенным с эстетическим и аксиологическим воспитанием – школьник учится и понимать текст, и выбирать, оценивать произведения, сопереживать, аргументировать свою позицию в отношении героев, ситуаций и т. д., вступать в диалог с автором, героями, эпохой, читательским сообществом.

Вопрос о значимости правильно организованного педагогического общения всегда был на повестке дня [12]. В современных работах по методике обучения литературы урок рассматривается как коммуникативное событие. Потому в центре внимания не только передача литературоведческих знаний, но организация читательского диалога, создание ситуации личностного освоения текста, развитие самостоятельности обучающихся по интерпретации произведений. Важно создать такие условия на занятии, чтобы художественный текст воспринимался учеником не просто как «учебный материал», отделенный от жизни, а как мир, формирующий смысловой и эмоциональный опыт. Урок литературы таким образом становится не просто пространством передачи и контроля знаний, он становится отправной точкой формирования читательского маршрута. Внеурочная деятельность – литературные клубы, читательские конференции, проектная работа, обсуждений киноэкранизаций, школьные медиа, публичные выступления на литературные темы – расширяет границы литературного образования, позволяя перевести чтение из сферы учебной обязанности в мир личного выбора. В таких условиях педагог становится не просто транслятором программы, но куратором читательского опыта, модератором культурной программы, лидером, объединяющим сообщество вокруг книги.

Педагогический Lifestyle и формирование читательского интереса. В рамках концепции личного бренда воспитание читательского вкуса выступает стратегией дифференциации: авторские подборки, нестандартные форматы работы с текстом, личные рекомендации становятся маркерами уникальности учителя. Это согласуется с современными исследованиями персонального брендинга в образовании, где важны аутентичность, эмоциональная связь и долгосрочная ценность контента.

«Педагогический Lifestyle» – это совокупность профессиональных практик, ценностей и коммуникативных кодов, делающих образ педагога узнаваемым. В отличие от традиционного имиджа, Lifestyle предполагает демонстрацию образа жизни, в котором педагогическая деятельность органично вплетена в культурные и повседневные практики [6].

Переход от традиционной модели преподавания литературы к модели «педагогического Lifestyle» особенно заметен в медиа коммуникативной среде. В условиях цифровизации различных сфер жизни, в том числе и культуры и образования [9; 20], роста медиапотребления и конкуренции книги с визуальными и интерактивными форматами [13] воспитание вкуса к чтению приобретает статус не частной методической задачи, а ключевого элемента педагогического lifestyle учителя словесности. Если педагогический lifestyle строится прежде всего на демонстрации ценностных установок [11, 30], то для учителя литературы такой ценностный фундамент – его литературный вкус, отношение к книге, способность увлечь чтением.

Вопросы формирования читательского интереса, воспитание «талантливой читателя»¹ [7, 244], организация работы на уроках литературы и во внеурочной длительности становятся не просто методическими задачами, но содержательными опорами личного бренда.

Воспитание вкуса к чтению естественно вписывается в эту модель: оно предполагает регулярность, системность и эмоциональную вовлеченность. Учитель демонстрирует экспертность не декларативно, а через реальные действия – подбор книг, анализ текстов, организацию читательских сообществ, онлайн-

¹ Как отмечал ещё С. Я. Маршак: «Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова» [7, 244].

дискуссии, литературные марафоны, видеолекции, подкасты [8; 21]. Важно, чтобы эта деятельность была частью повседневной практики: от рекомендаций в начале урока до публикаций в социальных сетях, от элементов игры в процессе урока [4] до проектов во внеурочной деятельности [8].

Цифровые платформы (VK Видео, Дзен, МАХ и др.) становятся ключевым каналом трансляции педагогического Lifestyle. Канал, посвященный книжным рекомендациям, может включать обзоры, чтения вслух, дискуссии, интервью с авторами.

Политика сообществ на видеохостингах требует баланса между образовательной ценностью и развлекательной составляющей: слишком формальный подход отпугивает аудиторию, а излишний акцент на популярности подрывает доверие. Оптимальна стратегия сочетания глубины анализа с динамичной подачей [5].

Пример «переупаковки» сложного академического текста о ценности репетиторских услуг по развитию читательской грамотности в 5 разных веб-жанрах. Исходный академический тезис: «Репетитор обеспечивает систематическую работу с текстами разных стилей и жанров, формирует навыки критического анализа, интерпретации и рефлексии, что позволяет обучающемуся уверенно справляться с экзаменационными и академическими заданиями, а также осознанно выбирать источники информации в повседневной жизни. Стоимость услуги обусловлена высокой экспертной нагрузкой, необходимостью индивидуального подбора материалов и регулярной обратной связи, а также учётом возрастных и когнитивных особенностей ученика».

Для осознанной аудитории в качестве продающего контента хорошо подойдет лонгрид на тему: «Как репетитор формирует навык, который влияет на обучение ребенка».

Примерный текст лонгрида:

«В общественном сознании репетитор по чтению часто воспринимается как специалист, который помогает ребенку начать читать бегло. На деле его задача – сформировать комплексную читательскую грамотность: умение видеть структуру текста, различать факты и мнения, понимать подтекст, проверять источники. Это напрямую влияет на успеваемость по гуманитарным и даже точным предметам: ведь чтобы решать задачи и анализировать исторические документы, тоже нужно уметь читать.

Работа репетитора включает не только разбор текстов, но и подбор материалов под уровень и интересы ученика,

регулярную обратную связь и отслеживание прогресса. Именно эта системность, экспертиза и индивидуальный подход определяют стоимость услуги: это не разовое действие, а процесс, требующий времени, профессиональных знаний и эмоциональной вовлеченности. В долгосрочной перспективе такой подход экономит ресурсы семьи: ученик быстрее справляется с домашними заданиями, увереннее чувствует себя на экзаменах и учится самостоятельно работать с информацией.»

Цена выглядит обоснованной за счет раскрытия объема работы, демонстрации связи с реальными результатами и объяснения, из чего складывается стоимость.

Для серии постов в Мах нами был разработан сценарий:

1/5. Репетитор не просто помогает научиться читать. Педагог учит понимать тексты, отличать факты от мнений и не попадаться на уловки в рекламе и новостях.

2/5. На занятиях мы разбираем структуру, ищем аргументы, тренируем вопросы к тексту и учимся видеть скрытые смыслы.

3/5. Материалы подбираются индивидуально: учитываем возраст, интересы и цели ученика. Это экономит время и повышает мотивацию.

4/5. Регулярная обратная связь помогает отслеживать прогресс и вовремя корректировать план.

5/5. Стоимость складывается из экспертизы, подбора материалов и постоянной работы с учеником. Это инвестиция в навык, который нужен каждый день.

Дробление на шаги делает процесс прозрачным, а цена воспринимается как плата за понятную, измеримую работу, а не за абстрактный результат.

Платформа VK позволяет создавать карусели из фото. Для раскрытия работы репетитора можно использовать картинки с текстом, приведенным ниже.

Слайд 1. Заголовок: «Что входит в работу репетитора по чтению?»

Слайд 2. «Разбор структуры текста: как понять, о чем на самом деле пишет автор». Иллюстрация: схема абзаца с пометками.

Слайд 3. «Критическое мышление: учимся отличать факты от мнений». Иллюстрация: значки «галочка» и «восклицательный знак».

Слайд 4. «Подбор материалов под интересы ученика: чтобы было не скучно». Иллюстрация: стопка книг разных жанров.

Слайд 5. «Обратная связь и прогресс: видим, как растут навыки». Иллюстрация: график роста.

Слайд 6. «Успех = экспертиза + индивидуальный подход + регулярная работа. Это навык на всю жизнь».

Визуализация этапов работы делает ценность осязаемой, а цена кажется справедливой, потому что видно, за что платят.

Также в VK есть формат коротких видео. Динамично смонтированная работа наберет много просмотров. Сценарий:

Кадр 1. Ученик смотрит на длинный текст и вздыхает. Текст на экране: «Когда видишь текст на 5 страниц...»

Кадр 2. Репетитор показывает схему: «Сначала смотрим на заголовки и подзаголовки».

Кадр 3. «Потом ищем главный тезис и аргументы».

Кадр 4. Ученик уверенно подчёркивает ключевые фразы. Текст: «Через 3 занятия уже видишь структуру».

Кадр 5. Финальный экран: «Репетитор экономит время и нервы, помогает быстро достигнуть результата».

Эмоциональный путь от стресса к уверенности делает услугу ценной, а стоимость воспринимается как плата за снятие «боли» и получение быстрого эффекта.

Пост-эмодзи даст возможность быстро получить информацию. Пример:

 Репетитор по чтению ≠ читать вслух.

 Это про понимание структуры, поиск аргументов, критическое мышление.

 Материалы под интересы ученика – так не скучно.

 Регулярная обратная связь – видим прогресс.

 Это навык, который пригодится каждый день.

Лаконичность и эмодзи делают сообщение легким для восприятия, а ценность услуги считывается быстро; цена воспринимается как справедливая, потому что понятно, из чего она складывается.

Заключение. Воспитание вкуса к чтению в современной педагогике выходит за рамки традиционной методики и становится мощным инструментом формирования личного бренда учителя. Оно позволяет педагогу позиционировать себя не только как предметника, но и как культурного проводника, способного вдохновлять, мотивировать и объединять вокруг общих ценностей. Интеграция читательских практик в педагогический Lifestyle, подкрепленная продуманной медийной стратегией и вариативной

подачей контента, открывает новые возможности для профессионального роста педагога и его социального признания.

В условиях формирующейся цифровой культуры именно учитель словесности, способный сделать чтение частью собственного образа жизни и убедительно транслировать эту ценность в публичное пространство, становится носителем личного бренда, основа которого не установка на продвижение личности, а идея продвижения культурной позиции: увлеченно читать, понимать, обсуждать и помогать другим осмысливать литературу как сферу личностного развития.

Список источников

1. Акимова Л. А. Имидж современного педагога как его профессиональный бренд // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2016. № 1. С. 20-21. EDN VXDWAZ.
2. Бисенова Л. Е. Проектирование системы работы по подготовке педагогов к участию в конкурсах профессионального мастерства (на примере организации работы управления образования Нагайбакского района Челябинской области) // Libri Magistri. 2024. № 3 (29). С. 19-42.
3. Булкина К. И. Прикладные аспекты формирования и развития персонального бренда педагога в современных социокультурных условиях / К. И. Булкина, Т. С. Эмануэль, Ю. В. Эмануэль // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 3(31). С. 107–119. EDN QRQCHS.
4. Дмитриева А. В., Рудакова, С. В. Геймификация как инструмент повышения мотивации студентов в персонализированном обучении // Libri Magistri. 2026. № 1(35). С. 64-77. EDN KQYKSS.
5. Копачева Т. А. Педагог в медиaprостранстве: развитие личного бренда педагога в социальных сетях // Медиа. Информация. Коммуникация. 2025. Т. 39, № 1. С. 25-28. EDN CDISBY.
6. Мантуленко В. В., Зотова А. С. Персональный бренд преподавателей вузов в цифровом пространстве // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 4. С. 105-113.
7. Маршак С. Я. О талантливом читателе // Маршак С. Я. Соч.: в 4 томах. Москва: Гослитиздат., 1960. Т. 4. С. 236-249.
8. Рудакова Т. В., Панкина Е. Н. Сетевой проект как инструмент развития читательской грамотности обучающихся // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 116-121.
9. Рудакова С. В., Кривопапенко С. А. Применение искусственного интеллекта в системе образовании (использование

нейросетей в работе учителя) // Libri Magistri. 2025. № 4(34). С. 121-133. EDN NSZQFE.

10. Сосновская В. П. Личный бренд педагога в социальных сетях: психологические детерминанты и пути формирования // Вестник педагогических наук. 2026. № 3. С. 341–347.

11. Финогенова Е. А. Актуальность личного бренда в профессии учителя // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 11(127). С. 28-33. EDN LHHMOF.

12. Хачикян Е. И. Педагогическое общение в профессиональной деятельности учителя литературы // Libri Magistri. 2017. № 4(35). С. 139-144.

13. Юдина М. В., Рудакова С. В. Визуальный поворот: роль изображения в современных цифровых медиа // Медиаисследования. 2025. № 11. С. 91-98. EDN KJLTPK.

14. Beijaard D. Reconsidering research on teachers' professional identity / D. Beijaard, P. C. Meijer, N. Verloop // Teaching and Teacher Education. 2004. Vol. 20. № 2. Pp. 107–128.

15. Cremin T. Teachers as readers: building communities of readers / T. Cremin, M. Mottram, F. Collins, S. Powell, K. Safford // Literacy. 2009. Vol. 43. № 1. Pp. 11–19.

16. Day C. The personal and professional selves of teachers: stable and unstable identities / C. Day, A. Kington, G. Stobart, P. Sammons // British Educational Research Journal. 2006. Vol. 32. № 4. Pp. 601–616.

17. Gorbatov S. Personal branding: interdisciplinary systematic review and research agenda / S. Gorbatov, S. N. Khapova, E. I. Lysova // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 2238. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02238.

18. Kelchtermans G. Who I am in how I teach is the message: self-understanding, vulnerability and reflection // Teachers and Teaching. 2009. Vol. 15. № 2. Pp. 257–272.

19. Nejadghanbar H. Social media branding: what teachers and teacher educators need to know / H. Nejadghanbar // The Teacher Trainer. 2024. Published 27 October. URL: https://www.researchgate.net/publication/385450355_Social_media_branding_What_teachers_and_teacher_educators_need_to_know (дата обращения: 20.05.2026).

20. Tomyuk O. Media transformation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization / O. Tomyuk, A. Diachkova, A. Kerimov // Russian Law: Education, Practice, Research. 2021. No. 6. Pp. 100-110. EDN XPPRPK.

21. Wang F.-Y. An expert EFL reading teacher's readers club: reader identity and teacher professional development // *European Journal of Teacher Education*. 2018. Vol. 41. № 4. Pp. 517–528.

REFERENCES

1. Akimova L. A. The image of a modern teacher as their professional brand // *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. 2016. No. 1. P. 20-21. EDN VXDWAZ. (In Russ.).

2. Bisenova L. E. Designing a system of work to prepare teachers for participation in professional skills competitions (using the example of the organization of work of the Education Department of the Nagaybasky District of the Chelyabinsk Region) // *Libri Magistri*. 2024. No. 3 (29). Pp. 19-42. (In Russ.).

3. Bulkina K. I. Applied aspects of the formation and development of a teacher's personal brand in modern sociocultural conditions / K. I. Bulkina, T. S. Emanuel, Yu. V. Emanuel // *Continuing Education: XXI Century*. 2020. No. 3(31). Pp. 107–119. EDN QRQCHS. (In Russ.).

4. Dmitrieva A. V., Rudakova, S. V. Gamification as a tool for increasing student motivation in personalized learning // *Libri Magistri*. 2026. No. 1(35). Pp. 64-77. EDN KQYKSS. (In Russ.).

5. Kopacheva T. A. A teacher in the media space: development of a teacher's personal brand on social media // *Media. Information. Communication*. 2025. Vol. 39, No. 1. Pp. 25-28. EDN CDISBY. (In Russ.).

6. Mantulenko V. V., Zotova A. S. Personal brand of university teachers in the digital space // *Vocational Education and Labour Market*. 2020. No. 4. Pp. 105-113. (In Russ.).

7. Marshak S. Ya. On a talented reader // Marshak S. Ya. *Works: in 4 volumes*. Moscow: Goslitizdat., 1960. Vol. 4. Pp. 236-249. (In Russ.).

8. Rudakova T. V., Pankina E. N. A network project as a tool for developing learners' reading literacy // *Libri Magistri*. 2018. No. 5. Pp. 116-121. (In Russ.).

9. Rudakova S. V., Krivopalenko S. A. Application of artificial intelligence in education (the use of neural networks in teachers' work) // *Libri Magistri*. 2025. No. 4(34). Pp. 121-133. EDN NSZQFE. (In Russ.).

10. Sosnovskaya V. P. A teacher's personal brand on social media: psychological determinants and ways of formation // *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2026. No. 3. Pp. 341–347. (In Russ.).

11. Finogenova E. A. The relevance of a personal brand in the teaching profession // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2024. No. 11(127). Pp. 28-33. EDN LHHMOF. (In Russ.).

12. Khachikyan E. I. Pedagogical communication in the professional activity of a literature teacher // *Libri Magistri*. 2017. No. 4(35). Pp. 139-144. (In Russ.).

13. Yudina M. V., Rudakova S. V. The visual turn: the role of images in contemporary digital media // *Media Studies*. 2025. No. 11. Pp. 91–98. EDN KJLTPK. (In Eng.).

14. Beijgaard D. Reconsidering research on teachers' professional identity / D. Beijgaard, P. C. Meijer, N. Verloop // *Teaching and Teacher Education*. 2004. Vol. 20. No. 2. Pp. 107–128. (In Eng.).

15. Cremin T. Teachers as readers: building communities of readers / T. Cremin, M. Mottram, F. Collins, S. Powell, K. Safford // *Literacy*. 2009. Vol. 43. No. 1. Pp. 11–19. (In Eng.).

16. Day C. The personal and professional selves of teachers: stable and unstable identities / C. Day, A. Kington, G. Stobart, P. Sammons // *British Educational Research Journal*. 2006. Vol. 32. No. 4. Pp. 601–616. (In Eng.).

17. Gorbatov S. Personal branding: interdisciplinary systematic review and research agenda / S. Gorbatov, S. N. Khapova, E. I. Lysova // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article 2238. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02238.

18. Kelchtermans G. Who I am in how I teach is the message: self-understanding, vulnerability and reflection // *Teachers and Teaching*. 2009. Vol. 15. No. 2. Pp. 257–272. (In Eng.).

19. Nejadghanbar H. Social media branding: what teachers and teacher educators need to know / H. Nejadghanbar // *The Teacher Trainer*. 2024. Published 27 October. URL: https://www.researchgate.net/publication/385450355_Social_media_branding_What_teachers_and_teacher_educators_need_to_know (accessed: 20.05.2026). (In Eng.).

20. Tomyuk O. Media transformation of the legal culture of an individual in the context of global digitalization / O. Tomyuk, A. Diachkova, A. Kerimov // *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2021. No. 6. Pp. 100–110. EDN XPPRPK. (In Eng.).

21. Wang F.-Y. An expert EFL reading teacher's readers club: reader identity and teacher professional development // *European Journal of Teacher Education*. 2018. Vol. 41. No. 4. Pp. 517–528.1. Akimova L. A. The image of a modern teacher as their professional brand // *Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. 2016. No. 1. Pp. 20–21. EDN VXDWAZ. (In Eng.).

**TEACHING LIFESTYLE: WHEN CULTIVATING A TASTE
FOR READING BECOMES THE FOUNDATION
OF A PERSONAL BRAND**

Polina E. Ivanova

Master's student, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

This article explores the relationship between teaching, developing a reading culture in students, and building a teacher's personal brand. The relevance of the study is determined by several factors: the changing status of the teacher (the contemporary teacher increasingly acts as a public professional whose expertise is manifested in various communicative spheres); the transformation of schoolchildren's reading practices, for whom books compete with other media formats and therefore require special forms of pedagogical support; the need to update methods of teaching literature, aimed not only at developing students' ability to interpret literary works but also at shaping their reader identity; and the growing importance of the teacher's personal brand as a resource for professional development, authority, and cultural influence. The object of the study is the professional activity of the literature teacher in a mediatized educational environment. It demonstrates how systematic efforts to cultivate a taste for reading can become the core of a teacher's professional image, enhancing their expertise, emotional connection with the audience, and relevance in the educational and media spaces. Particular attention is paid to tools for transmitting the reading experience through digital platforms, as well as criteria for assessing the effectiveness of such activities. In addition to the theoretical section, a "Repackaging" section is presented: an academic text on the value of tutoring services for developing reading literacy is adapted into five web genres, demonstrating how format changes influence the perceived value of the service. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings in the organization of extracurricular activities, the development of media content by literature teachers, and the creation of educational projects aimed at promoting reading.

Keywords: teacher's personal brand, digital communication, media design, content repackaging, web genres

Для цитирования: Иванова П. Э., Рудакова С. В. Педагогический Lifestyle: когда воспитание вкуса к чтению становится основой личного бренда // Libri Magistri. 2026. № 3 (37). С. 144-156.

Поступила в редакцию 12.07.2026

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в тридцать восьмом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **4 номера 2026** (тридцать восьмого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в декабре 2026 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 96-04/2023).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.

6. Номер телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – ***Фамилия_статья*** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности **не менее 70%**.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список источников, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – ***Times New Roman***, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках

(выравнивание по правому краю) – **ORCID** автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор

научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать место работы.

14. Цитирование без подробных ссылок (**с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках**) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. **В статье не использовать табуляцию.**

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibrary](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809)https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809 и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>; на сайте журнала <http://lm.magtu.ru/#2022>.

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу **rudakovamasu@mail.ru**

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Список источников

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` [“Lomonosov Text” of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`nskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast'ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o._n._100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2026. 3 (37)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38). 16+,
в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 05.09.2026. Подписано в печать 14.09.2026.

Дата выхода 30.09.2026.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл. печ. л. 10,25.

Тираж 500 экз. Заказ 306

Цена свободная.